
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

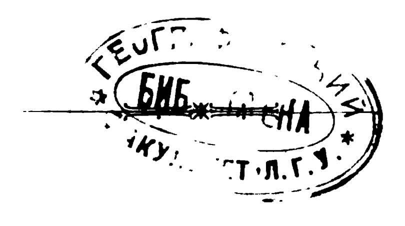
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

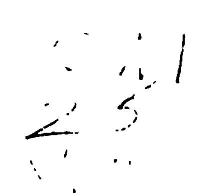
Выпускъ I–IV

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ.

Потребность въ широкомъ изученіи особенностей русскихъ говоровъ давно уже чувствовалась въ нашей наукѣ. Въ изслѣдованіи русской діалектологіи одинаково заинтересованы не только спеціалисты-филологи, но и этнографы и историки. Поэтому нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно на призывъ къ работѣ въ этомъ направленіи такого почтеннаго журнала какъ «Живая Старина». Отдѣльныя работы по описанію различныхъ говоровъ тѣмъ болѣе своевременны, что уже начатъ общій обзоръ русской діалектологіи такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ профессоръ Соболевскій.

Важность выясненія отдѣльныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ чувствуется едва-ли не сильнѣе, чѣмъ другихъ частей Россіи. Поэтому, авторъ настоящихъ замѣтокъ рѣшился подѣлиться съ читателями «Живой Старины» имѣющимися у него матеріалами по бѣлорусской діалектологіи. Нижеслѣдующія замѣтки не будутъ имѣть опредѣленнаго плана; авторъ предполагаетъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся изъ извѣстныхъ ему говоровъ Минской губерніи. Главная цѣль замѣтокъ—описать менѣе извѣстныя особенности говоровъ, и лишь въ первомъ очеркѣ авторъ дозволитъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчія вообще, что вполнѣ умѣстно, потому что говоръ Ново-Сверженской волости, какъ лежащей въ Минскомъ уѣздѣ, принадлежитъ къ центральнымъ бѣлорусскимъ. Матеріалы для настоящихъ замѣтокъ — исключительно рукописные, имѣющіеся въ распоряженіи автора. По нѣкоторымъ мѣстностямъ они собраны лично авторомъ, по другимъ—доставлены изъ надежныхъ источниковъ [1]).

---

1) Эти матеріалы (пѣсни, сказки, описанія обычаевъ и обрядовъ, юридич. матер. и пр.) будутъ современемъ помѣщены въ «Трудахъ» Моск. Общ. Любит. Естеств., Антропол. и Этногр. Изданіе ихъ уже приходило къ концу, но сгорѣло все во время пожара въ типографіи Левенсона.

I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда.

Матеріалъ, которымъ я пользуюсь,—это записи пѣсенъ и сказокъ, сдѣланныхъ для меня въ этой мѣстности гг. Демидовичемъ и Ярмаковичемъ. Записи были сдѣланы по моей просьбѣ и по моимъ указаніямъ. Главнымъ образомъ я заботился о точности записи, которая, думаю, и достигнута въ возможной мѣрѣ, Количество записей—до 500 пѣсенъ и до 50 сказокъ.

Ново-Сверженская волость расположена въ юго-зап. части Минскаго у., по верхнему Нѣману, на пограничьи съ Новогрудскимъ уѣздомъ. Замѣчу, что большинство записей относится къ д. Нейгертово этой вол., Кнотовщизнѣ, с. Никольску. Такимъ образомъ, избранная нами мѣстность можетъ быть отнесена къ центральной части Бѣлорусскаго нарѣчія, считая Минскій и Новогрудскій уѣзды его типичными представителями.

A. Гласныя, *O. E. Ѣ.*

Изъ гласныхъ, звуки *о* и *е* представляютъ наиболѣе интересныя особенности не только даннаго говора въ средѣ бѣлорусскихъ, но и всего бѣлорусскаго нарѣчія. Прежде всего *о* и *ѣ* на значительномъ пространствѣ этого нарѣчія являются звуками двоегласными. *Оу*, *уо*, и *іе*; двоегласіе это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что звуки *о* и *у*, *і* и *е* настолько тѣсно сливаются, что представляютъ одинъ звукъ—дифтонгъ, слышимый въ одной мѣстности рѣзче, въ другой весьма близко подходящій, а иногда совсѣмъ превращающійся въ чистый *о* и *е*. Съ другой стороны, будучи безударными, эти звуки представляютъ другое замѣчательное явленіе бѣлорусскаго вокализма—явленіе аканья.

Разсмотримъ сначала безударное *о* и *е*, *ѣ*.

Всякое безударное *о* произносится какъ *а*. Это явленіе наблюдаемъ какъ въ серединѣ словъ, такъ и на концѣ. Вообще, кажется, оно не имѣетъ исключеній въ данной мѣстности, если не считать таковыми случайнаго расположенія словъ въ пѣснѣ или рѣчи, гдѣ на *о* лежитъ логическое удареніе, или наконецъ обмолвокъ или описокъ въ записяхъ. Такъ, въ серединѣ словъ мы встрѣчаемъ: дзѣв*а*чкуомъ, дзѣв*а*чкé, ў к*а*нцѣ, п*а*сјолъ, акѐнца, сь пуоўн*а*чи, п*а*х*а*вайма, п*а*тъ г*а*н*а*чк*а*мъ. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: жалк*а*, сильн*я*, вѣрн*я*, прав*а*ю рукуой, дзѣт*а*къ, зъ сынуочк*а*мъ, за вудиськ*а*мъ, брыўлян*а*и зь бѣл*а*и, станьм*а*, пахавайм*а*, жит*а* (им. вин. ед.) [1]) и проч. Эти примѣры убѣдительно свидѣтельствуютъ, что независимо отъ мѣста, занимаемаго безудар-

1) Приводимыя слова я оставляю въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчены въ текстѣ записей.

нымъ *о* въ словѣ, оно переходитъ въ *а*. Однако есть разница въ природѣ этого *а*, какъ мнѣ кажется: *а* изъ *о*, стоящее передъ ударнымъ слогомъ и непосредственно послѣ него, слышится явственно, какъ *а*; стоящее же на второмъ отъ ударяемаго слогѣ, послѣ или передъ нимъ, имѣетъ звукъ менѣе чистый, средній между *а* и *о*; послѣднее относится и къ тѣмъ случаямъ, когда безударнымъ *о* кончается слово. Поэтому не одинаково явственно слышимъ *а* въ: к*а*нцѣ, здѣт*а*къ, г*а*доу̑, и въ: гàн*а*чк*а*мъ, п*а*х*а*вайма, жалк*а*, жит*а*, равнымъ образомъ, во флексіи *ага* при довольно явственномъ конечномъ *а*, предыдущее *а* неявственно: зялёнага. Г. Карскій объясняетъ подобные случаи тѣмъ, что *о* здѣсь можетъ переходить въ *а*, но можетъ и не переходить. [1]) Мнѣ кажется, что переходъ всегда происходитъ, но звукъ получается неявственный.

Къ переходу *о* въ *а* тѣсно примыкаетъ замѣна *е* безударнаго и *ѣ* — чрезъ j*а*, *а*. Еще К. Аппель указалъ, что правильная замѣна въ этомъ случаѣ наблюдается лишь тогда, когда *е* стоитъ передъ ударнымъ слогомъ. [2]) На этотъ случай мы находимъ полное подтвержденіе въ Ново-Сверженскомъ говорѣ: с я л ò, в я л ѝ к а я, с ь в я ч у̑, с я г ò н я, в я л ѝ ц ь, ц ь в я р ó з ы й, б я р у̑ о з а, д з я у̑ ч ѝ н а, бядà, вянуокъ, бялѣй, пясу̑очакъ, сястрà, вяснà, сьвятлица и т. д. Однако, для *е* собственно мы наблюдаемъ достаточно правильный переходъ его въ *я* и тогда, когда оно стоитъ послѣ слога ударнаго: вéрнямся, кàмянь, Мару̑сянька, вы̀вяду, яснюсянька, галаснюсянька, мѝляньки Въ суффиксахъ и флексіяхъ: су̀кянь, бывàяшъ, дзя̀куямъ, пракатàямся, рашитàямся, зрѣ̀я, бушу̑я, идзѣця, іешця, пéця, (пейте), чу̑я и др.

Такъ какъ *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи абсолютно твердо, то *е* и *ѣ* послѣ него замѣнились не *я*, а *а*: спр*а*чау̑ся, р*а*шато, гор*а*й, (горѣй, хуже), ч*а*р*а*вики, выр*а*зали, р*а*крутачки, сустр*а*чаци, н*а*р*а*кацъ, р*а*ка (рѣка), гòра (горе), пр*а*съ (презъ — чрезъ, когда оно свое удареніе передаетъ слѣдующему слову), у̑ р*а*ццѣ и др.

Послѣ шипящихъ, которыя, какъ извѣстно, въ бѣлорусскомъ тверды: пясоч*а*къ, грош*а*й, грач*а*, хоч*а*, плач*а*, чеш*а*, реч*а*нька, плач*а*мъ, уяж*а*нька, руч*а*чку, ж*а*на, реч*а*й, веч*а*ра, ж*а*ничися, лутш*а*й, руч*а*ньки, щ*а*ку, ращ*а*шу, щ*а*нята [3]), ч*а*равики, пац*а*лую, ц*а*ны и пр. Аналогично: с*а*рдэньку и с*а*бѣ.

Явленіе а к а н ь я представляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій бѣлорусскаго нарѣчія, хотя оно извѣстно южно-великорусскому говору, а также немногимъ сѣверно-великорусскимъ, но здѣсь оно является болѣе или менѣе спорадически и не отражается такъ рѣзко на всемъ строѣ говора. Безсоновъ даже

---

1) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, р. 43.

2) Ст. О бѣлорусскомъ нарѣчіи, Р. Фил. Вѣстн., 1880, № 2, стр. 198 и сл.

3) Но руча*е*мъ проф. Соболевскій производитъ отъ р у ч а й. Ж. М. Н. Пр. 1885, VI, р. 305.

высказываетъ мысль, что южно-великорусское аканье есть отраженіе, заимствованіе аканья бѣлорусскаго [1]). Это послѣднее вполнѣ возможно, но, разумѣется, московское аканье не есть «передѣлка» съ половины XVII ст., какъ выражается Безсоновъ, а скорѣе болѣе глубокій слѣдъ колонизаціоннаго движенія кривичей въ области Окскаго бассейна, продолжавшагося много столѣтій и закончившагося раньше окончательнаго обособленія бѣлорусскаго нарѣчія отъ праязыка русскаго. Бѣлорусское аканье [2]) замѣчается уже въ самомъ нач. XV в. Въ договорѣ Полоцка съ Ригою 1405 г. мы встрѣчаемъ всякоя [3]). Въ памятникахъ половины и конца этого стол. оно является уже господствующимъ: гр. 1478 г. зъ *абого*, *стаить*, *пасле*, [4]), въ Четьѣ 1489 г. оно представляетъ обычное явленіе; *пращаеть*, *багата*, *вясло*, *веселя* и пр. [5]). Однако аканье было извѣстно и раньше, по крайней мѣрѣ *я* изъ *ѣ* находимъ уже въ половинѣ XIV в.: покол*я* (грам. 1340), и дотол*я* (1383 г.) и нѣк. др. [6]). При консервативности письма, оно въ первое время, въ XIV и нач. XV в., встрѣчается рѣдко, но съ конца XV и въ XVI в.—становится явленіемъ обычнымъ. Аканье, начавшееся въ древнихъ кривичскихъ и московскихъ говорахъ, окрѣпло на почвѣ чисто бѣлорусской, послѣ окончательнаго обособленія кривичскихъ и дреговичскихъ говоровъ. *О* безударное потемнѣло въ сознаніи народа, начало колебаться и перешло въ *а*. Но *а* изъ *е* пережило еще посредственный переходъ: сначала явились *о* изъ *е*, затѣмъ уже это *о* перешло въ а [7]). Колебаніе звука *е* относится въ очень раннимъ особенностямъ [8]) бѣлорусскаго нар.—къ XIII ст., напр. ч*о*ловека, въ грам. Смол. кн. въ Ригу 1284: наш*о*му, ваш*о*му [9]). Хотя эта черта не была преобладающею въ говорѣ, и на ряду съ развитіемъ *о* изъ *е* мы встрѣчаемъ уже переходъ этого новаго *о* въ *я* (съ XV в.), однако подобные примѣры проходятъ и въ XIV и XV вв.; *ажо* (грам. XIV в,), ц*о*ловати (гр. 1389 г. [10]); коворъ, хоч*о*мъ и др. примѣры изъ Четьи 1489 [11]).

---

[1]) Бѣлорусскія пѣсни, р. V.

[2]) Объ аканьѣ въ Моск. пам. пол. XIV ст. см. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз., р 69 г. (1-ое изд.).

[3]) Соболевскій, Полоцко-Смоленскій говоръ Р. Фил. Вѣстн. 86 г., № 1, р. 11.

[4]) ibidem.

[5]) Карпинскій, Четья 1489 г. (изъ Р. Ф. В.) р. 10, 9.

[6]) Недешевъ, Историч. Обзоръ зв. и морфол. особ. бѣлор. гов., р. 18 (отт.), но не докоя, какъ думаетъ г. Недешевъ. Ср. рец. Соболевскаго, Ж. М. Нар Пр., 1885, № VI, р. 305

[7]) Соболевскій, Къ ист. русск. акающихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣстн. 1884, № 3. р. 106.

[8]) Соболевскій, Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В. 1886 № 1, 13. Но въ др. р. памятн. эта черта встрѣчается уже въ XII в. (См. объ Антихристѣ, Галицкій Выголексинскій сб. и др.). Соболевскій, Лекціи, р. 52.

[9]) Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В., 81, № 1, В.

[10]) Ibidem, р. 10, 11.

[11]) Карпинскій, 10.

Когда закончился этотъ переходъ *е* въ *а*, неизвѣстно; въ настоящее время онъ едва ли слышимъ гдѣ нибудь въ Бѣлор., но еще въ Статутѣ 1588 г. г. Карскій отмѣчаетъ формы: нашого, едучого, мачохи, чоловекъ [1]). Однако сомнительнымъ кажется, чтобы всякое *а* изъ *е* прошло черезъ *о* и чтобы былъ такой моментъ въ языкѣ, когда бы послѣднее явленіе было всеобщимъ, или по крайней мѣрѣ преобладающимъ. Встрѣчающіеся одновременно факты (съ XV в.) *о* изъ *е* и *а* изъ *е* черезъ *о* противорѣчатъ послѣднему: появленіе *о* изъ *е* предшествовало появленію *а*, но и послѣднее явилось непосредственно за первымъ, а въ началѣ могло быть и одновременнымъ прямо изъ *е*. Очевидно, что подъ вліяніемъ общаго процеса въ языкѣ, перехода отъ *о* и *е* (черезъ *о*) къ *а*, отдѣльныя реченія могли непосредственно перемѣнять *е* на *а*, недожидаясь посредственной ступени. Это возможно тѣмъ болѣе, что *о* изъ *е* мы чаще всего встрѣчаемъ послѣ шипящихъ (отвердѣніе которыхъ началось очень рано) и сравнительно въ другихъ немногихъ случаяхъ (коворъ въ Четьѣ 1489 г. и др.).

Покончивъ съ аканьемъ, перейдемъ къ другимъ случаямъ перехода безударнаго *о* и *е*.

Прежде всего встрѣчаемъ переходъ безударнаго *о* въ суффиксахъ и флексіяхъ въ *у*: прыгод*у*ньки, на рокитав*у*мъ кусту, ў бѣл*у*й свици, б*уо*синьк*у*й (дат. п.), вар*уажу*ньки, субот*у*ньки, ўдов*у*нька, на прав*у*й, на лѣв*у*й, при ясн*у*й, па нов*у*мъ, па ж*уо*ўт*у*мъ и др.

Такимъ образомъ, этотъ переходъ мы встрѣчаемъ лишь въ суффиксахъ *онька*, *енька* и въ дат. и предл. пад. женск. р. и твор. муж. им. прилаг. Кажется указанными случаями и исчерпывается данное явленіе Ново-Сверженскаго говора. Въ серединѣ словъ встрѣтилось гр*у*маду (ср. *оу*беспечили въ стат. 1588) [2]).

Смѣна *о* на *ы*, происшедшая, какъ думаетъ К. Аппель, уже послѣ перехода *о* въ *а* [3]) отражается въ говорѣ данной мѣстности лишь въ нѣсколькихъ примѣрахъ: зъ др*ы*ўлянаи хаты, др*ы*жиць, под*ы*шодши, ябл*ы*чки, кр*ы*вавыя, бабр*ы*сьци (полагаемъ, что эту форму народъ связываетъ съ бродимъ, бродъ).

Въ настоящее время явленіе перехода безударнаго *о* въ *ы* свойственно только сѣв.-восточн. бѣлорусскимъ говорамъ: приведенные у К. Аппеля примѣры всѣ относятся къ Витебскому, Лепельскому и Суражскому уу., нѣсколько словъ взяты изъ Дисненскаго и Быховскаго уу. Западно-бѣлорусскимъ гово-

---

[1]) Р. Фил. Вѣстн., Къ ист. зв. и ф. бѣл. рѣчи, 1890 г. и 4, р. 203.

[2]) Карскій, Р. Ф. Вѣстн.. 1890 г., № 4, 208.

[3]) Р. Фил. В., 1880, № 2, р. 208.

рамъ оно извѣстно лишь въ немногихъ случаяхъ, хотя это явленіе здѣсь не ново: ср. въ Четьѣ 1489—др*ы*жаху, кр*ы*вавы [1]).

Послѣдніе примѣры изъ Четьи, а также и наши примѣры представляютъ *ы* послѣ *р*; другихъ примѣровъ, кажется, нѣтъ, а потому они скорѣе соотвѣтствуютъ малор. кривави, въ которомъ *и* объясняется проф. Соболевскимъ какъ рефлексъ древняго глухаго звука [2]). Примѣръ подышолъ можетъ быть объясненъ и изъ подъ-ис-шолъ [3]).

Равнымъ образомъ нашъ говоръ не представляетъ выдающихся особенностей перехода неударнаго *е*, *ѣ*. Переходъ *ѣ* въ *и* въ рединѣ словъ встрѣченъ нами лишь въ зацьв*и*тала, цьв*и*ла, усьмихнуўся. Кажется, другихъ примѣровъ не встрѣчается. Зато переходъ *ѣ* во флексіяхъ дат. ж. и мѣстн. пад. въ *и*, а послѣ шипящихъ, *у* и *р*—въ *ы* можетъ быть признанъ общимъ правиломъ: ў лѣс*и*, ў нявол*и*, ў касьцел*и*, ў зьвинтар*ы*, дзѣўц*ы*, сиротуньц*ы*, па садз*и*, ў нач*ы*, на рѣчц*ы*, ў матаньнц*ы*, па галовачц*ы*, ў гōр*ы*, на мор*ы* и пр. Ср. въ грам. 1396 г. на рец*и*, при вѣр*и* и др. [4]).

Е въ нѣкоторыхъ суффиксахъ также можетъ переходить въ *и:* бѣл*и*нька, ран*и*нька, прыкрасн*и*ньки, хуц*и*нька, въ префиксѣ *пре:* прыкрасна; въ серединѣ словъ только: семдз*и*сятъ, дзисяткаў, падл*и*ца, ц*и*перъ, п*и*нёкъ; частица *не* обыкновенно произносится *ни*, рѣже *ня;* наконецъ, въ мѣстоим. *миня*, *цибе*, (вин. п., дат. *табѣ*), *мине* (вин. п.), *сибе*, , *сибя*. Перехода въ флексіяхъ глаг. 2 л. ед. ч. *ешь* въ *ишъ*, въ родѣ будз*и*шъ и пр. въ нашемъ говорѣ не встрѣчается. Оно болѣе присуще сѣверо-восточн. говорамъ.

Отмѣтимъ еще *е*=*ю* въ флексіяхъ: на крайнюмъ, на синюй и др.; сюда же относятся формы: Васи*лю*нку и ўсюхъ=всѣхъ.

Перейдемъ теперь къ ударнымъ *о*, *е*, *ѣ*. Важнѣйшимъ явленіемъ представляется здѣсь переходъ *о* въ *у͡о*, а *ѣ* въ *і͡е*. Разсмотримъ, въ какихъ случаяхъ встрѣчаемъ первое явленіе, и постоянное ли оно или спорадическое.

Самый большой рядъ словъ съ *у͡о* тотъ, гдѣ ударное *о* находится передъ двумя или болѣе согласными, также передъ согласнымъ *j*, или передъ однимъ согласнымъ, кончающимъ собою слогъ. Вотъ рядъ примѣровъ: б*у͡о*льша, ня*в͡у͡о*льна, кук*у͡о*льначка, д*у͡о*нька, б*у͡о*льна, п*у͡о*йдзяшь, г*у͡о*рка (горько), т*у͡о*льки, в*у͡о*зьмуць, сак*у͡о*лъ, в*у͡о*чками, пах*у͡о*тъ, зл*у͡о*тнички, волач*у͡о*бнички, р*у͡о*дняньки, раб*у͡о*тнячки, чаб*у͡о*ръ (родъ травы), б*у͡о*рку падв*у͡о*рья, крак*у͡о*съ (растеніе),

---

[1]) Карпинскій, р. 6.

[2]) Очерки изъ ист. русск. яз., р. 73, и рец. на кн. Карскаго. Журн. М. Нар. Пр., 1887 г., № 5, 146; Потебня, Замѣтки о малор. нар., р. 12.

[3]) Соболевскій, Ж. М. Нар. Пр.. 1885 г., № 6, р. 305.

[4]) Недешевъ, 19.

сяру͡отъ, халу͡одная, ўспу͡омни, бу͡орздыхъ, вячу͡орки, дру͡обны, гу͡орняцца (горнется, прихиляется), гу͡орница, пу͡отшта, плу͡отничкаў, адбу͡орначка, збу͡орщикъ, пярабу͡орщикъ, ну͡очка, му͡ожна, вагу͡онъ, ву͡отка, ку͡опка, жу͡онка, ру͡озна, пу͡озна, галу͡оўка, изну͡оў (снова), ду͡оўга, сьвякру͡оў, пу͡оўначъ, нару͡оўя (норовъ, наровье), здару͡оўя, ву͡оўкъ, пятру͡оўка, малу͡ойчикъ, ву͡ойська, бу͡ойся, на пу͡ойуя, малу͡ойця, ву͡ойту, му͡ой, тьу͡ой, разбу͡ой, пасту͡ой тру͡ойку и мн. другіе.

Исключенія на данные случаи сравнительно рѣдки, и, быть можетъ, объясняются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліяніемъ русскаго языка или меньшею отчетливостью произношенія; вообще въ прозѣ, въ разговорной рѣчи, такихъ исключеній больше: у͡о чаще переходитъ въ чистое *о*, чѣмъ въ пѣсняхъ. Но и въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: хлопчики, тонки (обычно), хвосцики, найомщики, скароджано, успомни, конь, злосьци; сюда же—Христосъ,васкросъ. Къ этому относятся и случаи чистаго *о* передъ *дз* изъ *д* общерусскаго: ходзяць, ў народзи, малодзянкуй, годзи, на слабодзи и мн. др. Вообще можно сказать, что *дз* изъ *д* не вліяетъ на удлиненіе *о* въ у͡о.

Напротивъ, въ коренныхъ слогахъ, гдѣ за *ó* слѣдуетъ одна согласная, мы встрѣчаемъ повсемѣстно чистое *о*; воля, выносяць, Сóняйка, ворано, хоча, скочила, заборы, дароги, горай, скоса, корань, повадъ, поламъя, варотами, укрою, дарози, ў новую росячи, просячи, рожа, поле, кóничакъ, сосянка, цихоня, наровячи, дуброва, вози, соли, пяро, зловяць, звоняць, сирóта, гожы, широкая, ночы, моры, косы, могуць, харомы, высокуй, божа, паложымъ, чырвоны, раскоши, паходамъ, бочачка, словамъ, да дому и мн: др.

И въ этомъ случаѣ исключенія нерѣдки, особенно въ пѣсняхъ, хотя почти нѣтъ примѣровъ, которые строго выдерживались бы повсюду. Такъ, встрѣчаемъ: зву͡ощикъ, малу͡одушку, дару͡ожачку, рыбалу͡овы, ўду͡овушку, гаву͡орыць, лу͡ожа, вару͡оцячакъ, бару͡одачку, бару͡онушку, галу͡овакъ, малу͡одакъ, карчу͡омачки, пу͡овянъ, ну͡овяньки, сту͡оликамъ, наду͡обакъ и нѣк. др. Указанные только что примѣры легко могутъ быть объяснены вліяніемъ другихъ словъ, въ которыхъ у͡о обычно.

Въ словахъ съ конечнымъ *о* ударнымъ; послѣднее всегда чистое: дно, вжо, зялянó, вино, адно, яво, русó, пярó, браткó, чуткó, лицó, хто, што, харашо, и др.

Мы говорили до сихъ поръ только о коренныхъ слогахъ; обратимся къ флексіямъ и суффиксамъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ едва-ли не слѣдуетъ принять за общее правило, что здѣсь *о* не переходитъ въ у͡о, то же относится и къ *о*, соединяющему суффиксы съ корнемъ такъ наз. соединитель-

ному. Возьмемъ рядъ примѣровъ: кусочакъ, мисточакъ, пясоцкія, кляновы, дзявоцкія, дубокъ, цисовы, дзѣвачокъ, мужычокъ, кулачокъ, вяночки, паповы, платочками, саладокъ, мядокъ, заручоная, разлучоная, травою, чаўномъ, маладоя, сястрою, рудои, булавой, самому, ўдавою, кумою, рукавомъ, вадою, виномъ, другóга, варанога, маладога, маладой, радной, чужой, бядою и др. Исключенія рѣдки и невыдержаны; напр.: на живуога, залатуому, пабяруомъ, дзѣвачкуомъ, на аднуомъ, варагуомъ, сiўцуомъ, варанцуомъ, галубуомъ, сауочку, чахуотка, тынуочакъ и др.

Въ виду важности разсматриваемаго явленія мы привели возможно большее число примѣровъ, чтобы имѣть право обобщить его. Приведенныя данныя прежде всего убѣдительно свидѣтельствуютъ, что переходъ *о* ударнаго въ *уо*, т. е. двоегласность его въ данномъ говорѣ представляетъ собою явленіе не спорадическое, но въ извѣстныхъ случаяхъ обычное и необходимое: именно, *уо* является въ коренныхъ, закрытыхъ слогахъ, гдѣ за *о* слѣдуютъ двѣ или болѣе согласныя, или одна согласная, заканчивающая слово. Наоборотъ — *о* передъ одной согласной (незаканчивающей слога), конечное, въ суффиксахъ и флексіяхъ — остается чистымъ. Качество согласныхъ не имѣетъ значенія. Примѣры, противорѣчащіе указаннымъ правиламъ, должны быть признаны исключеніями, случайными отступленіями.

О йотированное *(jo)*, если въ словѣ лежитъ удареніе тамъ, гдѣ и въ великорусскомъ, обладаетъ тѣми же свойствами, напр.: судзjонушку, вясjолъ, зялjоны, маjо. Отмѣтимъ форму ручаjóмъ, происшедшую вслѣдствіе несмягчаемости *ч*; въ оконч. 3 л. ед. ч. глаголовъ: живjоць, бярjоць, завядзjоцъ, вязjоць, посjоцъ, идзjоцъ, насjоцъ и др. Отмѣтимъ необычныя въ великор. формы: хростъ (крестъ), пасjолъ (посолъ) и даже бясjоду.

Остается отмѣтить еще извѣстныя въ бѣлор. ф.: сьвякрыви, чарнабрывы, форма—змыю [1]); а также единичные случаи *е*, *э* изъ *о*: акенца, вянечки, послѣднее—полонизмъ: wianeczki.

Здѣсь же умѣстно указать на: тудею (изъ тудою), кудею и тудема, кудема.

Ѣ въ бѣлор. вообще отличается своею мягкостью сравнительно съ великор.; оно стоитъ только послѣ мягкихъ йотированныхъ согласныхъ, какъ уже замѣтилъ проф. Потебня [2]) (говоримъ о *ѣ* ударяемомъ). Такимъ образомъ бѣлоруссы говорятъ бjѣлый, зьвjѣръ, чалавjѣкъ, и пр., однако Ново-Сверžен-

---

[1]) См. Аппеля, О бѣлор. нар., Р. Ф. В., 1880, № 2, 210; Потебня, Два изслѣдованія и пр, 59.

[2]) Зам. о малор. нар., 46.

скій говоръ представляетъ собою еще бо́льшую особенность: ударяемое *ѣ* въ немъ растягивается въ *іе*. Трудно сказать, всякое ли ударное *ѣ* произносится какъ *іе*, или же только въ нѣкоторыхъ словахъ: записывателемъ это написаніе употребляется въ весьма многихъ словахъ, хотя встрѣчаемъ и простое *ѣ*. Такимъ образомъ встрѣчаемъ: jі*е*сци, б*іе*лы, н*іе*тъ, ў л*іе*си, сьв*іе*тъ, jі*е*шця, таб*іе*, саб*іе*, с*іе*ли, хл*іе*ба, в*іе*нчикъ, нав*іе*хна, сьн*іе*жуньки, б*іе*лы, б*іе*дны, ў Масков*іе*, с*іе*ра (сѣрая) и друг. Слова jі*е*сьца, jі*е*шця сопровождаю написаніемъ j, потому что въ Бѣлорусскихъ говорахъ слова, начинающіяся мягкой гласной, всѣ, какъ кажется, йотируютъ начальную гласную. Трудно подвести подъ общее правило, когда *ѣ* выговаривается чисто, когда—какъ *іе*. Насколько мнѣ приходилось слышать въ другихъ мѣстностяхъ,—долгота *ѣ*, въ которомъ слышится *іе* болѣе замѣтна тогда, когда бѣлоруссъ дѣлаетъ особенное удареніе на этомъ слогѣ.

На этомъ основаніи, мнѣ кажется, можно объяснить, почему иногда въ словѣ свѣтъ, напр., ясно можно различить сьв*іе*тъ, иногда просто сьв*ѣ*тъ. Съ другой стороны, приведенные примѣры, кажется, даютъ право заключить, что *іе* изъ *ѣ* появляется передъ твердымъ согласнымъ: св*іе*тъ, но б*ѣ*ляньки, б*ѣ*дняньки, при б*іе*дны. Третья, наконецъ причина появленія *іе*—скопленіе мягкихъ согласныхъ передъ нимъ; сьн*іе*жуньки, сьв*іе*тлинька, сьп*іе*лянька. Послѣдній случай *іе* въ говорахъ Мозырскаго у., какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, является очень обычнымъ.

Такъ какъ *р* въ бѣлор. абсолютно твердое, то оно съ *ѣ* не соединяется, а развиваетъ послѣ себя звукъ *ые*, иногда прямо *ы* (рыку, дат. п.—сястры, ў кары—въ корѣ и др.); гар*ые*лку, сустр*ые*ў: р*ые*чка, р*ые*чы и др.

Аналогичное явленіе послѣ шипящихъ: ў конц*ые* (въ концѣ), па щац*ые* (по щекѣ) и др. замѣчательно, что въ рѣдкихъ случаяхъ и *е* ударное очевидно, по аналогіи съ *ѣ*, переходитъ въ *іе*; п*іе*чка, ман*іе*рка, м*іе*ду, пасьц*іе*ль, тр*іе*ска, *іе*сцъ, (есть) и др. Примѣры рѣдки.

Во флексіяхъ дат. ж. и предл. муж. и ж. р. *ѣ* переходитъ въ *и*: пры сьвяч*и*, ў аш*и*, ў пячы и др. Въ срединѣ словъ въ мѣст. ўс*и*мъ, зач*ы*мъ т*ы*мъ (тѣмъ), ч*ы*мъ (чѣмъ).—*Е* въ *ю* въ суфф.: ясн*іо*сянька, галасн*іо*сянька, бял*ю*сянька и пр. Ударное *е*=*и*: м*и*олъ.

Изъ обзора особенностей ударныхъ *о* и *ѣ* въ нашемъ говорѣ, видно, что важнѣйшая ихъ черта—способность переходить въ *уо*, *іе*; на нихъ мы нѣсколько остановимся прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изученію.

Профессоръ Потебня неоднократно и настойчиво утверждаетъ, что *уо* изъ *о* и *іе* изъ *ѣ* есть особенность исключительно малорусская, встрѣчаемая въ

сѣверныхъ говорахъ этого нарѣчія и этой особенности «вовсе нѣтъ» ни въ бѣлорусскихъ, ни въ великор. говорахъ [1]), отрицая указанія Максимовича [2]), что произношеніе ударнаго *о* какъ *у* болѣе свойственно бѣлор. говорамъ, чѣмъ малор., хотя послѣдній, очевидно, опирался на извѣстномъ ему произношеніи. Подобную мысль почтенный ученый высказываетъ неоднократно: форма *воол.* (откуда *вудл*, вуол *вул*, и пр.) «не можетъ быть общерусской». [3]) Мысль эта высказана почтеннымъ ученымъ много разъ [4]) и при томъ такъ категорически, что изслѣдователямъ нечего было и думать найти подобное явленіе въ Бѣлоруссіи.

Такое категорическое заявленіе оказывается преждевременнымъ. Приведенные нами примѣры говорятъ о томъ, что дифтонги *уо* и *ге* свойственны въ сильной степени одному изъ срединныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, составляютъ его неизмѣнную и важную примѣту. Но до сихъ поръ на эту особенность бѣлорусскаго нарѣчія не было обращено вниманія изслѣдователями просто потому, что имѣющіяся записи такъ еще не совершенны, что въ нихъ едва отражается эта тонкая, но характерная особенность. Однако и теперь можно собрать нѣсколько указаній, что и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Такъ для Минской еще губ. мы имѣемъ рядъ прекрасныхъ записей изъ д. Подлѣсья Слуцкаго у., сдѣланныхъ г. Копацемъ и разбросанныхъ по сборнику г. Шейна [5]): дор*уо*жки, п*уо*дзо, в*оу*йта, гор*ге*лочку, бес*ге*да, дз*ге*, піечъ, св*ге*чачку, кл*ге*тачку и мн. др. [6]). Встрѣчаемъ также и въ другихъ мѣстахъ Минскаго у. (д. Ячонка) выб*ге*гла, таб*ге*, зацв*ге*тана, и др. [7]). Слуцкаго у. (д. Семежево)—гол*уо*вку [8])—въ д. Островкахъ—б*уо*ръ, т*уо*мъ, р*уо*дная, к*уо*ски и мн. др. [9]). Въ Новогрудскомъ у. встрѣчаемъ формы *бугъ*, ў влик*уй* [10]), въ Игуменскомъ у. — *су* войны, широк*уй* [11]), въ Бобруйскомъ — в*у*инъ [12]), въ Борисовскомъ—гр*у*мадою [13]); имѣемъ многочисленныя указанія для Мозырскаго

1) Зам. о малор. нар., 30.
2) Ист. р. слов., 112.
3) Къ ист. звуковъ русск. яз. Фил. Зап., 1876 г., т. I, 47.
4) См. еще, напр., Замѣтки о малор. нар., р. 5 и др.
5) Матерьялы для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣв.-Зап. Края, т. I, ч. 1.
6) Ibidem, р. 27, 28, 22, 98, 347—350 и мн. др. Ср. разсказъ, написанный Слуцкимъ нар. въ «Календарѣ Сѣв.-Зап. Края» на 1889 г., издав. подъ ред. М. Запольскаго.
7) Матерьялы, ч. 1, 150.
8) Ibidem, ч. 2, р. 208.
9) Ibidem, ч. 2, 290 и слѣд.
10) Ibidem ч. 1, 245, 246.
11) Ibidem, 480, 501.
12) Ibidem, ч. 2, 267.
13) Ibidem, ч. 1, р. 486.

у: въ с. Мелешковичахъ (недалеко отъ Мозыря): ў новуомъ, ў бѣлесенькуой, червуонцеў, пируохъ и др. [1]). Относительно Бобруйскаго у. добавимъ, по личнымъ наблюденіямъ, что подъ городомъ говорятъ—друобный, вуолъ даже уочань (очень) и др. Въ западной части Мозырскаго у., на основаніи имѣющихся у насъ записей, говорятъ:—вуолъ, свіетъ, но подъ вліяніемъ сосѣднихъ Пинчуковъ и вулъ, свэтъ. Объ этомъ говорѣ мы скажемъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей. Въ Пинскомъ говорѣ дифтонговъ почти нѣтъ, но зато чистое *у* на мѣстѣ ударнаго *о* обычно: в*у*лъ, к*у*нь, др*у*бны, р*у*дны и т. п. О Пинскомъ говорѣ будемъ еще особо говорить въ слѣд. статьѣ. Наконецъ, юговосточный уголъ Минской губ., по сдѣланнымъ нами записямъ изъ Древновической волости Рѣчицкаго у., знаетъ *оу* на мѣстѣ *о* и *іе* на мѣстѣ *ѣ*: стоулька, Боугъ, коунь, ліесъ, сьвіетъ и пр.

Послѣ этого, правда, бѣглаго обзора данной особенности въ говорахъ другихъ частей Минской губ. едва ли можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что она свойственна въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ говорамъ губ. Только наши печатные источники на этотъ счетъ еще очень не полны и не точны [2]).

Мало того, не только въ Минской губ., но въ Могилевской (формы б*у*гъ, в*у*лъ, ст*у*лько и др. въ записяхъ сказокъ г. Романова обычны и свойственны едвали не всей губ., но не въ одинаковой степени [3]), въ бѣлорусскихъ частяхъ Гродненской губ. [4]), въ Смоленской губ. (прим. въ сборникѣ Добровольскаго) мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Только о Витебской губ. трудно сказать что либо опредѣленное въ данное время.

Такимъ образомъ, дифтонги *уо*, *оу*, а также отчасти и *іе*, при болѣе внимательномъ изученіи бѣлорусской діалектологіи, должны быть признаны какъ основные признаки бѣлорусскаго нарѣчія.

Что касается до характера дифтонговъ *уо*, *іе*, то еще г. Житецкій замѣтилъ, что перезвуки эти съ долготой на *о* и *е*, т. е. *уō іē* не имѣютъ ничего общаго съ малорусскими говорами и характеризуютъ скорѣе нарѣчіе бѣлорусское [5]). Малорусское *і* изъ *о* и *ѣ* получилось при посредствѣ ряда

---

[1]) Ibidem, 58, 59, 95.

[2]) Для мѣстностей, гдѣ лично нами не сдѣланы наблюденія, мы пользовались сборн. г. Шейна, но о записяхъ его см. рец. въ «Кіевской Старинѣ», 1892 г. Май.

[3]) По выраженію собирателя, *о* произносится «почти какъ *у*» (вып. II, предисл. XV), т. е. мы имѣемъ *оу*, *уо*.

[4]) У Бобровскаго (Гродн. губ.) имѣемъ Б*уо*гъ, весел*іе*чко, и др., Ч. I, p. 828. Ср. Этногр. Сборн., т. III, p. 98—99. (Замѣтки о зап. ч. Гродн. губ.)—*цв*ј*ѣтъ*, *руокъ* и др.

[5]) Очеркъ звуковой ист. малор. нар., 115.

перезвуковъ изъ долгихъ *оо*, *ее* черезъ *уо*, первоначальные *уо*, *уō*, *юо*, *іōб*, въ послѣдующія *уи*, *уі*, *юі*, еще и теперь слышимые въ нѣкоторыхъ карпаторусскихъ говорахъ и въ сѣв. части Черниговской губ. (*куінь*, *муий*); рядомъ съ дифтонгомъ *уо*, *іо* явились чистые *у*, *ю* которыя затѣмъ большею частью перешли въ общемалорусское *і*, оставивъ лишь слабые слѣды въ окраинныхъ говорахъ. На существованіе посредствующей ступени въ переходѣ малор. *о* въ *і* черезъ *у* указалъ еще Головацкій. Потебня, а затѣмъ г. Житецкій дополнили это мнѣніе указанною послѣдовательностію перехода. Мнѣнія обоихъ изслѣдователей по существу сходны. Проф. Потебня удовольствовался указаніемъ ряда перезвуковъ *конь*, *куэнь*, *кунь*, *куйнь*, *кинь*, *кінь* [1]); для *ѣ* онъ указываетъ перезвуки ē долгое равное великор. *е*, *ье*, (м. б, *є*), *ьи*, (*свеет*, *свьет*, *свьит*, *світ* [2]). Но г. Житецкій, разсматривая природу этихъ перезвуковъ, пришелъ къ заключенію, что малорусское *і* изъ *о* и *ѣ* получилось именно вслѣдствіе долготы первой гласной дифтонговъ *уо* и *іе* [3]). Съ этими перезвуками имѣютъ связь и *ы*, *э* изъ *о* (*кынь*, *бэк*.; *быг* въ Пинскомъ говорѣ). Г. Житецкій считаетъ развитіе *ы* при посредствѣ *у* [4]); это объясненіе, кажется, ближе къ истинѣ, чѣмъ если признавать *быг* пинское за отвердѣніе въ немъ малор. *і*. Пинскій говоръ является переходнымъ, въ немъ господствуетъ *у* изъ *о*, а *ы* и *э* является болѣе или менѣе спорадически: малорусскаго же *і* изъ *о* въ немъ нѣтъ; потому, можно думать, что оно въ немъ и не развилось. Затѣмъ, появленіе твердаго открытаго *э* (бэкъ) можно предположить при посредствѣ дифтонга *͡ые*, который въ немъ иногда можно даже различить: *б͡ыег* *в͡ыел*; ср. съ этимъ им. множ. косар͡ые = касарэ̑.

Такимъ образомъ, малорусское нарѣчіе получило свои два важнѣйшіе признака—*і* изъ *ѣ* и *о* посредствомъ цѣлаго ряда перезвуковъ, послѣдовательно развивавшихся въ языкѣ. Причина, вызвавшая неустойчивость ударныхъ *о* и *ѣ*, ихъ потемнѣніе и растяженіе,—паденіе глухихъ звуковъ. Это послѣднее явленіе въ исторіи славянскихъ языковъ отразилось болѣе или менѣе во всѣхъ языкахъ въ колебаніи чистоты *о* и *ѣ*, какъ ударныхъ, такъ и безъ ударенія. Въ чешскомъ появился перезвукъ *ur* близкій къ нашему *уо* (*ůd*. bůh), въ польскомъ, въ извѣстныхъ случахъ дало *у* чистое (bóg, ród). Русскій языкъ выдѣлился изъ старославянскаго до окончательнаго паденія въ

---

[1]) Два изслѣдованія..., р. 103—104.

[2]) Ibidem, 112.

[3]) Оч. звук. ист. малор. нар., 115. Впрочемъ, долгота *уо* имѣется въ виду и Потебней, когда онъ, въ позднѣйшемъ своемъ соч., ставитъ рядъ: *воол*, *вуол*, *вуол*, *вул* и пр. Къ ист. звук. русск. яз. Фил. зап., 1876, I, 47.

[4]) Оч. звук. ист., 113.

немъ глухихъ. Паденіе ихъ совершилось уже на русской почвѣ, почему мы и видимъ различныя степени измѣненія *ѣ* и *о* въ трехъ важнѣйшихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ. *О* начало колебаться и въ результатѣ дало малорусское *і* при посредствѣ *уо*; а *ѣ* черезъ *и*.

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и великорусскомъ преобладающею явилась вторая часть дифтонговъ ō и *е* которая и дала въ великорусскомъ чистое *о* и *е* (ѣ), а въ бѣлорусскомъ, въ средней и западной части его,—большею частью остались перезвуки *уō*, *іе* съ наклонностью къ чистымъ *о* и *е*, и чѣмъ восточнѣе, тѣмъ эта наклонность къ чистымъ *о*, *е* ярче, вслѣдствіе сосѣдства съ великорусскими говорами въ Смоленской губ. Только о сѣв. части бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. о говорѣ собственно Полоцкихъ Кривичей трудно сказать что либо опредѣленное. Если бы отсутствіе этихъ особенностей не было отмѣчено въ предѣлахъ послѣднихъ говоровъ, то мы могли бы считать наши особенности остатками чертъ собственно Дреговичскаго нарѣчія, такъ мало извѣстнаго намъ въ древнѣйшую пору. Южныя же и западныя окраины бѣлор. нарѣчія обладаютъ въ сильной мѣрѣ *уо* и *іе*.

Разсматриваемыя особенности съ трудомъ и теперь находятъ себѣ выраженіе въ нашей этнографической литературѣ, а потому неудивительно, что онѣ еще больше затрудняли древнихъ переписчиковъ, и намъ трудно прослѣдить исторію этихъ особенностей. Однако на нихъ мы можемъ указать въ Четьѣ 1489 г.: апустоломъ, докоуле, оттоуле [1]). Впрочемъ, исторія бѣлор. нарѣчія едва затронута изслѣдователями (Недешев., проф. Владимірова о языкѣ Скорины, Очерки, проф. Соболевскаго, статьи Карпинскаго и Карскаго въ («Р. Фил. В.»). Быть можетъ послѣдующее изученіе памятниковъ дастъ намъ болѣе опредѣленныя указанія и на этотъ счетъ.

Съ вопросомъ и перезвукомъ *уо* и *іе* тѣсно связанъ вопросъ о пограничныхъ говорахъ между малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями. Какъ извѣстно, говоры эти, и особенно Заблудовскій Гродненской губ., характеризуются, въ той или другой степени, присутствіемъ этихъ перезвуковъ.

Проф. Потебня перечисляетъ въ своемъ сочиненіи «Два изслѣдованія» и проч. слѣдующія мѣстности съ перезвуками *оу*, *у*: въ Сосницкомъ у. Черниг. губ. (*тум*, *пуд*; по Кулишу *вуэл*), въ западн. части Вол. губ. (*рузно*, *стуй*, *муй*), въ Заблудовскомъ Гродн. губ. (*беруозка* [2]). Позже, въ «Замѣтк. о малор. нар.» онъ дополняетъ эти свѣдѣнія еще указаніями на Пружанскій,

---

[1]) Карпинскій, р. 11.
[2]) Два изслѣдованія, 101.

Бѣльскій, Кобринскій, Брестскій, Гродненской губ. [1]), Кролевецкій и Козелецкій Черниг. губ. Гораздо неопредѣленнѣе у него свѣдѣнія о переходѣ *о* въ *уо* въ Угорщинѣ и вообще въ Галиціи, гдѣ, повидимому, этотъ перезвукъ болѣе приближается къ *уи*, *уй*. Этотъ перечень мѣстностей очень не полонъ. Во первыхъ, не хватаетъ свѣдѣній о средней части полосы, раздѣляющей оба нарѣчія, между Черниговской и Гродненской губ. Здѣсь, впрочемъ, встрѣчаемъ также тѣ же перезвуки; такъ, наприм., въ Дерновичской волости, занимающей южный уголъ Рѣчицкаго у., существуетъ *о͡у* (то͡улька) въ тѣхъ же случаяхъ, что и вообще въ Бѣлорусскомъ; затѣмъ (онъ извѣстенъ всей при-Припятской полосѣ Мозырскаго у., а въ Лахвинской волости, сосѣдней съ Пинскимъ у. есть *у* при рѣдкомъ *оу*, въ самомъ Пинскомъ у. *у*, *э*, *ы*. На крайнемъ западѣ пограничной полосы можно указать на Кошольскіе, Хотычское и отчасти Кленавицкое разнорѣчія [2]) (уу. Бѣльскій, Радинскій и Константиновскій) и т. д. Однимъ словомъ важно, что перезвуки *уо*, отчасти *и* встрѣчаемъ въ ихъ типичной формѣ именно на границѣ бѣлорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ.

Обыкновенно эти разнорѣчія считаютъ наиболѣе архаичными остатками болѣе древняго періода въ малорусскомъ нарѣчіи. Главнымъ показателемъ этого признаются именно разсматриваемые перезвуки. Примѣрами изъ этихъ говоровъ, особенно изъ Заблудовскаго широко пользуется Потебня въ своихъ сочиненіяхъ о малорусскомъ нарѣчіи, г. Житецкій пошелъ еще дальше, ища въ этихъ говорахъ разъясненія современныхъ звуковыхъ особенностей малорусск. нар., ставя очень высоко ихъ архаическія черты.

Несомнѣнно, что малор. *і* изъ *о* и *ѣ* прошло рядъ дифтонговъ, подобіе которыхъ видимъ въ этихъ говорахъ. Но слѣдуетъ ли искать архаичныхъ чертъ этого нарѣчія въ говорахъ именно этихъ мѣстностей,—это еще вопросъ. Дѣло въ томъ, что эти говоры, сохранивъ *уо* и *іе* въ то же время обладаютъ значительнымъ количествомъ признаковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Въ нихъ преобладаетъ мягкость звуковаго строя (исключаемъ Пинскій говоръ), часто *дзеканье* и *цеканье*, твердость шипящихъ, твердость *р*, иногда даже перемежающееся *аканье*. Присутствіе послѣднихъ признаковъ неостанавливаетъ названныхъ изслѣдователей признавать говоры малорусскими, разъ въ нихъ есть *уо*, *іе*.

Мы бы черезчуръ отступили отъ намѣченной нами задачи, если бы взя-

---

[1]) P. 28; Повидимому, эти уѣзды онъ выдѣляетъ въ «Бѣлостоцкій говоръ». Но это неясно: въ данной полосѣ столько перекрестныхъ говоровъ, что рѣчь о «Бѣлостоцкомъ» едва ли возможна.

[2]) Житецкій, Оч. зв. ист. малор. нар., прилож.; также сообщ. свящ. Желиховскаго. Р. Ф. В., 1881 г., кн., p. 256. О Константин. у. Сѣдлецкой губ. см. Янчука, Малороссійскія свадьбы.

лись за подробное изслѣдованіе особенностей этихъ говоровъ и ихъ сравненія съ бѣлорусскими. Этотъ вопросъ требуетъ спеціальной работы, для которой однако существующія записи представляютъ пока очень неблагодарный матеріалъ. Обращая на этотъ вопросъ вниманіе изслѣдователей, мы позволимъ себѣ остановиться лишь на Заблудовскомъ говорѣ.

Всякому, знакомому съ сочиненіями проф. Потебни извѣстно, что этотъ говоръ играетъ очень большую роль въ его работахъ. Факты этого говора въ работахъ уважаемаго ученаго приводятся чуть не на каждой страницѣ, но почти вездѣ съ замѣчаніями, что въ Заблуд. гов. встрѣчается такая особенность, какая не свойственна малор. нар. Это вполнѣ естественно, и потому что Заблуд. гов. вполнѣ бѣлорусскій. Характеризуя говоръ, онъ заявляетъ, что однѣ изъ особенностей встрѣчаются въ малорус. говорахъ, другія предполагаются ими [1]). Въ Малорусскими предполагаются, а въ бѣлорусскихъ—составляютъ обычное явленіе. Въ Заблудовѣ встрѣчаются *д' = дз*, *т' = ц*; *е* — смягчается, *ы* и *и* различаются, *о=уо*, *е=іоо*, *ѣ=јѣ*, *г*=h, *дј=дж*, *в=у*, *у=в*, *л=в* и др. [2]) особенности вполнѣ бѣлорусскія. Отсутствуетъ аканье, которое пока однако должно оставаться подъ сомнѣніемъ[3]). Непонятное въ малор. *а=ые* въ *удыерыть*—представляетъ обычную бѣлор. форму [4]). *Р* — твердое, *ѣ* послѣ него = *ые*: ***рыечка***, ***рјѣчка*** и др. ,какъ въ бѣлорусскими. Заблудовскій говоръ не можетъ быть признанъ никоимъ образомъ за малорусскій говоръ, а слѣдовательно и типичные въ немъ *уо* и *јѣ*—черты бѣлорусскія. И другіе пограничные говоры соединяютъ въ себѣ тѣ или другія черты бѣлор. и малор. нарѣчій: опредѣленно отнести ихъ къ тому или другому, безъ натяжекъ, трудно.

Но перезвуки *уо* и *іе* здѣсь едвали не черта бѣлорусская. Въ сосѣднихъ малор. говорахъ (т. е. въ средней части Черниговск. губ. и средней Волыни, хотя въ западн. части есть *пузно*, *рузно*), эти особенности не встрѣчаются, да и вообще не играютъ никакой роли въ малор. нар., кромѣ переходныхъ предполагаемыхъ перезвуковъ. Въ бѣлор. нар., во всей срединной и южной его территоріи они составляютъ коренную особенность. Между тѣмъ сохраненіе одинаковыхъ перезвуковъ въ сѣв. части Черниговской губ. и въ южной Гродненской, въ двухъ противуположныхъ концахъ, иначе не можетъ быть объяснено, какъ только вліяніемъ бѣлоруск. нар. Допустимъ, въ Полѣсьи, въ лѣсахъ (хотя Брестъ и Гродно были очень видными пунктами въ Польско-Литовскую эпоху, а Брестъ и въ древнѣйшемъ періодѣ: здѣсь было постоянное

---

[1]) Два изслѣдованія, 143.

[2]) Ibidem.

[3]) Зам. о малор. нар., р. 97; въ нѣск. пѣсняхъ изъ Заблудова, напечатанныхъ въ сборн. Гильдебранта, встрѣчаемъ *іарѣлка*, *адзинъ* и др.

[4]) Ibidem, 97.

движеніе, что должно было-бы вліять на ускореніе жизни языка),—здѣсь могли сохраниться архаичныя черты въ языкѣ, особенно, если вспомнимъ, что близкое къ этому имѣемъ и въ Зап. Волыни. Но какимъ образомъ сохранились архаичныя особенности на такомъ перекрестномъ пунктѣ, какъ пограничье Сѣверянъ и Радимичей,—территорія, черезъ которую проходила борьба Кіева съ Черниговомъ и Суздалемъ, территорія, на которой впослѣдствіи столкнулись интересы великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе? Однимъ словомъ, здѣсь мы менѣе всего можемъ ожидать архаизмовъ малор. языка: перезвуки *уо*, *іе* здѣсь являются, какъ и въ большинствѣ Гродненскихъ разнорѣчій, и поддерживаются подъ вліяніемъ сосѣдняго бѣлорусскаго нарѣчія. Или это нарѣчіе уступаетъ въ этихъ пунктахъ напору малорусскихъ элементовъ, но оставляетъ свое вліяніе въ этихъ и другихъ чертахъ, или же, наоборотъ, оно расширяется на этихъ окраинахъ, вытѣсняя элементы малорусскіе.

Покончивъ съ звуками *о* и *е*, перейдемъ къ другимъ звукамъ нашего говора.

Звуки *ы*, *и*. Сравнительно съ общебѣлор. употребленіемъ этихъ звуковъ Ново-Сверженскій говоръ не представляетъ особенностей. Произношеніе обоихъ звуковъ какъ и въ великорусскомъ. Нѣкоторыя замѣны являются лишь случайными явленіями, большею частью въ сферѣ отдѣльныхъ словъ. Встрѣчаемъ замѣну *ы* черезъ *у*: въ префиксѣ—в*у*хадзили и въ словѣ кал*у*белька. На мѣстѣ *ы* является *а* — в*а*труся — вытрусь, очевидно, вслѣдствіе перехода ударенія на *у*, аналогія съ *отырaться—отруся*. Въ суфиксѣ *ышко—ы* смѣняется *ю*, *у*: сонюшко, акуон*ю*шко, судзен*у*шк*у*. Болѣе крупное явленіе—это смѣна *и* на *е*. Оно бываетъ очень рѣдко въ корняхъ словъ, всегда подъ удареніемъ прас*е*дживали, *се*дзя. Съ этимъ явленіемъ интересно сопоставить: непр*ѣ*етемо въ Четьѣ 1489 г. 1) Зато въ повелит. множ., подъ удареніемъ, смѣна *и* черезъ *е*—явленіе необходимое: нятуж*е*ця, шл*е*цяся, прывяж*е*ця, учин*е*ця, побудз*е*ця, прывядз*е*ця, п а к а ж *е* ця, сяч*е*ця, прасьц*е*ця и др. Явленіе—давнишнее: въ Четьѣ 1489 г.: пуст*ѣ*те, твор*ѣ*те, говор*ѣ*те, помол*ѣ*теся (Карпинскій р. 9).

Конечное *ы* въ им. множ., подъ удареніемъ переходитъ въ дифтонгъ *ые*, который иногда слышится просто какъ открытое э: з а л а т *ые*, ключ*ые*, а р л *ы е*, вял*ые*, бяр*ые*, звяр*ые*, л и с т *ы е*. сиўц*ые*, варанц*ые*, мяд*ые*, símбат*ые*, вятр*ые*. Послѣ гортанныхъ это конечное *ые* (на мѣстѣ *и*) встрѣчается рѣже, произносится какъ среднее между *ые* и *ие*: палк*ие*, гаршк*ие*, луч*ие*, жалк*ие*; сюда же отдѣльныя: голуб*ые*, даждус*ие*.

---

1) Карпинскій. 9.

Въ срединѣ словъ, смѣна *ы* на *ые* встрѣтилось только въ чатыеры и кватыера.

А не представляетъ также никакихъ особенностей. О смѣнѣ неударяемаго *о* въ *а* мы уже говорили. Отмѣтимъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ смѣны *а* другими гласными, *а* смѣняется *е*: гледзячи, проглéдзяла, рéбячи (отъ рябить). [1]) *А* ослабляется въ *іа* въ нарѣчіяхъ вѣрняя, сильня (здѣсь *я* изъ *о*). [2]), *Я* смѣняетъ *е* въ род. п. мѣстоим. *мине*, *тибе*, *сибе*.

Союзъ *якъ* (какъ) почти всегда *икъ*; *я* смѣнилось подъ вліяніемъ ударенія—*е*: да *паесу*.

Въ *разный* произносится правильно *уо*: *руозны*.

Конечное *я* въ частицѣ *ся* колеблется, склоняясь часто къ *е*: *закацилàсе*, *захацѣлосе* и пр.

М. Довнаръ-Запольскій.

---

1) Ср. светого, сентебря, завезалъ и др. въ Четьѣ 1489 г., Карпинскій, 9 и изъ Сб. XVII в. гледи, паметаютъ и др., Карскій, Р. Ф. В., 1890 2, 284.

2) И въ: сильня-*я* изъ *ѣ*, а не изъ *о*: нар. *сильнѣ*. *Ред.*

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

XLIV.

№ 32. Прага. 1841 годъ, Января 1-е

Наконецъ я одинъ и принимаюсь за перо, что-бы написать къ вамъ милая Маменька, хоть нѣсколько строчекъ.—Цѣлую вашу ручку и желаю что-бы вы начали и продолжали этотъ новый годъ, если не счастливо, то по крайней мѣрѣ мирно, безъ душевныхъ волненій и не безъ надежды на будущее. Богъ дастъ, вашъ странникъ воротится къ вамъ, и, научившись въ одиночествѣ дорожить сочувствіемъ съ родными, будетъ умѣть чувствовать огорченіе родныхъ какъ свое собственное, радоваться ихъ радости. Богъ дастъ, не напрасно я тоскую о счастливыхъ дняхъ, надѣюсь на нихъ и утѣшаю себя ими въ минуты грусти. Это правда, мнѣ приходитъ въ голову, что я, можетъ быть, во время путешествія такъ одичаю, что разучусь пользоваться сѣмейнымъ покоемъ, о которомъ теперь мечтаю; не забылъ я и тѣхъ огорченій, которыя вамъ дѣлалъ, и не могу не бояться за себя. Однако всетаки думаю что душа моя не очерствѣла, а опытность не напрасно давала и даетъ уроки разсудку. Богъ дастъ!.. И вотъ я уже переселился въ Харьковъ,—прилегъ съ братомъ къ вамъ,—душа въ душу разговариваемъ... Нѣтъ, я не могу писать; прилягу на софу, и помечтаю.

— Ale co ge to, Milost Páne! Swjčka gako by zhasla, a woni nebyto spégj (что-же это, сударь! Свѣчка будто погасла, а вы будто спите). Эти слова доброй дѣвѣчки, мнѣ прислуживающей, заставили меня вскочить и опуститься на землю.—На землѣ, тутъ, въ Прагѣ, я очень благодаренъ Прейсу. Товарищь по трудамъ, онъ сдѣлался моимъ товарищемъ и въ жизни. Не проходитъ дня, что-бы мы не видались другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ однажды: всегда вмѣстѣ обѣдаемъ и послѣ обѣда идемъ въ кофейню. «Zwey Russen, dwa Russy»: это въ Прагѣ въ родѣ Сіамскихъ близнецовъ. Въ гостинницѣ вмѣстѣ. въ кофейнѣ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, гуляютъ вмѣстѣ: zwey Rus-

sen, dwa Russy. И въ добавокъ смѣются, безпрестанно смѣются, хохочутъ. Что-бы не забыть ничего: и влюблены вмѣстѣ. Да, влюблены, въ одно и тоже существо, и въ отвѣтъ на невыгодное слово одного изъ нихъ объ этомъ существѣ, другой кричитъ «зарѣжу!» Даже хотѣли (да не успѣли) сдѣлать этому существу одинъ общій подарокъ [1]).—Шутки въ сторону: сближеніе съ Петр. Ив. Прейсомъ меня утѣшаетъ. Относительно способа занятій мы различны (онъ называетъ меня человѣкомъ жизни, наблюдателемъ,—я его человѣкомъ книги, изыскателемъ); но это не мѣшаетъ нашей связи, скрѣпляетъ ее еще болѣе. Шафарикъ сказалъ однажды Прейсу: «какъ бы хорошо вамъ вмѣстѣ путешествовать по Сербіи и Болгаріи: вы бы покопались въ библіотекахъ, онъ бы побродилъ между народомъ!» Я безъ сомнѣнія не прочь отъ этого; но едва ли это случится. Вчера, идучи въ книжную лавку, мы уговорились и новый годъ встрѣтить вмѣстѣ. Вечеромъ пришелъ онъ ко мнѣ, пили чай, пили и Черносѣцкое, чокнулись, когда ударило двѣнадцать, а потомъ, я на свою постель, Прейсъ на софу, и болтали еще долго. Сегодня утромъ онъ пошелъ за билетами въ театръ Чешскій, въ полдень зашелъ за мною идти обѣдать, потомъ въ кофейню, потомъ опять ко мнѣ, потомъ въ театръ. Въ 6-ть было разошлись, но онъ, пришедши домой, не засталъ никого дома, и ко мнѣ. Пришелъ Коубекъ [2]), мой сосѣдъ, профессоръ Чешской литературы въ Университетѣ,—и опять провели время вмѣстѣ.—Теперь спать.

2-е

Дѣлъ было такъ много, что я принужденъ былъ, проживши въ Прагѣ мѣсяцъ, остаться еще на мѣсяцъ. Обстоятельства заставили съ одной квартиры перейдти на другую,—и я живу теперь на Большой площади въ 3-мъ этажѣ Крэнгауза. Видъ изъ оконъ на площадь, и прямо передъ глазами Тейнская церковь въ готическомъ вкусѣ, хоть и не чистомъ, но мнѣ очень нравящемся. На право отъ моей комнаты комната Коубка. И все бы хорошо, но на дняхъ морозы доходили до 18°, и у меня было такъ холодно, что я не зналъ, куда дѣваться: въ комнатѣ сидѣлъ въ шубѣ. У Коубка такой же холодъ; у Прейса—тоже; куда ни придешь — то-же. Меня упрашиваютъ остаться до 27-го; но нѣтъ: если бы и дѣла не гнали на югъ, одинъ холодъ заставилъ бы меня бѣжать изъ Праги. До 27-го упрашиваютъ остаться для того, что 27-го будетъ Чешскій балъ.

Чешскій балъ! Боже мой, что значитъ быть подвластнымъ народомъ! Позволеніе дать балъ получается отъ полиціи. Написали просьбу, подали; полицмейстеръ

---

[1]) Это существо, кажется,—Гроссерова, артистка Пражской оперы.

[2]) Jan Pravoslav Koubek (1805—1854).

загремѣлъ въ отвѣтъ: «но такой балъ, какой былъ въ прошломъ году, не можетъ быть».Въ прошломъ году все было на этомъ балѣ по Чешски. Говорить на балѣ по Чешски, разумѣется, запретить нельзя; но ни пригласительныхъ билетовъ, ни списка танцевъ, кондиторскихъ и буфетныхъ листковъ по Чешски печатать не позволили. Полицмейстеръ не посовѣстился сказать, что онъ считаетъ покушеніе давать такой балъ револьтомъ, а затѣвающихъ его революціонерами. Какъ будетъ, не знаю; а я бы, будучи Чехомъ, на пригласительномъ билетѣ написалъ бы только: Bal $18\frac{27}{I}41$ — и приложилъ бы печать. Безъ списка же танцевъ и кушаній обойтись легко.—Хуже всего тутъ то, что нѣтъ единодушія, нѣтъ открытости. Правительство не можетъ не подозрѣвать; а между тѣмъ тѣ, которыхъ подозрѣваетъ, всѣ до одного — невинные боязливцы, дѣти съ прихотями, но безъ злыхъ намѣреній. Они бы испугались сами себя, если-бы увидѣли въ въ себѣ злое намѣреніе.

Театръ въ Прагѣ идетъ своимъ чередомъ, и въ Чешскомъ число охотниковъ возростаетъ: за полгода число ихъ было замѣтно менѣе. Жаль, что выборъ пьесъ не соотвѣтствуетъ или силамъ актеровъ, или требованіямъ приличія. Недавно напримѣръ давали Валленштейна: окарнали, изщепили,—дали— курамъ на смѣхъ. Вчера давали «Возстаніе въ Серали», глупую поссу, гдѣ все, по самому намѣренію автора должно быть глупо,—и не поостереглись вставить туда пѣсню въ похвалу «отечества, Чешской власти»: этимъ соединеніемъ глупостей съ пѣснію объ отечествѣ можно отравить любовь къ отечеству, заставить презирать его, а не возбудить любви къ нему.

Больше писать не о чемъ. Жизнь моя въ Прагѣ такъ однообразна, что каждый день напередъ знаю, что будетъ. Занимаюсь теперь отчетомъ Университету. Претрудное дѣло: доносить есть о чемъ, но выбирать изъ многаго кое-что, очень тяжело. Надѣюсь кончить отчетъ прежде выѣзда изъ Праги.

Отвѣтъ на это письмо пишите въ Лайбахъ poste restante; въ Аграмъ пока не пишите.

Прощайте, милая маменька. Если братъ у васъ уже, то поцѣлуйте его за меня.

Вашъ Срз.

2 Янв. 1841.

Таскаюсь да и только! Сегодня цѣлое послѣ обѣда не былъ дома. Заболтавшись въ кофейнѣ съ Челяковскимъ, пошли съ нимъ бродить и болтать. А между тѣмъ еще за обѣдомъ Прейсъ далъ мнѣ билетъ въ концертъ, ска-

завши, что Шафарикъ будетъ насъ ждать около половины 5-го. Зашедши домой за картою, которую мнѣ нужно было сообщить Шафарику, пошелъ къ нему. Пришелъ и Прейсъ. Пошли. Объявленіе о концертѣ было Чешское. Давалъ капельмейстеръ Неедли. Публики сошлось ни мало, ни много. Дѣло началось увертюрой Бетховена: сошла порядочно. Потомъ вышелъ Колярь, диллеттантъ на Чешской сценѣ, и началъ читать одно стихотвореніе Рубеша, самое глупое изъ всѣхъ стихотвореній Рубеша, въ которомъ онъ восхваляетъ все Чешское общими мѣстами безъ жизни, будто по заказу: прочиталъ гадко. Далѣе молодой гобоистъ Бауръ игралъ дивертиссеманъ на Чешскую народную мелодію: вступленіе нѣсколько длинно, переходъ отъ Allegro къ Adagio какъ-то неприличенъ, неловокъ; но за то сама пѣсня, adagio, вальсъ и финалъ прекрасны. За этимъ слѣдовало предурное квартетто пѣвцовъ и хоръ пѣвцовъ, пѣвшихъ арію изъ Бетховенова Христа на Олив. горѣ, гдѣ особенно гадка была слечна Вейтова: хоть бѣжать, до того доходило. Наконецъ слава Богу вышелъ Прахнеръ съ віолончелемъ и подъ акомпанеманъ фортепьяно игралъ варіаціи Франшома,—игралъ прекрасно, съ чувствомъ, съ искусствомъ. Дѣло кончилось хоромъ изъ Бетховена.—Впечатлѣніе, произведенное на насъ слечною Вейтовою было такъ кисло, что намъ стоило съ Прейсомъ только переглянуться, чтобы рѣшиться идти въ театръ. Тамъ даютъ Ганса Гейлинга, тамъ поетъ Гроссерова, наша милочка Гроссерова, пошли. Либретто написано Э. Девріаномъ, музыка Маршнеромъ,—и то, и другое прекрасно. Гансъ Гейлингъ — сынъ человѣка и царицы Кобольтовъ, подземныхъ духовъ — задумалъ пожить на землѣ, сдѣлался ученымъ, хиромантикомъ, и пріобрелъ уваженіе. Увидѣлъ Аннушку, крестьянскую дѣвушку, влюбился, и его подарки, корыстолюбіе матери Анютиной сдѣлали его женихомъ. Но ни онъ не любилъ ея истинно, ни она его. Заблудившись однажды ночью въ лѣсу, она узнала отъ Кобольтовъ, кто Гансъ. Къ счастію егерь, ея давній знакомецъ, встрѣтилъ ее и привелъ домой. Этого милаго егеря полюбить Анютѣ было естественнѣе: онъ и моложе, и красивѣе, и вовсе не страшенъ, не такъ, какъ мистеръ Гейлингъ. Гансъ узнаетъ это, закалываетъ егеря, но неудачно. Послѣ благословенія священника старонѣмецкій обычай приказываетъ молодымъ играть въ жмурки, ей искать его между молодыми людьми, ему искать ее между дѣвушками. Гансъ является, Анюта попадаетъ его руку. Она сбрасываетъ повязку, она трепещетъ, умоляетъ его, чтобъ онъ мстилъ на ней, а не на егерѣ. Гансъ не хочетъ... Вдругъ раскрывается пещера,—дворецъ царицы Кобольтовъ. Мать приказываетъ Гансу оставить людей, оставить Анюту счастливою, ведетъ его во дворецъ свой, дворецъ горитъ бѣлымъ огнемъ... Крестьяне прижались другъ къ другу, Анюта прижалась къ своему егерю. Занавѣсъ опустился. Пѣсни Ганса, пѣсня Анюты въ лѣсу, пѣсня егеря о

Кобольтахъ, пѣсни Кобольтовъ, и особенно увертюра—прекрасны [1]). — Такъ вашъ сынишка таскается.

Еще разъ прощайте. Письма не ждите скоро. Изъ Праги уже писать не буду.

Küsse die Hand.

XLV.

Вѣна. 23 Янв. 1841.

Ждалъ, ждалъ отъ Васъ письма, милая маменька,—и поѣхалъ изъ Праги. Пора. Дорога моя на югъ, на югѣ весна раскрывается рано, а мнѣ еще надобно научиться болтать хоть какъ-нибудь хоть на какомъ-нибудь изъ Иллирійскихъ нарѣчій, что-бы съ пользою продолжать свое путешествіе. Я бы и прежде выѣхалъ изъ Праги, да зубная боль, которая прошлой зимою ѣхала со мною въ Петербургъ и въ Берлинъ, заставила меня побояться себя. Вы впрочемъ не беспокойтесь за меня, душенька маменька: зубная боль несносна, но только несносна; а впрочемъ я здоровъ, и зубы уже не болятъ.

15-го выѣхалъ изъ Праги. Ганка, Прейсъ и Іорданъ (Лужичанинъ, съ которымъ я сблизился еще въ Сгорѣльцѣ) провожали меня, какъ родные. До выѣзда я еще успѣлъ съ Ганкою побывать въ концертѣ, и тамъ еще разъ поговорить съ Томашкомъ и Челяковскимъ. Съ Томашкомъ я познакомился: глубоко ученой теоретикъ, превосходно знаетъ исторію музыки, большой пуристъ: но играетъ безъ большого чувства, хоть и фантазируетъ чудо-мастерски. Въ бумажникѣ случилась у меня одна силезская пѣсенка. Онъ взглянулъ на нее, сѣлъ, взялъ нѣсколько дюжихъ аккордовъ, сыгралъ два раза тему, потомъ опять нѣсколько аккордовъ,—и затянулъ маршъ, далѣе Польской, далѣе мазурку, далѣе казачка, далѣе Чешскій рейдовакъ, между ними нѣсколько варіацій простыхъ,—я думалъ конца не будетъ... онъ раскраснѣлся какъ ракъ... Выбившись изъ силъ, онъ перешелъ опять въ Польской, въ которомъ нельзя было не слышать, какъ толпа расходится въ разныя стороны, тамъ болтаетъ, тутъ смѣется, уходитъ все далѣе, пѣсня слышна все менѣе,—и фантазія кончилась ауканьемъ. Черезъ четверть часа онъ принялся за другую. Видно, что подъ его рукою клавиши, что буквы подъ перомъ. Онъ уже старъ, за 60, но здоровъ, толстъ, жиренъ какъ быкъ, и ростомъ не менѣе быка. Веселой человѣкъ; очень милъ, когда слышитъ себѣ похвалы; бранитъ Листа за галиматью, гордится Дрейшокомъ, какъ ученикомъ, живетъ прекрасно.—Изъ Праги я поѣхалъ въ Крал. Градецъ, Лютомышль, и пр. до Брна. А сегодня, провожаемый Проф. Сушиломъ и студ. сѣлъ на паровозъ,—и по желѣзной до-

[1]) Описаніе этого спектакля см. въ письмѣ И. И. Срезневскаго къ Краевскому (Отеч. Записки, 1841 г. XIV, 100—102).

рогѣ, въ Вѣну. День былъ прекрасный, но холодно. Не разъ я сказалъ спасибо своей шубѣ: хоть лѣтомъ и причинлива, но за то зимою—чудо хороша. Бьетъ 1/4 седьмого.. Быть сегодня ни у кого не успѣлъ. Завтра начну съ Копитара; а сегодня въ театръ. Поспѣшу, чтобъ не заблудиться. А идти тоже не близко: я остановился у Бѣлой Розы въ Леопольдъ Штадтѣ,—хоть и у воротъ въ городъ, но театръ на другой сторонѣ города. Прощайте.—

Не знаю гдѣ то въ Италіи, въ XIII вѣкѣ, стояли два замка—Салуццо и Савильяно. Лѣсъ и (подражая Тациту) взаимная вражда владѣвшихъ ими фамилій отдѣляли ихъ. У маркиза Салуццо была дочь Корона,—дѣвица-красавица, Итальянка духомъ, гордая, мстивая; отецъ былъ уже старъ. У графа Савильяно былъ сынъ,—молодецъ-красавецъ, рыцарь и трубадуръ; а отецъ былъ тоже старъ. Молодой графъ Гвидо долго странствовалъ, и наконецъ воротился домой, къ отцу. Вышедши однажды на охоту, онъ встрѣтилъ на охотѣ Корону, велѣлъ своимъ воинамъ напасть на свиту Короны, и всѣхъ, кто не умретъ, защищаясь, вести въ Савильяно; но взглянувши на Корону, очаровался ея красотою, готовъ былъ исполнить всѣ ея приказанія, и всѣмъ плѣннымъ далъ свободу, а, воротившись домой, не скрылъ отъ отца своей любви. Старикъ графъ былъ доброй старикъ, для счастія сына готовъ былъ забыть стародавнюю вражду, но зналъ Салуццо, и только жалѣлъ о сынѣ. Корона, не понимая любви, вздумала воспользоваться сердцемъ Гвидо, и послала ему сказать, что она будетъ его ждать къ себѣ вечеромъ, когда отецъ ея выѣдетъ на охоту. Заманивши къ себѣ въ замокъ, она хотѣла его или умертвить, или заперѣть въ темницу. Гвидо пошелъ, не смотря на предостереженія дѣвушки, служанки Короны. «Знаю, для чего ты призвала меня; но я все таки пришелъ,—и счастливъ, что хоть еще разъ увижу тебя. Вотъ тебѣ и мой мечь и мой кинжалъ; дѣлай со мною что хочешь: я умру, но счастливый.» Корона должна была повѣрить любви и—полюбила Гвидо. Отецъ вошелъ въ покой—и увидѣлъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга. Месть въ немъ разгорѣлась; не смотря на мольбы дочери, велѣлъ бросить Гвидо въ темницу и, умертвивши его, послать къ отцу его сердце сына. Не ложилась еще въ постель Корона, когда тюремщикъ пришелъ ей сказать, что Гвидо убитъ, что отецъ приказалъ ей взглянуть на его голову, а сердце завтра рано пошлется въ Савильяно. Корона рѣшилась отмстить своему отцу за смерть Гвидо, рѣшилась сама предаться Савильяну, и сдѣлала это. Салуццо узналъ это и внѣ себя отъ страха, что и его дочь будетъ умерщвлена графомъ, какъ онъ умертвилъ сына его, поскакалъ въ Савильяно Онъ прискакалъ туда, когда графъ уже далъ приказаніе умертвить Корону. «Умерщвляй меня, но не дочь мою; бери мое имѣніе, заключи дочь въ монастырь, но оставь ей жизнь!»—Корона съ радостью готова была умерѣть, отмщая отцу за смерть Гвидо; теперь... она

радовалась вдвое смерти, какъ преступница противъ любви отцовской. Графъ хотѣлъ бы ихъ оставить живыми: но передъ нимъ чаша съ сердцемъ сына. «умрете оба!» Вдругъ является — Гвидо; убитъ онъ не былъ, тюремщикъ никого не убивалъ, какъ приказывалъ ему маркизъ, а сажалъ въ погребъ и освобождалъ, когда обстоятельства позволяли; съ Гвидо сдѣлалъ то-же. Гвидо явился; старики не примирились, но дѣтямъ своимъ дали благословеніе.—Таково содержаніе драмы Раупаха, которую сегодня давали на Гоф-бургъ-театрѣ. Маркиза старика игралъ де-ля-Рошъ—превосходно; Корону—Реттигова также очень хорошо, не дуренъ былъ и Лёве въ роли Гвидо. Слушалось съ большимъ удовольствіемъ.—Театръ невеликъ, но миленькій, освѣщенъ прекрасно. Публика хлопала мало, но со вкусомъ; многіе утирали слезы, скрывали ихъ другъ отъ друга, и въ антрактахъ заѣдали мороженнымъ.

27-е. Вечеръ.

Landstrasse, Untere Reisnere Strasse, № дома 481, на 4-мъ этажѣ, въ отдѣленіи 11-мъ. у...—не знаю самъ у кого, въ свѣтлой, чистой комнатѣ: вотъ гдѣ я теперь съ намѣреніемъ остаться на мѣсяцъ. Былъ у Вука Стефановича Караджича; онъ согласился мнѣ помогать въ изученіи Сербскаго языка, сверхъ того сыскалъ помощника себѣ, который будетъ ежедневно ходить ко мнѣ и знаетъ сверхъ Сербскаго и Хорватское нарѣчіе: нельзя не остаться въ Вѣнѣ. Былъ два раза и у Копитара: съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло. . . . . Лучше не подходить, а то смотри и укуситъ. Довольно мнѣ и Вука: этотъ Волчокъ мнѣ нравится,— вотъ почему я переселился въ сосѣдство къ нему, чуть не дворъ обо дворъ.—Сегодня уже обѣдалъ съ Сербами и Хорватами, и начинаю ломать свой языкъ по ихнему. Еще неидетъ: черезъ недѣлю пойдетъ.

Есть и другія знакомства у меня. Сижу однажды въ театрѣ, оглядываю публику, гляжу: идетъ.. лице знакомое. «Заикинъ, здравствуйте!»—Ахъ здравствуйте! А я недѣлю ждалъ васъ въ Прагѣ.—Заикины. помните, жили у слѣпой старухи—рядомъ съ нами на Сѣнной улицѣ [1]). Одинъ изъ нихъ путешествуетъ, узналъ обо мнѣ въ Прагѣ, когда я былъ въ Селезіи или Лужицахъ, думалъ, что я скоро ворочусь и ждалъ меня. Съ нимъ пришелъ въ театръ другой молодой Русской — Анненковъ, служившій въ канцеляріи Министровъ [2]). Познакомился и съ нимъ. Оба—милые люди; немножко только богаты для меня: ѣдятъ за обѣдомъ на 2, на 3 рубля, а я не позволяю себѣ выхо-

[1]) Въ письмахъ изъ Петербурга о нихъ не упоминается; о Заикинѣ см. въ путевыхъ письмахъ П. В. Анненкова и въ письмахъ М. Н. Каткова къ Анненкову (П. В. Анненковъ и его друзья. С.-Пб. 1892).

[2]) П. В. Анненковъ; въ своихъ путевыхъ письмахъ онъ вспоминаетъ про знакомство съ И. И. (см. П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892, 138).

дить изъ предѣловъ трехъ гривенниковъ.—Другое знакомство было не менѣе пріятно. Пришелъ я къ Вуку; онъ и говоритъ мнѣ, что Княжевичъ [1]) и Надеждинъ тутъ. А они легки на поминѣ, какъ тутъ. Надеждинъ—землякъ [2]), еще дитятью зналъ объ Иванѣ Евсевьевичѣ [3]), и Осипѣ Евсевьевичѣ [4]); Княжевичъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ Княжевичъ. Отъ Вука пошли вмѣстѣ, къ нимъ, тамъ я и завтракалъ, и обѣдалъ, и до вечера. Княжевичъ тутъ съ сѣмействомъ. Жена его Чешка, но забыла по Чешски, а съ сестрою ея мы рѣзались. Княжевичъ—прелестный человѣкъ. Онъ искалъ мнѣ квартиру по сосѣдству съ своей; но не нашлось. Да мнѣ и лучше поближе къ Вуку. Плачу 10 гульденовъ: безъ дровъ, но съ полною прислугой.

Въ театрѣ былъ два раза—на оперѣ. Разъ давали Роберта,—отличалась Люцерова: какой мягкій, нѣжный голосокъ! Другой разъ давали Вильгельма Теля Россини,—и отличалась Бартъ или Гассельтъ Бартъ: славной голосъ, только нижняя октава дишканта немного слишкомъ жидовская, въ носъ. Хоры прекрасны. Балеты мягки, но безъ чувства. Пріятныхъ личикъ также мало, какъ гадкихъ много.

Здрава будте мâ мила майка. Кушуючь васъ обънмлемъ и остаjемъ вашъ.

Срз.

XLVI.

№ 35. Вѣна, 26 февр. 1841.

Сегодня въ 7 часовъ вечера мы выѣхали изъ Вѣны; и тутъ, какъ и всюду, я нашелъ для себя провожатыхъ. Заикинъ и Анненковъ напоили меня чаемъ, и проводили на почту. Вошедши на почтовый дворъ, вижу запряженную маленькую карету, спрашиваю: эта ѣдетъ въ Градецъ? «Эта». Я одинъ? «Нѣтъ, еще есть дама». Очень хорошо, и мы начали высматривать даму, которая поѣдетъ со мною. Смотримъ—вонъ и дама бѣжитъ. Вглядываюсь... Боже мой! да это—Харьковская, это—мадамъ Гельмъ. Она останавливается: точно. Тутъ оказались и два Рослановскіе. Они остаются въ Вѣнѣ; она ѣдетъ въ Голландію, пріѣзжала въ Вѣну покупать фортопьяна и экипажи. Слѣдовательно она не моя спутница. А вонъ и моя: садится въ карету. Почтальонъ трубитъ. Обнялись, поцѣловались. «Adieu, прощайте, добра шислива путъ,

[1]) Дм. Макс. Княжевичъ—попечитель Одесскаго учебнаго округа.

[2]) И. И. Срезневскій называетъ Н. И. Надеждина землякомъ, такъ какъ они оба были родомъ изъ Рязанской губерніи.

[3]) И. Е. Срезневскій—отецъ Изм. Ив. Срезневскаго.

[4]) Осипъ Евс. Срезневскій—дядя И. И. Срезневскаго—профессоръ Казанскаго университета.

adieu». Я сѣлъ, пріютюжился въ свою шубу. Еще разъ «прощайте»,—и началъ разговоръ съ сопутницей обычнымъ «pardonnez si je vous gène». Она отвѣчаетъ, но языкомъ, который какъ то не совсѣмъ разумѣется. Оказывается, что по Итальянски, Тирольскимъ выговоромъ. Она Тиролька, жила и живетъ въ Тріестѣ, и теперь ворочается туда изъ Вѣны, куда ѣздила къ сыну». «А вы Французъ»? Нѣтъ, я Русской. «Шинёро Рушшо! Брафо. Я люблю Русскихъ: они добры, они храбры, какъ Тирольцы. Они дали себя знать Наполію. Брафо». Словомъ еще мы не выѣхали изъ воротъ Вѣнскаго «штадта», а шинёро Рушшо и шинёра Тиролеша были друзьями. Разговоръ прерывался не чаще какъ черезъ 5 минутъ, когда она творила молитву.— Да нѣтъ, что ты болтаешь, Измайлуша! Ты ѣдешь изъ Вѣны! — Совершенная правда, ѣду изъ Вѣны и пишу изъ Вѣны, не выѣхавши еще изъ Вѣны. Я сижу теперь въ корчмѣ. Фурманы Краинцы наполняютъ столъ, потчуютъ и меня, и я ихъ потчую, а между тѣмъ записываю и пѣсню, которую они поютъ. Кстати арфистъ и скрипачь: я къ нимъ, прошу играть польку, прошу по Чешски, зная навѣрно, что арфистъ Чехъ. Полька заигралась, Краинцы изъ-за стола, и плясать: поняли, что заиграли родное, хоть и не Краинское.— Да гдѣ же дилижансъ, лошади, кучеръ, кондукторъ? Ихъ нѣтъ. — А компаньонка? Она тутъ-же въ корчмѣ, сидитъ и тоже пьетъ вино. Вотъ въ чемъ дѣло: ѣхали мы, ѣхали, болтали, молились; вдругъ карета начинаетъ медленно склоняться на мою сторону, прежде немного, потомъ все болѣе, болѣе,— и я, не двигаясь, не пошевеля ни пальцемъ, изъ сидячаго положенія принялъ очень покойное лежачее; компаньонка моя тоже, но не на меня, а рядомъ. И лежимъ. Зачѣмъ лежимъ, зачѣмъ не двигаемся—сами не знаемъ. Наконецъ сверху, т. е. изъ окна, показывается рука и предлагаетъ помощь. Моя дама поднимается и вылѣзаетъ; я за нею. Вышло, что ось переломилась, карета опрокинулась. Выходить было неловко, будто изъ юрты; а лежать ничего. Вылѣзши, спрашиваю, нѣтъ ли по близости гастгофа, куда бы отвести мою испуганную даму: отвелъ, сбрызнулъ водою, положилъ на скамью,— и самъ къ Краинцамъ. Почтальонъ поскакалъ съ письмами впередъ; кондукторъ пошелъ за новымъ экипажемъ. Ждемъ, да и ждемъ. Краинцы уже выбрались спать; а я за портфейль,—и вотъ записалъ знаменитый выѣздъ изъ Вѣны. «Не даромъ я говорила, что сегодня пятница», замѣтила моя шинёра. А я такъ все въ пятницу выѣзжаю: и изъ Праги въ пятницу, и изъ Брюна въ пятницу, и изъ Вѣны въ пятницу.

Штирія. Градецъ Нѣмецкій (Grätz) 28 февраля.

Вчера въ половинѣ 10-го вечеромъ пріѣхали мы сюда, надобно было бы пріѣхать къ 7, но третьегоднишнее паденіе помѣшало. Прошлую ночь я

проспалъ; мы поднимались на горы, спускались съ горъ,—ничего не знаю. На утро гляжу: горы на лѣво, горы на право, горы у дороги, изъ за нихъ другія вдали, горы высокія, пирамидальныя. Теперь онѣ покрыты снѣгомъ, и подъ лучами солнца рисуются живописно. Утромъ дорога шла по берегу Мурицы, послѣ обѣда по берегу Муры: текутъ быстро, гремя по камнямъ, и зелены (водою), и уже текутъ. Сельскіе домики деревянные съ маленькими окошечками. Городки очень часто. Народъ малорослой. Горластыхъ, у которыхъ горло вдвое больше головы, много; не мало и кретиновъ. На головахъ женщинъ бархатныя шапки въ родѣ мужскихъ, такія . По горамъ видны развалины замковъ. Изъ видовъ всего чаще такіе:

Еще вчера я заказалъ лондинеру, что-бы онъ узналъ, гдѣ живетъ Славян. профессоръ Квасъ: онъ распрашивалъ и не узналъ. Пошелъ я самъ справиться въ Университетѣ. Что-же! два часа искалъ Университетъ,—не нашелъ: одного спрашиваю, гдѣ—не знаетъ; другого—проводилъ въ полицію, третьяго—завелъ въ театръ, четвертаго—указалъ на губернаторскій домъ; а Университета все нѣтъ. Къ счастію я самъ замѣтилъ какую-то латинскую надпись и на ней iuventus или что-то такое. Пошелъ туда и нашелъ универ. библіотеку.

Она была отперта, и библіотекарь былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ все
Теперь я воротился изъ Іоаннеума, прекраснаго заведенія въ пользу просвѣщающихся; иду въ театръ, что-бы только познакомиться съ публикою.

Вотъ я и воротился. Играли Раупахова Мельника. Мельникъ — старикъ, богачь, скряга; у мельника дочь, влюбленная въ бѣдняка. Отецъ при смерти; но готовъ скорѣе проклясть дочь, нежели позволить ей выдти за бѣдняка. Тутъ начало, тутъ и конецъ: мельникъ умираетъ, дочь его—тоже. Для прикрасы вставлено преданіе, что въ Сильвестровъ вечеръ, въ полночь можно видѣть всѣхъ, кто умретъ въ будущій годъ. Пьеса безъ идеи, безъ значенія, безъ связи. Играли только что порядочно. Между актрисами есть одна по имени Варгафтская: это было бы по русски Справедливерова. Театръ—прекрасное зданіе, хоть для Вѣны. Кулисы—гадость. —

Самъ Градецъ—40.000 жит.; 4 предмѣстія. Кругомъ горы. Въ самомъ городѣ гора вышиною выше Хорошевской [1]), и круче. Изъ мостовъ черезъ Муру—одинъ цѣпной прекрасной. Улицы узкія, домовъ большихъ много, много и маленькихъ, даже отдѣльно стоящихъ. Лѣтомъ тутъ рай: окрестности безподобны, живописны, веселы, разнообразны. А теперь все подъ снѣгомъ, только что начинаетъ таять.

О руководствахъ для А. Л. М. [2]) я право ничего не могу сказать, новаго хорошаго ничего нѣтъ.

Марбургъ. 9 мар.

«Гдѣ это?»—Въ той же Штиріи. Вы сыщите его на картѣ, на рѣкѣ Дравѣ, ниже Градца. Я пріѣхалъ сюда третьяго дни вечеромъ. Ѣхалъ медленно—9 миль цѣлой день,—но очень полезно и пріятно провелъ я этотъ день. До того мѣста, гдѣ Мура поворачиваетъ на востокъ, ѣхалъ я по Нѣмеціи, но уже встрѣчалъ многихъ Славянъ. Переѣхавши черезъ Муру, я увидѣлъ передъ собою такъ наз. Виндскіе Бугры (Windische Büheln), холмы, покрытые виноградными садами. Тутъ живутъ Горчане. Одежда мужчинъ и женщинъ, какъ въ Чехіи; но языкъ совершенно другой: я говорилъ съ ними по Русски, ломая удареніе,—и они понимали меня лучше, нежели я ихъ.

Марбургъ маленькой, но лучшій городокъ послѣ Греца въ Штиріи. Положеніе прекрасное. Драва съ высокими гористыми берегами, горы кругомъ. Въ самомъ городкѣ есть хорошенькіе домики, но улицы теперь нечисты. Трактиры, судя по лучшему, въ которомъ я остановился, подъ вывѣскою Золотого Оленя, плохи: моя комната и прямо съ надворья, и мала, и даетъ

---

[1]) Около Харькова.

[2]) Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій.

банной теплоты на два часа, а потомъ похолодѣетъ. Время я провожу, впрочемъ, хорошо. Тутъ я нашелъ д-ра Пуфа, Нѣмца, до безумія влюбленнаго въ Славянъ, и познакомился съ нимъ сѣмейно. Вчера вмѣстѣ съ нимъ ѣздили мы въ селеніе Лембахъ, къ пастору Цвѣтку; а сегодня я у него провелъ почти цѣлой день: записывалъ отъ служанки его Штирійскія пѣсни, учился танцовать по Штирійски и т. д. Она премилая дѣвушка и хохочетъ отъ радости, что понимаетъ человѣка, пріѣхавшаго сюда изъ за 300 миль. Жена Пуфа плохо понимаетъ по Виндски, но поетъ пѣсни наизусть, и записала мнѣ два мотива.—Какая досада, что еще не весна: нельзя пѣшкомъ ходить; а стоило бы.

Свѣтлое Воскресенье. 12-е.

(Gross Sontag, Velika nedelja)

Тутъ я у пастора Дайнка, одного изъ плодовитѣйшихъ писателей Штирскихъ: онъ тутъ священникъ благочинный (Деканъ). Принятъ я по Славянски, и собираю что можно въ свой портфейль. Изъ Марбурга поѣхалъ въ Птую (Pettau), тоже на Дравѣ, и потомъ сюда. Отсюда загляну на Венгер. границы, и потомъ въ Кроацію. Природа уже развивается: луга зелены, виноградъ обрѣзываютъ, солнце свѣтитъ жарко.

Странно мнѣ было въ первый разъ взглянуть на здѣшняго Штирца. Бородку бы ему да штаны въ сапоги, такъ и былъ бы Русскій мужичокъ; а рубаха по нашему спущена и перепоясана тонкимъ пояскомъ. Головы женщинъ, какъ и въ Малороссіи: замужнія въ очепкахъ, дѣвушки въ лентахъ. Курныхъ избъ довольно, какъ и между Нѣмцами въ сѣверн. Штиріи; впрочемъ разрисованы какъ въ Великороссіи и выбѣлены какъ въ Малороссіи. Мѣста чудесныя. Мы ходили съ Дайнкомъ на одну виноградную гору любоваться, и точно есть, чѣмъ любоваться. У ногъ широко разстилается Птуйское поле, вдали блещетъ Драва, а за Дравой бѣлѣютъ подъ снѣгомъ горы, далѣе и далѣе однѣ изъ за другихъ, и въ самой дали блещутъ снѣжные Каринтійскіе Альпы.

Вино ни почемъ: 10 коп. бутылка, и прекрасное. Меня поятъ; я впрочемъ остерегаюсь. Красной носъ: это чего нибудь стоитъ.

Я ничего не сказалъ о Птуѣ: маленькій, порядочной городъ. Много Римскихъ древностей. Гостепріимство тамошнихъ духовныхъ, съ которыми я познакомился, перешло за границы: я пилъ кофе, я обѣдалъ, я пилъ вино, я курилъ цигары, я ужиналъ—все въ кофейняхъ,—и они не позволили мнѣ заплатить ни копейки.

Кроація. Загребъ (Agram). 17-е.

Сюда я пріѣхалъ изъ Вараздина, куда пріѣхалъ изъ Фридау. До Вараздина довезъ меня Дайнко; а тутъ я нанялъ голегенгейтъ, т. е. извощика, за 8 двугривенныхъ. Не дорого: отъ Вараздина до Загреба 10 миль, 70 верстъ. Ѣхали цѣлый день до полночи, сначала по величественной Дравской долинѣ, потомъ по горамъ. Останавливались 3 раза кормить лошадей,—и я издержалъ еще двугривенный на вино: мужички его пили на мое здоровье, и пѣли мнѣ пѣсни, разсказывали разныя разности, и пр.—На другое утро, я отправился къ Гаю [1]): стоило мнѣ сказать, что я Русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай, и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать. Они меня не ждали: Шафарикъ писалъ имъ, что я буду въ Загребъ изъ Далмаціи. Весь день провели вмѣстѣ. Гай предводитель здѣшняго Славянства, и въ 6 лѣтъ успѣлъ сдѣлать, что все и гражданство и дворянство стало говорить по Славянски. На другой день разболѣлись у меня зубы,—и я вотъ второй день не выхожу изъ дому. Не остаюсь однако одинъ: до сихъ поръ перебывало у меня новыхъ знакомыхъ человѣкъ до 15. Гай былъ прошлымъ лѣтомъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, восхитился Россіей [2]) и теперь восхищаетъ другихъ. Вотъ почему такое вниманіе и ко мнѣ. Хотятъ даже дать для меня еще разъ оперу Гризельду, которую играли прошлый четвергъ и сыграли неожиданно хорошо. Я говорю тутъ по Русски, и меня понимаютъ очень хорошо. Ну, ученымъ людямъ, куда бы ни шло; а то вотъ что меня разсмѣшило: третьяго дни ходили мы за городъ. Идемъ, идетъ Хорватъ. Я къ нему—и по Русски: все понимаетъ. Спутники мои хохочутъ, что мы такъ легко разговариваемъ другъ съ другомъ, и спрашиваютъ Хорвата, откуда бы могъ я быть?—Хорватъ.—Да развѣ я говорю по Хорватки? – Да, по Хорватски.—Можетъ быть по Краински (изъ корол. Иллиріи)? — Нѣтъ, не по Краински: Краньца самъ бѣсъ не разберетъ, какъ станетъ говорить; а этого господина я разумѣю.—И я же говорилъ, не ломая языка, а просто по Русски, по Московски.

Только, что я дописалъ это, какъ приходитъ Вразъ, и приноситъ ваше письмо отъ 10 февр. То-то была радость! Я вчера посылалъ на почту узнать, нѣтъ ли мнѣ письма: нѣтъ. Я не зналъ, что и думать. Зубы болятъ, а къ тому же грустно: я цѣлую ночь то и дѣло потушу свѣчу, да опять зажгу. Ну, слава Богу: вы здоровы, и братъ у васъ. Но скажите, душенька Маменька,

---

1) Знаменитый д-ръ Людевитъ Гай (1809—1872).

2) Объ этомъ путешествіи Гая см. у П. Б. Барсукова: Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 444 и слѣд.

ужели къ вамъ не доходили мои письма? Я, правда, сталъ рѣже писать, но все же каждый мѣсяцъ пишу, и если рѣже пишу, то вовсе не отъ лѣни. Куда мнѣ адресовать слѣд. письма? Въ Харьковъ или въ Кіевъ? Я такъ думаю сдѣлать: слѣдующее напишу кому нибудь изъ моихъ Харьковскихъ пріятелей; а когда получу отъ васъ вѣсть, то буду писать, куда назначите. Вы адресуйте Гаю: онъ будетъ мнѣ пересылать.

Какъ жизнь дешева въ Загребѣ: въ гостинницахъ обѣдаютъ за общимъ столомъ, подается 6—7 прекрасныхъ блюдъ, и платится 30 коп. сереб.

Темнѣетъ. Прилягу. Сегодня мнѣ лучше: но еще слабъ. Какъ я счастливъ, что пріѣхалъ лечиться сюда—къ роднымъ. А пріѣхалъ я случайно: я хотѣлъ прежде изъ Марбурга ѣхать въ Любляны (Лайбахъ). Все къ лучшему.

Прощайте, душенька Маменька.

Скажите Амвросію Лукіановичу, что-бы онъ на меня не сердился. Я люблю его, какъ любилъ, и не стою перемѣны *ты* на *вы*: скажи прямо, а не выкай [1]).

XLVII.

№ 37. 20-е марта. Омилье.

Помѣщичій домикъ на полугорѣ, за нимъ и кругомъ горы, подъ нимъ долина; всюду вокругъ виноградники, и тамъ и здѣсь разсѣяны сельскіе домики. Домикъ небольшой, но мило уютной; въ нижнемъ ярусѣ столовая, кабинетъ хозяина, кухня, чуланы; въ верхнемъ—небольшая гостинная, двѣ большихъ спальни по бокамъ и дѣвичья; въ сторонѣ отъ домика хозяйственныя пристройки. Прислуга большею частію мужеская. Небольшое сѣмейство хозяина увеличилось гостями: мы съ Вразомъ на одну ночь, другіе останутся на долѣе; между ними есть и одна дама, сосѣдняя помѣщица, захворавшая и живущая, какъ у себя дома. Мы съ Вразомъ ѣдемъ въ Загорье, и уже у горъ. Тотчасъ послѣ обѣда и въ путь.

Выстрица. 20—22.

Верхомъ на лошадяхъ или, лучше сказать, клячахъ тащились мы по горамъ въ Выстрицу. Дорога вьется, поднимается и опускается, то скроется въ лѣсу, то раскроетъ передъ нами широкій прекрасной видъ на горы и отдаленности, дорожка, а не дорога, то каменистая, то грязная. Мы тащимся; два Хорвата, въ широкополыхъ шляпахъ и кабаницахъ (свитахъ), изъ-за ко-

[1]) Приписка на полѣ (говорится объ А. Л. Метлинскомъ).

торыхъ видна рубаха, спущенная по Великорусски сверхъ широкихъ шароваръ, идутъ пѣшкомъ. Тащились мы, тащились, къ вечеру мелькнула намъ изъ за деревьевъ, съ горъ въ долину Быстрица; часу въ 8-мъ мы были тутъ.

Въ Быстрицѣ есть чудотворная статуя Божіей Матери и при церкви аббатство. Мы пошли къ аббату, прямо къ нему, остановились у него ночевать, быть у него въ гостяхъ все время, пока останемся въ Быстрицѣ. Добрый, почтенной старикъ принялъ насъ радушно, радовался, что принимаетъ Русскаго, надарилъ мнѣ разныхъ книжекъ, между прочимъ и вамъ, милая маменька, велѣлъ передать одинъ образокъ Божіей Матери Быстрицкой, оттиснутый на атласѣ. Быстрица знаменита тѣмъ, что сюда стекаются молельщики со всѣхъ Австрійско-Славянскихъ земель, и Римской, и Греческой вѣры, и аббатъ, хоть и самъ католикъ, но еще болѣе христіанинъ, и глядитъ на различіе между католицизмомъ и православіемъ, какъ на мелочь, желая отъ души соединенія ихъ вольнаго, безъ всякихъ папъ.

Крапина. 23-е.

Мнѣ снилась сегодня одна старушка, о которой я забылъ вамъ написать: это домоуправительница въ аббатствѣ. Предобрая старушка. Смотритъ на меня и смѣется: ей все кажется страннымъ, удивительнымъ, непонятнымъ, что я странникъ изъ за 250 миль, говоря съ нею на своемъ родномъ языкѣ, могу быть ей понятенъ. Еще не успѣетъ окончить своего вопроса мнѣ и уже смѣется, а потомъ промолвитъ про себя: «чудно! чудно!»—Такъ она мнѣ и снилась: стоитъ, сложа руки, передо мною, смотритъ на меня да смѣется.—Еще я забылъ сказать вамъ, что я въ Крапинѣ танцовалъ. «Съ кѣмъ?» Все своя братія: Вразъ, одинъ помѣщикъ, провожавшій меня до Быстрицы, мужъ больной дамы, да еще сыскался въ аббатствѣ нѣкій отставной майоръ, живущій то тутъ, то тамъ насчетъ правъ гостепріимства. И славно танцовали.

Плотно позавтракавши, мы сѣли на форшпангъ и далѣе въ Крапину. По дорогѣ заѣзжали къ одному помѣщику, застали не его, а его молодую жену, которая насъ угостила обѣдомъ, улыбками, выкрутасами въ родѣ «ничего-съ, помилуйте», впрочемъ, очень милыми.

А вотъ теперь мы въ Крапинѣ. Съ одной стороны гора и на ней развалины стараго замка Крапины, гдѣ когда-то живали, какъ говоритъ преданіе, Чехъ, Лехъ и Мехъ; съ другой стороны гора и на ней слѣды развалинъ другаго стараго замка Псари; между ними по узкой долинѣ улица съ домиками и двѣ церкви на пригоркахъ; въ одну сторону долина расширяется и выказываетъ горы за горами, въ другую сужается и пропадаетъ въ горахъ: вотъ это городокъ Крапина со своими окрестностями. Уединенное,

завидное мѣсто. Мы таскались по горамъ, по развалинамъ замковъ, слушали преданія, записывали пѣсни, и пр.

25-е. Корчма у Яковля.

Тутъ мы ночуемъ. Ждали, ждали форшпанга, и не дождались. Форшпангомъ называется во всей Венгріи нѣчто въ родѣ почты: телѣга, цугъ лошадей; на одной изъ нихъ сидитъ кучеръ, на козлахъ, сложивши руки, помощникъ его; каждую станцію телѣга и все перемѣняется; за станцію отъ лошади платится отъ 15 до 20 крейцеровъ серебра. Мужики поютъ, дѣвки кричатъ; дымъ изъ кухни за неимѣніемъ трубы валитъ въ сѣни и изъ сѣней въ поле; наша комната впрочемъ чиста.

27-е. Загребъ.

Сажусь сегодня за столъ обѣдать, снимаю салфетку съ прибора,—глядь—пакетъ, и на немъ женскою рукою «Izmaelju Ivanovicu Sreznjevskomu». Что это такое?—Вы не угадаете.—Это подарокъ сестры больной дамы, миленькой Загорки; это—каламанакъ Иллирскій, шапка въ родѣ калпака, красная суконная, серебромъ вышитая съ Иллирскимъ гербомъ (молодой мѣсяцъ и денница). Она (Драгоила Степановна) обѣщала мнѣ и исполнила обѣщаніе. —

Загребъ. Субота

Сегодня я былъ въ Сáборѣ, т. е. въ торжественномъ засѣданіи Читальницы Загребской. Къ пяти часамъ зала наполнилась: тутъ былъ между прочимъ графъ Янко Драшковичь—Президентъ, Загреб. Жупанъ Зденчай, Вицебанъ, графъ Оршичь и пр. и пр. Дѣло шло о покупкѣ дома для народ. Иллирскаго театра, гдѣ могла бы помѣщаться и библіотека Читальницы, зала для Ученаго Общества и т. д. Проэктъ прочтенъ, и всѣми одобренъ. Стали выбирать членовъ для непосредств. веденія этого дѣла. И тутъ обошлось безъ споровъ: Драшковичь произносилъ имя, и все начинало кричать «Богъ да живи» (Да здравствуетъ). Изумительно, какъ Гай могъ и умѣлъ сосредоточить частныя, себялюбивыя воли въ одну общую «домородную» (патріотическую волю): проэктъ писалъ Гай, и все, что онъ предложитъ, считается святостію. Подумаешь, Гай старикъ; а онъ молодой, прекрасный собою человѣкъ.

Изъ Сабора—въ театръ: давали двѣ пьесы по Нѣмецки и одну по Иллирски. Зрителей было мало. Большіе актеры играли плохо; но за то дитя 6—7 лѣтъ Пеппи Веисъ—превосходно.

Воскресенье.

Цѣлой день до вечера книги въ руки не бралъ. Въ 10-мъ часу пришолъ Бабукичь [1]),—и мы пошли съ нимъ къ Зденчаю. Почтенный старикъ, домородецъ, любитъ Русскихъ всею душою, читалъ и имѣетъ Карамзина, Пушкина и пр. Онъ пригласилъ меня обѣдать на сегодня.—От него—къ Драшковичу. Опять почтенный старикъ, домородецъ, Славянинъ въ полномъ смыслѣ слова. Заговоривши со мною объ отношеніяхъ между Русскими и Поляками, онъ заплакалъ; «Боже мой! когда же наступитъ время, что всѣ мы—братья, Славяне,—подадимъ братскія руки другъ другу».—Вообще здѣсь всѣ домородцы бредятъ о соединеніи Славянъ,—и любимая пѣсня ихъ—

Боже, сложи све Славене,
Да имъ слава не повене.

Отъ Драшковича—въ Уніатскую церковь: богослуженіе на Славянскомъ языкѣ, какъ у насъ. Изъ Уніатской—въ Православную. Тутъ служба какъ у насъ, пѣсни какъ у старообрядцевъ нашихъ. Къ хору дьячковъ присоединяются и многіе мужчины. Женщины стоятъ сзади. Кругомъ церкви мѣста для стоянья, какъ въ монастыряхъ. Церковь маленькая, но чистенькая. При церкви училище въ родѣ Семинаріи. Далѣе пошли къ Цензору. Потомъ—обѣдать въ Иллирскую народную кофейню, какъ обыкновенно. Сюда въ 2 часа пришолъ одинъ молодой священникъ и просилъ, что-бы я «удостоилъ» посѣтить Семинарію, гдѣ меня ждутъ съ нетерпѣніемъ Семинаристы. Я пошелъ. Толпа молодыхъ людей меня окружила, глядя на меня во всѣ глаза. Одинъ сказалъ что-то въ родѣ поздравительной рѣчи,—и потомъ начали мнѣ хвалиться, что они учатся разнымъ Слав. языкамъ, одни—Чешскому, другіе—Русскому. По Русски учатся больше всего и съ удивительной ревностію. О домородствѣ ихъ нѣчего и говорить. И, хоть католики, настолько же уважаютъ православіе, какъ вообще всѣ домородцы здѣшніе. Оттуда—въ Соборъ: прекрасное зданіе (внутри), чистое, безъ излишнихъ католич. украшеній. Оттуда—на конецъ города къ церкви, не знаю какой по имени. Она окружена лугомъ и садомъ. Сюда имѣютъ обычай собираться гулять по воскресеньямъ въ продолженіе Великаго Поста. Передъ церковью лавки съ пряниками. Подалѣе нищіе.—Народу всѣхъ сословій множество. Дамы Загребскія не отличаются вкусомъ: пестро, вычурно, дико. Оттуда—къ Гаю; онъ былъ эти дни боленъ; теперь ему лучше. Читали отрывки изъ описанія Босніи, составленнаго однимъ Босн. монахомъ. Превосходное описаніе.—Неуспѣлъ прійдти домой, какъ явились ко

---

[1]) Одинъ изъ дѣятелей иллирскаго возрожденія.

мнѣ студенты Академіи, которымъ я на дняхъ показывалъ правила Русскаго чтенія. Ревность въ изученіи Русскаго языка страшная. Нашего царя любятъ, какъ Бога, Русскихъ не меньше. Если такъ пойдетъ дальше, то я не знаю, что будетъ черезъ 20 лѣтъ. Не только тутъ, но во всей Кроаціи, Славоніи, отчасти въ Далмаціи и далѣе все молодое поколѣніе за Русскихъ. Мадьяры напротивъ боятся и ненавидятъ насъ. Меня многіе увѣряютъ, что я составляю теперь въ Загребѣ одинъ изъ главныхъ предметовъ разговора: одни за меня, другіе противу меня. Никто только не воображалъ, что я такой маленькой ростомъ: всѣ тутъ воображаютъ Русскаго великаномъ, голова подъ потолокъ. Вечеръ мой обыкновенно оканчивается въ Иллирской кофейнѣ, гдѣ собираются литераторы.—

Вторникъ.

Воротился изъ Иллирскаго театра: давали Анджело Викторъ Гюго. Играли хорошо; страненъ только выборъ пьесы. Сначала я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а потомъ въ ложѣ знакомаго доктора, съ его молоденькими сестрицами: сами зазвали. Премиленькія и предобренькія Хорватки. Завтра въ путь.— Прощайте!

И. Срез.

XLVIII.

№ 38. Юрово на Краинской Границѣ. 2-е Апрѣля.

Я согласился съ Вразомъ путешествовать вмѣстѣ по Краинѣ и Каринтіи, и путешествіе наше началось. 31-го Марта мы выѣхали изъ Загреба въ Карловецъ (по Нѣм. Карлштадтъ—вы найдете его на югъ отъ Загреба). Въ Карловцѣ уже насъ ожидали,—и вечеромъ пито было шампанское за здоровье всѣхъ и каждаго, пѣты пѣсни патріотическія, народныя и т. п.; на другой день намъ показали библіотеку тамошней «Читальницы» (какъ тутъ называютъ кабинетъ для чтенія), и пр. И въ Карловцѣ, какъ въ Загребѣ, доморондство цвѣтетъ и уважается: вотъ почему и мы были принимаемы такъ «уважительно». На другой день послѣ обѣда (то есть вчера) мы поѣхали въ Юрово. Это—имѣніе одного изъ Карловецкихъ доморондцевъ, Враницара, имѣніе богатое, прекрасное, гдѣ управителю приказано было принять насъ, какъ слѣдуетъ. Безъ шампанскаго не обошлось и тутъ. Сегодня утромъ забрались мы въ хату одного изъ селянъ и съ помощію «свѣтлыхъ грошей» и кусочковъ сахара, успѣли записать много всякой всячины. Дѣтей, дѣвушекъ, старухъ набралась полная хата: одни изъ-за другихъ, прячась другъ за друга, глядѣли они на насъ, и много было съ ними возни, пока у нихъ развязались языки.

Народъ тутъ бѣденъ, живетъ не такъ чисто, какъ въ Украинѣ, но добръ, простодушенъ, и только потому боится одѣтыхъ по Нѣмецки, что считаетъ всѣхъ такихъ за Нѣмцевъ.—Послѣ обѣда мы ѣздили черезъ границу Краинскую въ городокъ Метлику (Metling). На горѣ, разбитой пополамъ оврагомъ, нанизаны домики каменные и деревянные, большею частью нечистые, между ними церковь, а подлѣ нея приходской домъ: вотъ и весь городокъ. Тутъ ходили мы къ Декану (благочинному), а развѣдавши отъ него все, что было можно объ окрестныхъ жителяхъ, пошли въ кофейню, и тутъ набрали всего съ три короба. Кафеджіа самъ любитель пѣсенъ, самъ Краинецъ, имѣетъ 70 лѣтнюю мать, простую, предобрую старушку, да назвалъ одѣтыхъ по праздничному дѣвушекъ и женщинъ, стариковъ, знающихъ преданія: отъ 4 до 9 то и дѣла было, что записывать да рисовать [1]). Нарѣчіе тутъ еще не чистое Краинское; какъ бы то ни было, я преспокойно говорю по Русски, т. е. по Великорусски, и меня понимаютъ. Личикъ хорошенькихъ много: карія глазенки, улыбка на лицѣ, что-то хитренькое въ минѣ,—все это идетъ къ бѣленькому лицу, остренькому носику, узенькому подбородку и губамъ à la Алёна Романовна [2]). И вотъ какъ такое дѣвичье личико украшаетъ себя: коса вся подобрана сзади подъ мѣдную иглу въ родѣ дощечки и вложена клубкомъ въ вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ, къ которому на затылкѣ привязанъ цѣлый пукъ широкихъ разноцвѣтныхъ лентъ длиною четверти въ полторы; вѣнокъ очень малъ, такъ что покрываетъ голову только сзади, а съ передн по лбу и вокругъ всей головы идетъ парта красная суконная, въ полтора пальца узенькая, искусно вышитая бисеромъ и выложенная разноцвѣтными камнями. Все это очень мило.

Новое мѣсто (Neustadt) 3-го Апрѣля.

Сегодня опять счастливый день, счастливый, потому что многое успѣлось записать въ путевую книжку. Пріѣхавши опять въ Метлику мы пересѣли на другую тележку и поѣхали въ горы. Эти пограничныя Краинскія горы между Самоборомъ и Метликой называются Ускоцкими, по имени Ускоковъ, въ нихъ живущихъ. Горы высокія, дикія, каменистыя, на вершинахъ заросшія непроходимымъ лѣсомъ, по отлогостямъ кое-гдѣ покрытыя травою, кое-гдѣ совершенно голыя; между ними увалы и долины; на нихъ кое-гдѣ нивы, еще рѣже виноградники; кое-гдѣ стоитъ церковка; тамъ и сямъ то разбросанно, то

---

[1]) Въ путевыхъ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось значительное количество рисунковъ, главнымъ образомъ относящихся до этнографіи славянскихъ земель.

[2]) Е. И. Шидловская—Харьковская помѣщица, въ семьѣ которой И. И. Срезневскій давалъ уроки.

стѣснившись стоятъ хижины; и тутъ и тамъ пасутся овцы, и пастушокъ, сидя гдѣ-нибудь высоко на камнѣ, уныло поетъ «юнацкую» пѣсню, воспоминая въ ней о Маркѣ Кралевичѣ, Матвѣѣ Корвинѣ или Іоаннѣ Гуніадѣ. А вонъ у ручья, спадающаго съ горъ, стоитъ съ ведрицею дѣвушка, красная шапочка (капа) на головѣ; двѣ переднія косы и большая коса сплетены сзади въ одну и падаютъ по спинѣ широкой лентой, къ которой съ конца привязанъ уплѣтакъ изъ костей и стекляруса; кошуля съ широкими рукавами вышита на груди красными и синими нитками; широкій красный поясъ обхватываетъ талью, и спереди внизъ отъ нея виситъ красная прегача въ родѣ передника, снизу отороченная широкою бахрамою; изъ-за нея видны красные чулки, а сверху «постолы» на высокихъ узенькихъ клобучкахъ. Глаза и волосы черны какъ смоль, лицо смугло какъ у Итальянки; выраженіе лица добро, но гордо. Къ ней подошелъ «юнакъ» въ бѣлыхъ узкихъ лачахъ, въ мествахъ (полусапожкахъ), въ голубомъ плащѣ, изъ-за котораго виднѣется бѣлый долманъ, и въ широкополой шляпѣ. Она улыбнулась, взнесла ведрицу на голову, и пошла къ своей кучѣ [1]). Въ этой кучѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, большія сѣни съ печью, изъ которой дымъ идетъ черезъ потолокъ и кровлю; на одну сторону ихъ чуланъ, на другую изба, маленькая, съ туловищемъ печи, около котораго какъ мухи, сидятъ однѣ надъ другими дѣти, съ лавками вокругъ, со столомъ на извѣстномъ мѣстѣ, съ тремя маленькими оконцами и т. д. Въ этой кучѣ вы увидите много женщинъ, много дѣтей, нѣсколько стариковъ, и рѣдко, рѣдко свѣжаго человѣка, потому что все не состарѣвшееся отправляетъ военную службу, потому что всѣ Ускоки принадлежатъ къ военнымъ поселеніямъ. Не мудрено, что они бѣдны: обработывать полей, и вообще промышлять нѣкому, а военный поселенецъ Австрійской кромѣ того, что лишаетъ свою сѣмью работника, да сверхъ того еще долженъ самъ себя кормить, и за то не получаетъ отъ царя ничего.—Къ этимъ то Ускокамъ мы поѣхали сегодня. Доѣхавши до деревни Храстъ, мы пошли пѣшкомъ къ священнику въ другую деревню, не застали его дома и вошли въ ближнюю хату. Одѣливши дѣтей леденцомъ, мы освободились отъ застѣнчивости этихъ добрыхъ людей. Они не знали, какъ насъ посадить, какъ насъ угостить. Тотчасъ явились яйцы въ смятку, вино; но всего дороже намъ было ихъ радушіе. Они—Грекороссіяне, или, какъ ихъ называютъ Краинцы, Влахи, и старухи чуть не плакали, когда услышали отъ меня «Отче нашъ» слово въ слово и буква въ букву какъ сами его читаютъ. Пошли разсказы, пѣсни.—Священникъ между тѣмъ воротился домой, искалъ насъ, насилу нашелъ, позвалъ къ себѣ, угостилъ, опять разсказывалъ кое что. Часу въ 3-мъ мы отправились назадъ въ

[1]) Серб. кућа—домъ.

Храстъ, и поѣхали далѣе по Усвоцкимъ горамъ, по дорогѣ къ Новому мѣсту. Дорога—сначала все вверхъ и раскрыла предъ нами дивный видъ на отдаленности; потомъ—все внизъ, извиваясь какъ змѣя между холмовъ и удолій.

Теперь мы сидимъ за однимъ столомъ въ гостинницѣ у Солнца и пишемъ. Уже поздно: 10-й въ исходѣ. Мы уморились, собираемся спать.—Добрую ночь и вамъ, милая маменька и милой братъ. Начинается страшная недѣля. Вы можетъ быть говѣете: поговѣйте и за меня.

Любляны (Laibach). 5-е Апрѣля.

Вотъ я и тутъ. До 3-хъ часовъ, пока раскроется почтовая канцелярія, я напишу нѣсколько словъ о нашемъ переѣздѣ сюда; а потомъ пойду на почту, спросить, нѣтъ ли мнѣ письма отъ милой маменьки.—Дорога превосходная, очаровательная: горы да горы, виды да виды; по горамъ и въ долинахъ старые и новые замки, церкви, деревни; народъ одѣтъ чисто, опрятно, Мицки (Машеньки=дѣвушки) такія хорошенькія, и все, все такъ мило, что десять разъ можно проѣхать по этой дорогѣ съ одинакимъ удовольствіемъ. Одна досада: когда я читаю Краинскую книгу, понимаю почти все, развѣ какое нибудь слово заставитъ задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, такъ развѣ десятое слово разберу. Удареніе дивное, большая половина гласныхъ проглочены, другія измѣнены. Досада, да и только. А языкъ, особенно когда говоритъ имъ хорошенькая Мицка, очень пріятенъ для слуха. Такъ пойду же на почту.

Пошелъ и получилъ: только 5 дней лежало тутъ на почтѣ ваше письмо. Я читалъ его, и плакалъ, право плакалъ. Я чувствовалъ себя и счастливымъ, радуясь вашимъ счастіемъ,—и несчастнымъ, что не могу быть вмѣстѣ съ вами. Я вижу, братъ сдѣлался хозяйкою; мы бы не поссорились, дѣлясь съ нимъ этими трудами. Можетъ быть поспорили бы съ нимъ о Славянахъ; да ужъ потомъ бы навѣрно помирились. И ты, душа моя братъ, полюбилъ бы ихъ, какъ они того стоятъ; и ты бы принялъ сердечное участіе въ ихъ пробужденіи отъ сна. А говорить, разсказывать—это и по нашей части, милая маменька: мнѣ теперь кажется, что нашимъ взаимнымъ вопросамъ и отвѣтамъ и конца бы не было. Впрочемъ меня теперь занимаетъ и уже издавна—знаете ли что?—Надобно намъ всѣмъ тремъ прокатиться напримѣръ такъ:—изъ Россіи въ Варшаву, оттуда въ Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, потомъ въ Вѣну, потомъ въ Пестъ, Лембергъ и домой. Будемъ объ этомъ думать, собираться, соберемся—и въ путь. На это не надобно много

денегъ: 1500 довольно на 3 мѣсяца, если ничего не покупать, для всѣхъ трехъ. Богъ дастъ года черезъ два-три мы успѣемъ это привести въ исполненіе. А какъ бы это хорошо было! Я бы повторялъ впечатлѣнія и былъ бы вашимъ проводникомъ.

Что же касается до теперешняго окончанія моего путешествія, то я еще ничего не знаю. Во всякомъ случаѣ, милая маменька, я пріѣду къ вамъ въ Кіевъ, и, если поѣду черезъ Петербургъ, то буду просить о переводѣ въ Кіев. Университетъ. Это было бы для меня лучше во многихъ отношеніяхъ. Что же до совѣтовъ съ моей стороны, то, душенька маменька и душенька братъ, вы были, кажется, всегда увѣрены, что я всегда душевно радовался всему, что вы найдете хорошимъ. Полученіе пенсіи только не откладывайте на долгое время: для нея существуетъ какая то давность: лучше брать хоть по немногу. Но ваши глаза, милая маменька! Меня это мучитъ. Пожалуйста, не читайте вечеромъ; братъ же такой доброй: онъ будетъ вамъ читать.

Гусситская пѣсня написана Листомъ. Я было купилъ, чтобы послать вамъ, но варіаціи такъ трудны, что я считалъ это напраснымъ (и Томашекъ не могъ ихъ играть) и подарилъ одной дѣвушкѣ въ Прагѣ, вмѣсто подарка на новый годъ. Вы не будете за это на меня сердиться!

Настья и Зиновья, какъ пишешь ты, чудо дѣвки. Только я имѣю право завидовать: тебѣ она вывязала 14 паръ; а мнѣ вѣрно ни одной.—А что если бы ихъ учить читать? Хоть по праздникамъ вмѣсто конфетъ!

Александру Петровичу [1]) скажи, братъ, что я теперь въ странѣ, гдѣ о Бернульи [2]) не имѣютъ никакого понятія ни книгопродавцы, ни ученые. Очень жалѣю, что не купилъ его книги въ Дрезденѣ; теперь бы могъ послать ему. По части Амвросія Лукіяновича [3]) ничего нѣтъ важнаго. Прощайте. Цѣлую васъ.

Вашъ И. Ср.

XLIX.

№ 39. Любляна. 1841 г., Апр. 9.

Пятой день уже я живу въ Люблянахъ,—и могу вамъ сказать слова два объ этомъ городѣ. Между рѣкой Савой и рѣкой Люблялицей, гдѣ она впадаетъ въ Саву, разостлалась прекрасная долина. Недалеко отъ устья Люблянецы возвышается въ долинѣ будто невзначай гора, вышиною въ Хорошевскую [4]) или немного ниже, у ея подошвы течетъ рѣчка Рагашница, по другую

---

[1]) Рославскій-Петровскій.

[2]) Вѣроятно Christophe Bernoulli—швейцарскій экономистъ и натуралистъ (1751—1834)

[3]) Метлинскій.

[4]) Около Харькова.

сторону рѣчки начинаются холмы, поднимаются все выше и грядами идутъ къ горамъ. На вышеупомянутой горѣ есть развалины стараго замка и нѣсколько новыхъ тюремныхъ домовъ. Подъ горою вокругъ нея городъ Любляна, по обѣ стороны рѣчки; главная часть города—между горой и рѣчкой, и такъ узка, что мѣсто, незанятое домами, едва достаточно для одной кривой улицы. Въ одномъ концѣ этой улицы соборъ, и потомъ начинается предмѣстіе; въ другомъ концѣ другая церковь, и за нею другое; за рѣчкою, черезъ которую проложено 5 довольно плохихъ мостковъ, большое предмѣстье, съ 4-мя или 5-ю церквами, прекрасными площадями, и пр. Все это не занимаетъ, впрочемъ, много мѣста, потому что въ Люблянѣ жителей около 13,000.—Городъ впрочемъ довольно оживленный: съ одной стороны много пріѣзжихъ, потому что онъ лежитъ на дорогѣ между Вѣной и Тріестомъ и сосредоточиваетъ въ себѣ торговлю цѣлой Краины; съ другой онъ привлекаетъ къ себѣ и простой Краинскій народъ съ разныхъ сторонъ. Особенно онъ оживленъ теперь въ послѣдніе дни великаго поста. (Народъ тутъ не только благочестивъ, но даже, кажется, ханжитъ; а духовенство старается это поддерживать). Сегодня базаръ. Главная улица уложилась рядами торговокъ, продающихъ сыръ, масло, картофли, писанки, «колачи и потіцы» (раз. рода пасхи) и т. п., не считая тѣхъ, кои постоянно продаютъ тутъ апельсины, яблоки, винныя ягоды, булки, сушеные плоды, губку, ленточки и всякую всячину. Шумъ, говоръ, какъ и у насъ. Мы съ Вразомъ нѣсколько разъ прошлись по базару, любуясь хорошенькими Мицками: право, удивительно, какъ ихъ тутъ много, этихъ Мицокъ, хорошенькихъ, миленькихъ.—Въ Люблянѣ есть прекрасное касино: каждый членъ платитъ 15—20 гульденовъ въ годъ и цѣлый годъ можетъ посѣщать кабинетъ для чтенія, балы и пр.—Есть и театръ; но онъ теперь, само собою разумѣется, запертъ. Полиція здѣшняя очень строга: и самыхъ малыхъ вечеринокъ, гдѣ танцуется подъ фортепьяно, нельзя дать безъ ея позволенія.—Окрестности Люблявы прекрасны, и снѣжныя Каринтійскія альпы видны отвсюду.—Время провожу тутъ вотъ какимъ порядкомъ: одѣвшись, отправляемся пить кофе въ кофейню къ императору Австрійскому; оттуда въ библіотеку; потомъ домой обѣдать; послѣ обѣда я иду къ профессору Метелку [1]) и занимаюсь съ нимъ Краин. нарѣчіемъ,—и потомъ опять въ библіотеку; а вечеръ,—вы не повѣрите, милая маменька,—каждой вечеръ проходитъ въ томъ или другомъ кабакѣ, гдѣ собираются наши знакомые пить вино (я пью впрочемъ только по половинѣ зеглика т. е. по стакану и то съ водой). Знакомые

[1]) Метелко—профессоръ словѣнскаго языка и литературы въ Люблянскомъ лицеѣ; авторъ словѣнской грамматики; род. 1789, ум. 1861.

наши: д-ръ Прешернъ [1]) (онъ лучшій изъ живыхъ поэтовъ Краинскихъ), д-ръ Хорватъ—адвокатъ, библіотекарь, нѣсколько профессоровъ. Всѣ они пьютъ вино, какъ воду.

Крань (Krainburg). 11-е Апр.

Цѣлую васъ, маменька и братъ, и поздравляю васъ съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ; оно и для васъ то-же

12-е Апр.

было вчера. А я его праздную довольно чудно. На дняхъ д-ръ Хорватъ сказалъ намъ: «въ субботу ѣду я въ Крань; поѣдемъ вмѣстѣ; увидимъ, какъ народъ нашъ празднуетъ этотъ праздникъ».—Почему нѣтъ! Пообѣдавши у Хорвата, мы сѣли и поѣхали, и черезъ 3 часа были въ Крани. Мы съ Вразомъ остановились въ гостинницѣ, а Хорватъ у декана. Вчера въ 8 часу пришелъ къ намъ Хорватъ, и повелъ въ церковь. Тутъ слышалъ я въ первый разъ Краинскую проповѣдь, и, благодаря Бога, хоть не все, но понялъ. Изъ церкви—гулять, потомъ обѣдать; послѣ обѣда—опять гулять изъ города вонъ подалѣе, зашли въ кабакъ, стали селянъ угощать виномъ, сдѣлали ихъ разговорчивыми, заставили ихъ разсказывать о ихъ житьѣ бытьѣ, сказки, пѣть пѣсни, и провели тамъ день до вечера. Это была для меня добрая школа: вслушиваясь въ рѣчь селянъ, особенно когда они хотятъ быть понятными, самъ чувствуешь, какъ успѣваешь. Краинскій языкъ очень пріятенъ: но большая часть гласныхъ выговаривается въ немъ вполовину, вскользь,— и притомъ удареніе престранное. Между женскими голосами есть превосходные; а между аріями, есть нѣкоторыя живо напоминающія о Тирольскихъ, хоть Тирольцы не могли имѣть никакого вліянія на Краинцевъ. На пасху пекутъ здѣсь колачи и потйцы. Колачь—большой хлѣбъ съ изюмомъ и съ дырою въ серединѣ......, а потицы (=повитицы)—булки, сдѣланныя изъ катаннаго тѣста такъ, что на каждой накатъ накладывается медъ съ макомъ. Съ писанками (пирхи) та-же исторія, что и у насъ. Все это освящается.

Крань—маленькій городокъ при впаденіи Кокры въ Саву. Въ средніе вѣка онъ былъ укрѣпленъ, и развалины стѣнъ и башенъ остаются. Исполинскія Каринтійскія альпы кажутся въ двухъ шагахъ, когда смотришь на ихъ вершины, облитыя сметаною снѣга; а посмотришь ниже,—и видишь тамъ церкви, стоящія по отлогостямъ, какъ свѣтлыя точки. Картина безподобная. Утромъ и вечеромъ горы видны до половины только: верхи обвились облаками. Вчера былъ прекрасный день, и мы видили вершину Триглава (Трглȣу), высшей изъ горъ: какъ серебренное копье блестѣлъ онъ изъ за другихъ горъ.

---

[1]) Францъ Прешернъ (1800—1849); сборникъ его стихотвореній изданъ въ 1847 г. подъ заглавіемъ: Poezije doktora Franceta Prešerna.

12-е Апр.

Вчера послѣ обѣда мы ходили, съ Хорватомъ и Вразомъ, въ село Накласъ, верстахъ въ 5 отъ Крани, къ тамошнему священнику, и все время провели за *жегнаномъ*. Такъ называется закуска Свѣтловоскресенская, гдѣ главное мѣсто занимаетъ все освященное. Кромѣ калачей и потицъ, подавали окорокъ, телячью голову, еще кое-что, и въ заключенiе кофе.

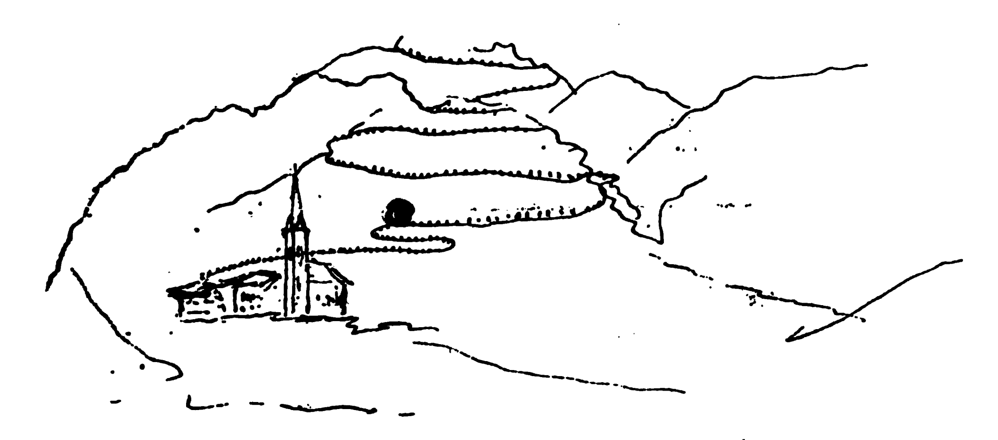
Разсказывали мнѣ между прочимъ многое о такъ называемыхъ *Роковчарахъ*. Это разбойники, живущiе въ Каринтiйскихъ Альпахъ съ женами и дѣтьми. Они являются большею частью въ видѣ нищихъ, но не просятъ, а требуютъ милостыни, и такъ страшны, что никогда не получаютъ отказа, доходя до самой Любляны. Правительству доносили о нихъ, но оно будто и знать не хочетъ, что они существуютъ. Они такъ смѣлы, что на зиму переселяются изъ своихъ хижинъ въ домы поселянъ и живутъ на ихъ счетъ. Самая почта не безопасна, такъ что за нѣсколько лѣтъ дилижансы были провожаемы конвоемъ.

17 Апр. Целовецъ (Klagenfurt).

Сегодня я провелъ день неожиданно прiятно: я ѣхалъ сегодня изъ Любляны въ Целовецъ. Такой переѣздъ можно считать наслажденiемъ. За Кранью къ Торжцу дорога идетъ по долинѣ, и бѣлоголовыя горы поднимаются все выше надъ головою. Торжецъ—прекрасное мѣстечко, очень оживленное, но такъ сжатое между горами, что онѣ какъ привидѣнiя высматриваютъ изъ-за домовъ. За Торжцемъ начинается горный переѣздъ. Дорога идетъ по долинѣ св. Анны, вдоль потока; и долина такъ узка, что остается на днѣ ея мѣста ровно только для потока, а дорогу вырубили въ камнѣ. Надъ головами громады скалъ, чуть не отвѣсныхъ, кое гдѣ покрытыхъ елями и буковьемъ, а болѣе голыхъ и до половины облитыхъ снѣгомъ. Еще недавно были такiя страшныя лавины, что проѣзду не было; и теперь еще остаются слѣды ихъ. Долина расширяется при концѣ своемъ у подошвы Ибеля (Loibl). Тамъ стоитъ церковь и постоялый дворъ. Проѣхавши мимо ихъ, начинаетъ круто подниматься, какъ на нашу Холодную гору [1]), и не смотря на крутой взъѣздъ дорога поднимается террасами сама надъ собою такъ:

---

[1]) Въ Харьковѣ.

Полземъ, полземъ, и всползаемъ на высоту 5000 футовъ, то есть 700 саженъ отъ поверхности моря. Дорога сдѣлана превосходно: всюду, гдѣ нужно, мосты прочные, въ другихъ мѣстахъ плотины, что-бы потоки неразрушали дороги, и т. д. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ болѣе чувствуешь высоту окрестныхъ громадъ, и вдали все болѣе развертывается видъ на Краину къ Крани, Любляны и далѣе; видъ впрочемъ самой ландшафтный; только кусокъ картины въ рамахъ, такъ:

взъѣхавши на высоту, поворачиваешь на право мимо постоялаго двора, прощаешься съ Краиной—и видишь передъ собою пограничные столбы. До сего мѣста, карета изъ Торжца ѣхала на 5 лошадяхъ; тутъ 2-хъ отпрягли, и мы начали спускаться внизъ между горами. Горы, горы и горы, лѣсъ, снѣгъ, потоки, глушь; такъ насъ встрѣтила Каринтія. Послѣ переѣзда черезъ малый Ибель мы увидѣли изъ-за лѣса очаровательную Дравскую долину, длинную, довольно широкую, обставленную горами какъ стѣнами, усѣянную деревнями, замками, церквями, и спустились въ нее. Послѣдняя станція къ Целовцу черезъ горы, но уже умѣренныя,—и вотъ сама долина, на которой букетомъ улегся красивый Целовецъ. Изъ Люблянъ выѣхали въ 6, сюда пріѣхали вечеромъ въ 8.

L.

№ 40. Горица (Görz). 1841. Мая 2.

Какъ давно я не писалъ вамъ, милая маменька. Но не сердитесь: право, нѣкогда было. То переходы и переѣзды, то распросы и записыванье,—и время проходило, самъ не знаю, куда дѣвалось. Я успѣвалъ только на клочкахъ бумажки карандашомъ замѣчать, о чемъ писать Вамъ. Нѣкоторые изъ этихъ клочковъ потерялись; приходится писать съ памяти. Въ это время я постран-

ствовалъ довольно, какъ увидите, и видѣлъ и узналъ много любопытнаго. Былъ и въ Италіи Вы удивляетесь, какъ это такъ; гляда на карту видите, что Целовецъ на сѣверѣ отъ Горицы; но я всетаки былъ въ Италіи, сегодня изъ нея. Вотъ какъ все это было:

Вразъ въ Люблянѣ заболѣлъ, и я поѣхалъ въ Целовецъ одинъ. Въ Целовцѣ я нашелъ ех-профессора Жупана [1]). Толстой, какъ Авдотья Ѳедоровна, веселой, болтунъ ученой, любящій поѣсть и полакомиться сладкимъ, какъ нашъ Микола [2]), и, повторяю, очень ученой. Въ Мошбургѣ, въ 3 часахъ отъ Целовца живетъ другой ученой Словенецъ, Ярникъ [3]), тоже очень ученой и очень милой старикъ. 17-го я пріѣхалъ въ Целовецъ; 18-го пошелъ въ Мошбургъ, 19-е пробылъ у Ярника, 20-го воротился въ Целовецъ, заходя къ Герцогскому стулу, любопытному Славян. памятнику IX вѣка; 21-е провелъ съ Жупаномъ въ Целовцѣ; 22-го поѣхалъ въ штельвагенѣ по дорогѣ въ Бѣлякъ (Willach) до Вербы (Velden), и оттуда пѣшкомъ къ Фарѣ св. Михаила въ Рожнѣ (Rosenthal). Дорога до Вербы лежитъ по берегу прекраснаго Клагенфуртскаго озера, своей шириной и берегами напомнившаго мнѣ Оку и Днѣпръ. Въ Рожнѣ мнѣ надобно было быть, потому что жители сохранили тамъ болѣе народности, нежели въ другихъ мѣстахъ Хорутаніи (Карантіи). Въ Фарѣ я познакомился съ капелланомъ Майеромъ, любителемъ и знатокомъ народности Хорутанской, и провелъ съ нимъ въ разговорахъ и прогулкахъ по очаровательному Рожню 23-е. По Рожню протекаетъ Драва, пологости береговъ покрыты зеленью луговъ, нивъ, лѣсовъ, вверху еще блеститъ ярко снѣгъ; всюду разсѣяны деревеньки. 24-го пошелъ я въ Зильскую долину, и шелъ цѣлой день. Проводникъ несетъ мою котомку и зонтикъ въ колпакѣ, что заставляетъ всѣхъ щитать его за геометрическій инструментъ, а меня за инженера; мы болтаемъ и идемъ. Какъ полезно такое странствіе съ проводникомъ! Въ день узнаешь болѣе, нежели въ иную цѣлую недѣлю. Поздно вечеромъ пришелъ я въ Быстрицу (Feistritz), одно изъ главныхъ селъ въ Зильской долинѣ. Не знаю, найдете ли вы ее на картѣ. Зильская долина получила свое названіе отъ рѣки Зили (Итал. Gilia, Нѣм. Geil, слѣд. на Рус. картѣ Гаиль или Геиль). Окруженные со всѣхъ сторонъ Нѣмцами, жители сохранили свою оригинальность, и знамениты ею во всей Иллиріи.

---

[1]) Т. е. экстраординарнаго профессора. Въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія И. И. Срезневскій говоритъ: Въ Цѣловцѣ я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ экстр. профессоромъ Жупаномъ, отличнымъ знатокомъ Иллирскихъ нарѣчій и вообще ученымъ человѣкомъ (стр. 18).

[2]) Николай Ивановичь Срезневскій.

[3]) Патеръ Урбанъ Ярникъ (1784—1744)—поэтъ, знатокъ Хорутанскихъ нарѣчій (И. И. Срезневскій: Донесеніе министру народнаго просвѣщенія отъ 2 авг. 1841 г.).

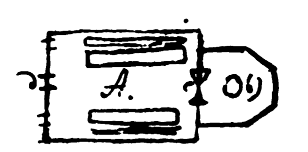
25-го долженъ былъ быть въ деревнѣ св. Георга приходской праздникъ, и, переночевавши въ Быстрицѣ, ранымъ рано я отправился туда. Когда нибудь я подробно опишу вамъ этотъ праздникъ; а теперь только нѣсколько словъ объ одеждѣ Зилянокъ. Дѣвушки—настоящія барышни, и всѣ одѣты всегда какъ будто къ танцу: платьица коротенькія, почти до колѣнъ, чулки бѣлые, башмаки съ каблучками; на лифѣ платокъ, такъ что два угла пристегнуты у горла булавкой, а другіе два обхватываютъ талью и завязаны бантомъ сзади; на головѣ бѣлой платокъ, повязанной такъ, что 2 заднихъ угла подвернуты подъ косу, два другихъ легко повязаны сбоку, и одинъ долженъ быть непремѣнно на груди, а другой на спинѣ, а по лбу пришито къ платку 15 локтей кружева въ сборкахъ; наконецъ, рукава у рубашки (очень, очень коротенькой) не широкіе и съ кружевами, а на спинѣ отъ рубахи виситъ треугольная манишка, собранная густо и съ кружевами. Еще я забылъ сказать, что по тальи сверхъ платка идетъ черной кожаной поясъ, вышитой корѣшками павлиньихъ перьевъ, и на одномъ изъ концовъ, висящемъ до колѣнъ, пристегнутъ складной ножъ. Представьте себѣ такую чудачку, и непремѣнно одну руку подъ бокъ, а другую опустивши по офицерски, и вы вѣрно улыбнетесь. Изъ этихъ чудачекъ многія очень милы. Танцуютъ прекрасно: мужчина скачетъ, а дѣвушка, въ вышепомянутомъ положеніи, опустивши голову, идетъ кругомъ, оставаясь всегда спиною къ центру. Танцуютъ и поютъ; когда поютъ, то мужчина съ дѣвушкой идутъ à la polonaise, а потомъ начинаетъ играть музыка и начинается танцъ. Музыканты сидятъ подъ липой, и танцуютъ около липы. Весь этотъ праздникъ полонъ обрядовъ, и Богъ участвуетъ даже въ танцахъ: первой «высокой рай» (важной танецъ) начинается пѣснію:

Бугъ, дай нанъ (намъ) добэръ чесъ тэ (этотъ) первы рай зачэти;
Тэ кай (какъ) да смэ зачели, ше (еще) такъ га (его) не бмэ нели.

Я адресовался въ св. Георгѣ къ священнику, онъ познакомилъ меня съ сѣмействомъ бароновъ Эйхельбурговъ, и баронесса была такъ мила, что старалась меня познакомить со всѣми особенностями Зилянъ. Тутъ же было нѣсколько чиновниковъ изъ Блейберга, гдѣ находятся знаменитые свинцовые рудники. Главный изъ нихъ уговорилъ меня потерять одинъ день на осмотрѣніе шахтъ, и изъ св. Георга я поѣхалъ съ нимъ ночевать въ Блейбергъ. 26-е провелъ я весь день въ шахтахъ. Удивительныя пещеры продѣлалъ тамъ человѣкъ: глубиной въ 150 сажень, длиною по прямому направленію болѣе $1^1/_2$ версты. Какъ какіе нибудь духи работаютъ тамъ одни надъ другими рудокопы, вдали одни отъ другихъ, и 12 часовъ не видя свѣта. Въ тотъ же вечеръ я воротился въ Быстрицу въ сопровожденіи одного Зиляка, и на другой день пошелъ далѣе въ Тарфисъ съ другимъ Зилякомъ. Въ Тарфисѣ—Нѣмцы. Но мнѣ

нужно было пройти черезъ него чтобы пробраться къ Резіянамъ. Эти Резіяне — жители Резіянской долины (Vale della Resia) въ Венеціанской Италіи на границахъ Краинскихъ. Два слова о нихъ были сообщены Добровскому когда-то, и съ тѣхъ поръ никто не говорилъ ни слова, такъ что даже и тутъ хорошо не знаю[тъ], гдѣ собственно лежитъ эта долина. Отыскавши на картѣ селеніе Резіуту, я не могъ предположить, что эта долина недалеко отъ Резіуты, и отправился въ Тарфисъ, съ тѣмъ чтобы оттуда пробраться въ Резіуту и далѣе, какъ Богъ дастъ. Я хотѣлъ 27-го же идти или ѣхать въ Резіуту, но въ этотъ день должна была пріѣхать въ Тарфисъ императрица, и потому я не сыскалъ гелегенгейта. По неволѣ остался ночевать, видѣлъ императрицу, видѣлъ равнодушіе народа къ ней и на другой день поѣхалъ въ Резіуту. Дорога лежитъ по дикой долинѣ: горы голы съ обѣихъ сторонъ, потокъ занимаетъ десятую долю своего каменистаго ложа; кустарники кое-гдѣ, пыль страшная, жаръ ужасной. Въ Понтеббѣ, переѣхавши черезъ мостъ, я былъ въ Италіи,—и увидѣлъ все иное: домики, самые бѣдные, изъ камня, яруса въ два и три, крыши плоскія, около домиковъ деревья и виноградныя гардины, глаза черные, волосы черные и рыжіе, по Нѣмецки никто ни слова, по Славянски тоже, а всѣ по Фурлански (языкъ средній между Итальянскимъ и Французскимъ, прекрасной, но тѣмъ не менѣе досадно непонятной). Въ Дуньѣ я остановился обѣдать, все еще не зная, куда ѣду, и какъ найду Резію. Къ счастью хозяинъ зналъ два слова по Нѣмецки. Я спрашиваю его о Резіи, а онъ въ отвѣтъ указываетъ на молодого человѣка въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, говоря, что онъ капелланъ изъ Резіи. О счастіе! Недаромъ, подумалъ я, видѣлъ я молодой мѣсяцъ съ правой стороны. Къ нему—и по Нѣмецки. «No capisco» (не понимаю), отвѣчаетъ онъ мнѣ по Фурлански. Вотъ тѣ и счастіе! Что тутъ дѣлать! Надобно было рѣшиться въ первой разъ въ жизни начать говорить по Итальянски. Можете представить, какъ шло: однако шло. Къ тому же, капелланъ, хоть родомъ и Фурланъ, говоритъ однако по Резіански; такимъ образомъ, чего я не могъ ему объяснить по Итальянски, то добавлялъ по Краински, и на оборотъ,—и сошелся. Капелланъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что долженъ ѣхать сей же часъ по дѣламъ, но что въ Резіутѣ увидится со мною, и оттуда пойдемъ вмѣстѣ въ долину. Такимъ образомъ 28-го еще былъ я въ Резіи. Долина какъ котелъ, со всѣхъ сторонъ обнесенная дикими стремнинами, и только съ одной стороны дающая въ себя узкій проходъ. Отъ Резіуты $1^1/_2$ часа. Священникъ, старикъ 73 лѣтъ, но живой, веселой, и гордящійся тѣмъ, что Резія и Россія одно и тоже, обласкалъ меня какъ могъ и въ тотъ же вечеръ еще сообщилъ мнѣ много любопытныхъ извѣстій о жителяхъ. Русскіе были однако тутъ: нѣсколько солдатъ проходомъ изъ Италіи, да графъ Потоцкій (не бывшій у насъ попечителемъ,

а братъ его), случайно услышавши въ Резіутѣ нѣсколько Славянскихъ словъ. 29-е я провелъ весь день въ долинѣ, обходя деревни, распрашивая объ обычаяхъ, языкѣ и такъ далѣе. Капелланъ всюду со мною. Тутъ узналъ я и о другихъ Славянахъ Итальянскихъ, живущихъ въ горахъ на югъ отъ Резіи, взялъ одного Резіяна проводникомъ, и съ нимъ ходилъ 3 дни, дошедши до сюда. 30-го прошли черезъ Резіуту, Венцоне, Джемону въ Торченто. Городокъ Джемона лежитъ въ дивномъ мѣстоположеніи: кругомъ безконечные сады, въ серединѣ гора съ замкомъ, кругомъ кругомъ горы. Въ Тарченто надобно было ночевать. Спрашиваемъ, гдѣ можно достать комнату съ постелью. Тамъ-то. Идемъ. Оштерія какъ обыкновенно въ Италіи, вотъ какая:

А. Большая темная комната. а) столы съ лавками, с) большая дверь сводомъ въ маленькую комнату, кругомъ которой лавки, а въ серединѣ b) каменное наполье, на немъ разложенъ огонь, надъ огнемъ котелъ, сверху труба. Пока мы съ Тони Бобацомъ пили вино, мнѣ приготовили комнату; потомъ я пошелъ въ нее... и ужасъ! Огромная постелище, кирпичной полъ, двери съ галлереи со щелями, стекла въ окнахъ разбиты, стѣны испачканы, стулъ на трехъ ногахъ, столъ на двухъ и держится объ стѣну, бѣлье на постели солдатское. Страшно да и только! Однако выспался хорошо, а вечеромъ, когда ѣлъ яичницу, пришли два Славина, или, какъ тутъ ихъ называютъ, Стьява, и я ихъ распрашивалъ о ихъ горахъ, жилищахъ, и пр. 1-го Мая пошелъ въ горы. Дивная тропинка! Горы вотъ такъ \/ ; въ глубинѣ потокъ безъ береговъ; тропинка съ камня на камень по серединѣ горы, и ни травки. Такъ я дошелъ до Ложéваро, гдѣ, какъ вчера узналъ, капелланомъ—урожд. Стьявъ. Предобрый старикъ. Съ нимъ я провелъ часа четыре, распрашивая его и обходя домики. Домики хоть и каменные, но страшно бѣдные; а народъ чрезвычайно красивъ. Далѣе пошелъ я въ Нимисъ по подоб. тропинкамъ. У Тьельминиса открылся очаровательный и огромный видъ на долину, гдѣ Удине, Чивидаль, и такъ далѣе. Священникъ въ Нимисѣ тоже Стьявъ, и сообщилъ мнѣ тоже кое-что о Стьявахъ. Нимисъ уже въ долинѣ. Спускъ съ горъ страшной: два часа по камнямъ, и круто. Въ долинѣ начинаются сады: деревья оплетены виноградомъ, а между рядами деревьевъ полосы нивъ. Ночевать пришли въ городъ Чивидаль. Спрашиваемъ гостинницу—указываютъ. Спрашиваемъ комнату—показываютъ. Избалованный Нѣмецкими комнатами, я покапризился, пошелъ искать другой гостинницы, и не нашелъ. Таскались, таскались, и рады были постелѣ въ одной комнатѣ съ постелью сапожника, нечистой, гадкой. Ночью просыпаюсь,—и не могу дышать! сапожникъ напился вина, спитъ и рыгаетъ, и

комната наполнилась уксуснымъ запахомъ, пронзительнымъ, удушливымъ. Прекрасное наказаніе за капризы. И тутъ-то я вспомнилъ Германію! Многое въ ней дурно, но гостинницы, комнаты въ нихъ, постели, и вообще всѣ удобства для путешественника, не то что въ Италіи. Сегодня шли изъ Чивидаля въ Горицу и пришли въ 3-мъ часу. Сегодня воскресенье: Фурланы прекрасно одѣты, играютъ, поютъ, всѣ въ цвѣтахъ. Подходя къ Горицѣ, увидѣлъ Изонцо: бирюзоваго цвѣта она катится, какъ струистая лента. Въ Горицѣ жители Краинцы и Нѣмцы, но господствующій языкъ Фурлано-Итальянскій. Изъ окна моего я видѣлъ всю здѣшнюю публику; дамы одѣты прекрасно, со вкусомъ и богато.

Цѣлую вашу ручку, милая маменька, и поздравляю васъ съ ангеломъ. Дай Богъ вамъ здоровья и спокойствія. Цѣлую и тебя, милый братъ.

LI.

№ 41. Горица, 1841. Мая 3-е.

Что за веселой народъ эти Горичане! Крикъ, шумъ, ходня, пѣсни, музыка, безпрестанно; сегодня вовсе не праздникъ, простой рабочій понедѣльникъ. Я стою al Cervo = у Оленя; съ одного боку главная площадь, съ другаго—одна изъ главныхъ улицъ, и покою нѣтъ, или, лучше сказать, заниматься не хочется: все бы смотрѣлъ въ окно, да слушалъ. То Неаполитанцы на скрипкѣ и на кларнетѣ играютъ прекрасное barcarollo; то Чехи съ арфами повторяютъ давно мнѣ знакомую польку; то соберется куча дѣтей, женщинъ и солдатъ около бродячаго органиста; а подъ ногами въ остеріи Фурланы собрались пить вино и поютъ. Горица, можно сказать, Фурлано-Итальянскій городъ. Господствующій языкъ народа Фурланскій, только приходящіе на базаръ Краинцы говорятъ по своему, а образованные говорятъ по Итальянски съ фурланизмами; на лавкахъ и на углахъ улицъ надписи Итальянскія, газеты въ кофейняхъ Итальянскія. Горица — порядочный городокъ. Лежитъ между Замковою горою и рѣкою Изонцо, ближе къ горѣ. Архитектура домовъ Итальянская.—Доброй вечеръ вамъ, маменька и братъ, кушайте на здоровье чай, а я буду пить воду съ виномъ и разбирать буквы.

LII.

№ 40 [1]). 11 Мая.

Нѣтъ, въ Венеціи пробыть 4 дня много! говорилъ одинъ Ивановичъ другому, а самъ легъ на софишку, между тѣмъ какъ другой сталъ (писать)

---

[1]) Вѣроятно описка вм. 42.

письмо къ роднымъ. Вотъ какъ все обстоитъ въ комнатѣ, гдѣ это важное происшествіе происходило: главную часть комнаты занимаетъ огромная трехспальная постель, выдающаяся своимъ корпусомъ на самую середину комнаты, и такъ высокая, что безъ помощи стула или даже стола и стула нѣтъ возможности возлечь на оную; у головъ по обѣ стороны постели по ночному столику; у стѣнъ три стула и софишка для $1^1/_2$ человѣкъ въ сидячемъ положеніи; далѣе съ одной стороны дверь, съ другой—окно; на четвертой стѣнѣ зеркало, рисующее человѣка въ разныхъ искривленныхъ положеніяхъ, и подъ нимъ комодъ; въ одномъ углу между комодомъ и окномъ треножникъ съ умывальней, въ которой мѣсто кувшина свинцовый чайникъ; въ другомъ углу между комодомъ и дверью кресло на случай болѣзни; остальное мѣсто середины комнаты занимаетъ круглой столъ, покрытой ковромъ; по стѣнамъ виды Венеціи. Это № 2-й della locanda alla Luna, находящійся въ 5 шагахъ отъ канальца-заливца, соединеннаго съ проливомъ della Guidecca, въ 15 шагахъ отъ галлереи или портика, окружающаго пьяццу di san Marco. Войдемъ подъ этотъ портикъ и сквозь арки его видимъ передъ собою соборъ св. Марка, великолѣпной Греческой архитектуры, далѣе съ боку башню Марковскую, изъ за нея кусочекъ del Palazzo dei Doggi и по обѣимъ сторонамъ во всю длину площади огромное зданіе въ три яруса надъ портикомъ. Площадь, какъ и вся Венеція, выложена правильно и красиво огромными квадратами камня, и на ней у портиковъ столы съ апельсинами, лимонами, яблоками, пряниками; а подъ портиками лавки, кофейни, канцеляріи адвокатовъ и т. п.,—и таскотня, шумъ по площади и подъ портиками безъ конца отъ ранняго рана до полуночи. На право отъ piazza за башней идетъ piazetta; съ одной стороны ея дожевъ palazzo, съ другой продолженіе зданія съ портикомъ—королевскій дворецъ, съ третьей — canale della Guidecca, т. е. море и гавань съ кораблями, и по берегу лавочки, а у берега гондолы. Далѣе на лѣво мимо дожева palazzo идетъ Славянское побережье—Riva dei Schiavoni, широкое, широкошумное, съ лавками и лавочками разнаго рода, съ кофейнями для простаго народа, съ балаганами дикихъ звѣрей и т. д. На сѣверъ площади св. Марка глубь города Венеціи и въ серединѣ Ponte Rialto, обстроенный лавочками, чудо-прочной, но и ничѣмъ болѣе не замѣчательной самъ по себѣ. Онъ перекинутъ смѣлой дугою черезъ Canale Grande, перерѣзывающій весь городъ неправильною буквою s. Отъ этого канала идутъ въ городъ по всѣмъ направленіямъ канальцы, узкіе какъ Нѣмецкія улички. Улички и сухопутныя есть, и по нимъ можно выходить всю Венецію но въ трое медленнѣе; а кругомъ всей Венеціи всетаки вода. Однако, что же я! Разсказываю вамъ о Венеціи, какъ будто житель Венеціи, а вы еще не знаете, кто эти Ивановичи, которые на 4-й день послѣ пріѣзда въ этотъ городъ уже скучаютъ, не зная что дѣлать. Эти два

Ивановича—Петръ Ивановичъ Прейсъ и Измаилъ Ивановичъ—вашъ покорный слуга: не путешествовали вмѣстѣ по Славянскимъ землямъ, такъ поѣхали вмѣстѣ въ Венецію. Какъ случилось это, разсказать и трудно и легко. Трудно, потому что это соединено съ путешествіемъ Княжевича и Надеждина по Италіи и съ предположеніемъ ихъ и нашимъ путешествовать по Далмаціи; а легко, потому что—слушайте только: въ пятницу вечеромъ 8 мая пріѣзжаю я въ Тріестъ, останавливаюсь въ Locanda grande, спрашиваю книгу пріѣзжихъ, ищу именъ Прейса, Княжевича, Надеждина, нахожу Прейса подъ бокомъ, дверь обо дверь, лечу къ нему, болтаемъ за полночь, на другой день начинаемъ шляться по Тріесту, шляемся и наконецъ я подъѣзжаю къ Прейсу съ вопросикомъ: не прокатиться ли намъ въ Венецію? Онъ было туда-сюда; но побѣда осталась на моей сторонѣ; мы взяли мѣста на пароходѣ, въ половинѣ 10-го вечеромъ взошли на палубу, въ десять отчалили отъ берега, а въ 7 утра увидѣли передъ собою Венецію. Вотъ мы и въ Венеціи. Искали тутъ Княжевича и Надеждина, но не нашли, хоть они и пріѣхали за день прежде насъ, и выѣхали только въ понедѣльникъ. До вечера понедѣльника мы не успѣли распорядиться осмотрѣть Венецію, пароходъ ходитъ между Венеціей и Тріестомъ черезъ день, и мы остались въ Венеціи до сегодня, т. е. до середы. Письмо я началъ утромъ, и тогда мы сказали другъ другу: «четырехъ дней для Венеціи много». Теперь уже скоро пять, и я опять пишу, а Прейсъ, возлегши на нашу постелище, скукою лечится отъ скуки. «Изъ кожи лѣзу!» говоритъ, и вздыхаетъ. Двухъ дней для Венеціи довольно,—именно воскресенья и понедѣльника. Въ воскресенье прямо съ парохода въ церковь Марка, и, осмотрѣвши ее, взять гондолу и поѣхать по церквамъ изъ церкви въ церковь цѣлой день; на другой день въ дожевъ палаццо, академію художествъ, арсеналъ, нѣсколько частныхъ палаццовъ, королев. дворецъ, и вечеромъ останется еще время для прогулки по Riva dei Schiavoni и въ садъ.

Пароходъ Софія.

Вотъ мы и на пароходѣ, и уже утро. Солнце играетъ, вѣтеръ дуетъ, море волнуется, пароходъ колышется, какъ дѣтская колыбель. Если такъ колышется и корабль въ морѣ, если даже вдвое болѣе, то я способенъ къ переѣздамъ морскимъ, по крайней мѣрѣ короткимъ. Я улегся въ свой ящикъ и выспался прекрасно.

Тріестъ. 15 Мая.

Мы думали, желали найдти Княжевича и Надеждина въ Венеціи, и они были въ ней въ одно время съ нами, но мы узнали объ этомъ уже тогда, когда они уѣхали,—пріѣхавши сюда, прямо къ нимъ. У насъ было намѣ-

реніе ѣхать по Далмаціи вмѣстѣ всѣмъ; но оно оказалось невозможнымъ: они спѣшатъ, а намъ лучше и не быть, нежели спѣшить. Они ждали насъ, и мы проводили ихъ. Въ Тріестѣ я получилъ деньги, но Прейсъ еще нѣтъ, а дѣла довольно у обоихъ,—и мы рѣшились остаться тутъ на недѣльку. Вслѣдствіе этого пріискали себѣ квартиру, и живемъ братски, не отступая ни на шагъ отъ условій однообразной жизни: пьемъ и ѣдимъ одно и тоже, выходимъ и приходимъ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, все вмѣстѣ, и постоянно веселы. Я предоброй человѣкъ, онъ тоже, безъ претензій оба, и даже еще не спорили. Прилежаніе наше немножко лѣниво по причинѣ желанія поболтать другъ съ другомъ; но это же болтаніе и возбуждаетъ прилежаніе. Квартира у насъ— 2 прекрасныя комнаты на Contrada del Canale grande, съ видомъ на множество мачтъ, изъ-за которыхъ видно море; платимъ въ день 1 флоринъ, т. е. $66^2/_3$ коп. сереб.

Надобно же досказать о Венеціи. Площадь св. Марка съ тѣмъ, что на ней,—одно, а городъ—совершенно другое. Площадь сама чудесна; кругомъ— превосходныя зданія, и особенно церковь и дожевъ палаццо, въ виду—море; все одушевлено, кипитъ жизнію. Въ 20 шагахъ отъ площади тѣсныя улички, такъ тѣсныя, что изъ окна въ окно черезъ улицу можно пожимать другъ другу руку и что угодно, грязные канальцы, нечистые или запустѣлые домы. Глядя съ башни, видимъ подъ ногами площадь, и далѣе громаду крышъ—ничего болѣе, плоскихъ, бѣло-красноватыхъ черепичныхъ, большею частію старыхъ, худо сложенныхъ съ огромными трубами въ родѣ вазъ. На площади Марка весело, а сойдешь съ нея—становится очень грустно. И такъ—на площадь. Въ церковь: она вся и снаружи и внутри выложена гранитомъ, мраморомъ и т. д., на полу мраморъ узоромъ, на сводахъ превосходная мозаика, а гдѣ нѣтъ мрамора и мозаики, тамъ или золото или живопись лучшихъ художниковъ. Церковь велика, высока и величественна, еще болѣе оригинальна, особенно для того, кто не знаетъ или давно не видалъ нашихъ православныхъ церквей. Дожевъ палаццо стоитъ рядомъ съ нею ближе къ морю. Дивная архитектура: два яруса портика одинъ надъ другимъ и потомъ пять оконъ по фасаду съ одной и пять съ другой стороны, можете представить какихъ огромныхъ оконъ; портики темнаго цвѣта, верхній ярусъ желтовато розоваго, и камни расположены узоромъ. Что внутри—надобно своими глазами видѣть. Особенно изумительна большая зала—sala del maggior Consiglio, огромная и вся кругомъ въ картинахъ лучшихъ художниковъ, полъ—мозаика. Теперь въ ней библіотека. Всѣ другія залы также богаты, только меньше. Въ этомъ дворцѣ никогда никто не жилъ, а были правительств. мѣста. У каждаго дожа былъ свой собственный дворецъ. Этихъ дворцовъ и дворцовъ другихъ вельможъ по Венеціи всюду разсѣяно множество; но жалко взглянуть на нихъ: ободранные, испачканные,

одичавшіе. Стоятъ они, какъ нищіе по смерти богача, ихъ кормившаго.— Церквей въ Венеціи множество, и много прекрасныхъ. Особенно мнѣ понравилась іезуитская: внутри она выложена розоватымъ мраморомъ, и по этому мрамору вдѣланы всюду узоры другимъ черноватымъ мраморомъ, а у алтаря разосланъ мраморный зеленоватый коверъ съ желтыми цвѣтами; работа нѣжная, бархатная. Извнѣ церкви почти всѣ на нашъ образецъ, только безъ нашихъ золотыхъ главъ. Архитектура частныхъ домовъ въ Венеціи отличается множествомъ оконъ, отдѣленныхъ одно отъ другого узенькими колоннами, и украшенными каменною рѣзною работою. У многихъ домовъ нѣтъ другихъ подъѣздовъ, кромѣ какъ съ канала: гондола останавливается,—и шагъ съ гондолы, а другой уже въ сѣняхъ. Между дворцами я посѣтилъ Барбариго и Манфринъ; у Барбариго есть между прочимъ Магдалина Тиціана въ портрет. видѣ,—плачетъ и заставляетъ плакать. И вообще картинъ, картинъ страшное множество всюду. Академія художествъ въ этомъ отношеніи бѣднѣе всего. Были и въ Арсеналѣ, гдѣ между прочимъ хранится модель Бучинторо, на которомъ выѣзжалъ дожъ вѣнчаться съ моремъ: онъ весь былъ позолоченный. Въ Воскресенье мы были въ двухъ театрахъ: Малибранъ—народный театръ, начинается въ 5, оканчивается въ 8-мъ, слѣд. при свѣтѣ дня; народу было множество и крикъ до поднятія занавѣса и при вызовѣ актеровъ такъ былъ ужасенъ, что надобно его слышать, что-бы повѣрить; костюмы публики тоже чудо: кто въ жилетѣ, кто въ одной сорочкѣ съ растегнутою грудью, кто босой,—и разносятъ апельсины, яблоки, воду, водку—какъ въ кабакѣ. Другой театръ —Fenice; но въ немъ не играютъ. Третій—Apollo, и въ немъ давали Норму: примадонна Годжи играла прекрасно. Четвертый театръ—Gallo. Въ немъ мы были во вторникъ, давали Весталку Меркаданте: шумная крикливая опера, то усыплявшая, то будившая Прейса. Въ этихъ театрахъ занавѣсъ поднимается въ 10-мъ часу, и игра продолжается до ½ 12-го. Понятно, что жизнь Венеціанская иначе, нежели у насъ: встаютъ поздно, завтракаютъ въ 11, обѣдаютъ въ 4—5, пьютъ кофе до 10 и долѣе, ложатся спать безъ ужина. Садовъ въ Венеціи не имѣется; есть кое-гдѣ аршинные садочки, есть такіе же кое-гдѣ на крышахъ; а публичной садъ, основанный Наполеономъ, вдвое меньше Робертинскаго[1]).—Что-же еще?—Право не вспомню, и перехожу къ отъѣзду (о Савѣ Шумѣ, православномъ христіанинѣ, о кралевичѣ-епископѣ разскажу дома).

Передъ отъѣздомъ спрашиваемъ conto—щетъ въ гостинницѣ: подаютъ. Мы жили 4 дня, три раза завтракали, два раза обѣдали, три раза ѣли котлеты,—и за это должны были заплатить—какъ бы вы думали, сколько? 12 флориновъ = 30 руб. асс. У меня чуть не стали волосы дыбомъ; но все таки надо было расплатиться. Вышли изъ комнаты—и пошли подаванья

[1]) При пансіонѣ де-Роберти въ Харьковѣ.

рукъ: одинъ чистилъ платье, другой сапоги, третій мелъ комнату, четвертый ходилъ въ полицію съ паспортами, пятый прислуживалъ при столѣ, шестой подавалъ ключь, когда мы приходили домой. Осердясь на Венецію, мы сѣли на пароходъ. «Нѣтъ, матушка, не воротимся къ тебѣ»! повторяли мы. И конечно: каждому изъ насъ стоила поѣздка въ Венецію по 70 рублей. А какъ-бы то ни было, о Венеціи нельзя имѣть понятія, не бывши въ ней лично. Картины Каналетто, которыя видѣлъ я въ Дрезденѣ и Вѣнѣ, становятся справедливыми только тогда, когда глядишь на нихъ, уже видѣвши Венецію. Искали Славянскаго—ничего не нашли.

Теперь, какъ вы знаете, мы въ Тріестѣ. Консульство наше съ нами очень вѣжливо и мило, само размѣняло мнѣ деньги, дало визо на путешествіе въ Черногорію, даже пріискало барку, на которой можемъ ѣхать въ Ровиньо. Изъ сего усматриваете вы, милая маменька, что мы хотимъ въ Истрію, Далмацію и Черную гору. Хотѣлось бы; а какъ будетъ, Богъ знаетъ. Это письмо отправлю отсюда, а въ Рагузѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо и пошлю вамъ слѣдующее.

17-го Мая.

Тріестъ—прекрасной городъ. Онъ стоитъ на маленъ. полуостровѣ внизу подъ горами. Подъѣзжая къ нему отъ Любляны, останавливаешься у памятника, и въ одно мгновеніе видишь передъ собою море, съ одной стороны берега твердой земли, съ другой берега Истріи, а внизу подъ ногами, какъ рисунокъ, какъ планъ, этотъ городъ. Картина ни съ чѣмъ не сравнимая. Съ чѣмъ нельзя свыкнуться, свыкся и я съ моремъ; а всетаки не могу вспомнить безъ наслажденія о видѣ со святаго Петра (гостинница у памятника). Въѣхавши въ городъ, не знаешь, на чемъ остановиться глазами: улицы по струнѣ, домы огромные, прекрасной архитектуры, дѣятельность безъ конца, разнообразіе костюмовъ, прелестные личики,—богатые магазины, и т. д. и т. д. Какіе домы тутъ строятъ,—довольно вспомнить, что недавно отстроенное Locandajo для проѣзжающихъ стоило 600,000 флориновъ = 1.500,000 руб. ас. Языкъ господствующій—Итальянскій. Съ Нѣмецкимъ уѣдешь не далеко.—Мы живемъ такъ: встаемъ въ 7 и пьемъ кофе; потомъ занимаемся—отчетами, напишемъ страничку, да и читать одинъ другому; въ часъ идемъ обѣдать (супъ да жаркое—на 20 коп. сер. съ души); и опять домой; въ сумерки идемъ въ кофейню, изъ кофейни гулять, и опять домой или въ театръ Итальянскій. Тутъ труппа Вестри, и самъ Вестри изумительной комикъ, управляющій лицомъ, какъ живописецъ кистью. Театръ начинается въ 8½, и слѣдовательно послѣ театра прямо спать, а если не идемъ въ театръ, то домой и занимаемся или болтаемъ до 11, 12 и позже.

Въ Харьковѣ ли вы, милая маменька, или въ Кіевѣ? Пишите ко мнѣ въ Аграмъ на имя Гая. Мнѣ уже грустно, что не получаю долго писемъ: самъ виноватъ, дурно распорядился.

Кланяйтесь знакомымъ и друзьямъ. Цѣлую васъ и брата.

И. Ср.

И здѣсь искалъ для Авросія Лукьяновича [1]) книгъ, но ничего не нашелъ.

LIII.

№ 43. Сень. 1841. 16 Іюня.

Мы пріѣхали сюда третьяго дни; а передъ этимъ три дни провели на островѣ Кркѣ (Веліи). На островъ мы переправились изъ Кралевицы (Porto Re) къ Возу—часа въ 2 или $2^1/_2$. Подъ говоръ весельщиковъ я заснулъ и проспалъ почти всю дорогу; подъ колыханье лодки съ волны на волну сонъ очень хорошъ. Возъ—двѣ хижины, гдѣ мы не нашли не только лошадей, но и человѣка, который бы насъ провелъ въ Омишаль (Castel Muschio). Мы думали уже, что придется самимъ тащить наши сумки; но весельщики были такъ добры, что предложили намъ свои услуги. Этотъ переходъ, все въ гору и по камнямъ, далъ намъ очень непріятное понятіе объ островѣ: жарко, ногамъ больно, а ни травки, ни тѣни. Въ Омишалѣ мы имѣли рекомендательное письмо къ попу, и остановились у него, съ нимъ ходили къ вечерни (Глаголической,—пѣніе очень похоже на наше монастырское), на развалины стараго замка, на бельведеръ (такъ называется скала, стѣною стоящая надъ маленькимъ заливомъ, съ которой прекрасной видъ на море и твердую землю) и пр. Омишаль—жалкой городокъ, гдѣ очень трудно отличить, что дворъ, а что улица, и все грязно, бѣдно. У попа домъ вотъ какъ расположенъ: прямо изъ узенькихъ воротъ поднимаемся на крыльцо, такъ что все нижнее отдѣленіе дома занято виннымъ погребомъ (вина тутъ чуть ли не больше нежели воды); въ серединѣ большаго крыльца цистерна; двери на право въ отдѣленіе тетки попа; двери прямо къ попу, и первая съ подворья комната—кухня съ Итальян. очагомъ и посудою по стѣнамъ; изъ нея на лѣво вновь пристроенная комната, гдѣ мы ужинали и чай пили, и гдѣ между прочимъ на столѣ и лошадиные приборы, и даже назначено мѣсто для печи; на право комната въ родѣ чулана съ сундуками, съ пшеничкою на потолкѣ, съ кроватью молоденькой кухарки, съ лестницею на верхъ; вверху три комнаты, изъ которыхъ въ одной спитъ попъ, въ другой спали мы, а

---

[1]) Метлинскій.

въ третьей книги, кажется, вѣчно спящія. Домъ хоть и каменный (какъ и всѣ), но (какъ и всѣ) такъ легко построенный, что отъ вольныхъ шаговъ по комнатѣ все въ домѣ трясется. На другой день мы пошли въ городъ Кркъ по острову, и шли 5 часовъ. Дорога хоть и большая, но запущенная, твердокаменная, несносная. По дорогѣ деревень очень мало, полей и садовъ довольно, лѣсовъ также видно много, но молодыхъ. Если бы не виноградъ, смоквы, оливы, лавръ, то можно бы подумать, что идешь по какой нибудь Новой Землѣ. Кркъ—городокъ приморской, маленькой, съ тѣсными уличками, очень похожій на закоулокъ Венеціи, и Венец. льва встрѣчаешь довольно часто. Уѣздный судья (podestá) принялъ насъ ласково, далъ квартиру и сдѣлалъ все, что могъ. Не далеко отъ Крка въ заливѣ лежитъ островокъ Кошмонъ (Cassione), и на немъ монастырь, окруженный вѣчнозеленымъ лавровымъ садомъ. Видъ островка не дуренъ, но въ монастырѣ мы не нашли для себя ничего. Изъ Крка города мы пошли по острову на востокъ. Опять тяжелая дорога, особенно сначала, пока взобрались на гору Тресковецъ; а когда начали опускаться въ долину, по которой течетъ потокъ Рѣка,—грязь и вода, и все разрушеніе. Вчера передъ тѣмъ шелъ ужасный дождь, размылъ дорогу, поля, потопилъ воловъ и козъ, вырвалъ съ корнемъ нѣсколько осинъ, разломалъ мосты, словомъ представилъ намъ такое же зрѣлище предъ очи, какъ помните, въ Ундинѣ. Такой сильной воды не помнятъ и старики: два часа не было прохода. Къ вечеру пришли мы въ Башку (Besca), и по рекомендательному письму обратились къ уѣздному судьѣ (волост. голова), но его не могли найдти. Не зная, что дѣлать, мы стали спрашивать, гдѣ-бы могли переночевать. Идетъ попъ, мы къ нему,—и онъ повелъ насъ къ себѣ, далъ комнату, накормилъ, и пр. Онъ былъ когда-то стихотворцемъ, и, хоть старикъ, но съ такимъ жаромъ читалъ намъ наизусть свои творенія, что отъ смѣху едва было можно удерживаться. На другое утро въ 5 часовъ постучался онъ и сказалъ, что барка ждетъ. И мы поѣхали въ Сень. До Сени оттуда только 2 часа, но если море не спокойно, то можно и 5 часовъ остаться на морѣ. Такъ и случилось: отъѣхали съ полчаса, и море разыгралось; барка обернула на право, и пристала къ каменистому загорью. Барочники стали печь себѣ локарду (рыбу на золѣ). Мы думали, думали да и давай себѣ тоже варить кофе (мы съ запасомъ); воды насилу достали и то дурной, но кофе былъ не дуренъ. А потомъ поѣхали, и я—спать. Въ 11-ть пристали къ берегу.

Знакомства наши тутъ—православный попъ, и нѣсколько православ. купцовъ. Вчера обѣдали у епископа католическаго Ожеговича, и приняты имъ съ подобаемою честію. Онъ настоящій славянинъ, и хоть старъ, но свѣжъ, моложавъ, веселъ; а обѣдъ былъ чудесной.

Какъ пойдетъ нашъ путь далѣе, не знаемъ, а
съ-утра чемо преко Велебита.
(завтра хочемъ за Велебитъ-горы).

Carlopago. 21 Іюня.

По мѣстамъ этимъ путешествовать вовсе не дешево: за коляску отъ Сени до Берлога, 4 часа ѣзды, мы заплатили 7 гульденовъ (безъ малаго $4^{1}/_{2}$ руб. сереб.), за переноску вещей отъ Берлога до Оточаца (2 часа или 3)—два двугривенныхъ, за телѣгу отъ Оточца до Госпича (7—8 часовъ)—4 гульдена, за такую же отъ Госпича сюда—тоже 4 гульдена (7 часовъ). Страна впрочемъ по ту сторону Велебита прекрасная; горы по одну, горы и по другую сторону, а въ серединѣ роскошныя долины; горы большею частію покрыты лѣсомъ; въ долинахъ поля, луга, рощи, разбросанные домики деревень всѣ подъ тѣнію ясеней, яворовъ, липъ; вдоль по дорогѣ тоже очень часто густая тѣнь. И вся эта земля—Военная Граница. Почти каждый изъ мужиковъ былъ солдатомъ; солдатъ встрѣчаешь на каждомъ шагу; а граница турецкая, хоть и далеко, верстахъ въ 70, но все заставляетъ думать, что она въ 5—6 верстахъ: по вершинамъ горъ и холмовъ стоятъ такъ называемые паноси, т. е. шесты, обвитые соломой, которая, если бы случилось на границѣ какое-нибудь беспокойство, зажигается, и вѣсть о безпокойствѣ переносится въ короткое время по цѣлой землѣ до моря; у каждаго хозяина есть свое клепало, въ которое бьютъ тревогу; кое-гдѣ по дорогамъ пикеты; по самой границѣ всегдашній кордонъ, и граничаръ, идущій на кордонъ беретъ запасъ хлѣбной съ собою. Народъ довольно бѣденъ; домики маленькіе, деревянные, курные, нечистые; только офицеры и сержанты живутъ хорошо. Въ Берлогѣ мы заѣхали къ православному попу: нельзя было не изумиться, глядя на его домашнюю одежду: синія военныя панталоны, опанки, синій прслукъ (куртка безъ рукавовъ), а на головѣ красная капа (въ родѣ колпака, какую тутъ носятъ и мужчины и женщины): онъ сидѣлъ у очага, и варилъ паленту. Въ Оточцѣ мы ночевали: это полковой городокъ, разметанной по долинѣ. Госпичь—тоже полковой городокъ, похожій на Оточацъ. Дорога изъ Госпича сюда, можно сказать, страшная: она идетъ черезъ Велебитъ. Эти горы тянутся черезъ всю Далмацію къ Балканамъ и, какъ въ Сени такъ и здѣсь, круто спускаются къ морю. Вчера мы опускались $2^{1}/_{2}$ часа. Сторона горъ къ морю дика, безъ зелени, скалиста, а дорога иногда и очень крута, не смотря на то что вьется сама подъ себя. О видѣ съ горы я не говорю: ко всему можно привыкнуть, равно и къ такимъ видамъ, какъ отъ св. Петра въ Тріестѣ, съ Учки въ Истріи, съ Велебита у

Сени, съ Велебита здѣсь, но все они прекрасны. Тутъ видишь подъ ногами чудной формы островъ Паго, далѣе море, по которому разсѣяно множество другихъ островов, большихъ и маленькихъ, и далѣе чистое море, отдѣляющееся отъ неба тоненькою, едва замѣтною голубоватою полоскою. Солнце шло къ закату, и покрыло часть моря золотомъ, на которое глядѣть также трудно, какъ на самое солнце.

Пагъ. 23-е.

Съ письмомъ къ протопопу Пажскому, сѣли мы вчера на барку (т. е. лодочку) и поѣхали на островъ Пагъ. Переѣзду черезъ проливъ Морлацкій— одинъ часъ по вѣтру (послѣ обѣда обыкновенно дуетъ tramontana съ З. на В.) и полтора часа по заливу, окружаемому островомъ Пагомъ. Пристали къ городу Пагу и пошла возня: сначала въ претуру—показать паспорты, потомъ въ таможню—показать вещи, потомъ къ священнику—просить ночлега. Священникъ не былъ дома, поѣхалъ куда-то на прогулку по морю, и его надобно было ждать до 10-ти часовъ вечера. Онъ пріѣхалъ и оказался предобрымъ, прелacковымъ старикомъ. До этого времени мы осмотрѣли городокъ: онъ лучше Carlopago, весь окруженъ стѣною и имѣетъ богатые солины— единственную надежду жителей на нынѣшній годъ, потому что хлѣба сгорѣли, а виноградъ побитъ градомъ. Въ городѣ все напоминаетъ о Венеціи, какъ и всюду, гдѣ была власть Венеціянъ: Венеціянскій левъ на стѣнахъ, архитектура домовъ та же, что и въ Венеціи, и самое нарѣчіе господствующее не Нѣмецкое, а Итальянское.

Нинъ (Nona). 23-е Іюня.

Изъ Пага въ Павіано (Павляна). Попъ соверш. мужикъ, добр. человѣкъ. Прутна. Отсюда переправа съ острова Пага въ Далмацію. Ла́джя: $^3/_4$ часа до Привлаки (Brevilaqua). До Нина $^5/_4$ часа пѣшкомъ. Епископъ. Знамена. Коло. Стрѣльба изъ ружей. Глупой разговоръ съ парохомъ: l'antiquità e maestro. Петръ Ивановичъ и воспоминаніе о Венеціи. Спальня съ разбитыми стеклами. Чай и коноплійка. Огни Ивановы... Спать хочется, или по крайней мѣрѣ нужно лечь.

Задръ (Zara). 24-е Іюня.

Прошлую ночь мы ночевали въ Нинѣ (Nona). Легли довольно рано, усталые думали прекрасно заснуть,—не тутъ-то было: мы легли, а блохи встали и пошли таскаться по насъ. До полуночи я валялся; наконецъ не стало мочи, я вскочилъ, читалъ, писалъ, всѣми силами старался забыть о

блохахъ, но блохи не забывали меня и кусали безпощадно. Петръ Ивановичъ ворочался еще часа два, бился о перину, какъ рыба объ ледъ, и наконецъ тоже вскочилъ. И вотъ такъ мы провели ночь, такъ встрѣтили восхожденіе солнца,—и въ пять искусанные и все еще кусаемые блохами отправились въ Зару. Тутъ, кажется, немного лучше: мы спали отъ 11-ти до 2-хъ и не слышали блохъ, а теперь, наступилъ вечеръ и начинаются страсти. Петръ Ивановичъ объявилъ имъ открытую войну, бьетъ ихъ безъ пощады; но проклятыя не унимаются. Здѣшнихъ блохъ съ нашими блохами и сравнивать невозможно: кусаются мучительно больно,—и теперь все наше тѣло покрыто будто сыпью, будто ранами. Кромѣ замѣтныхъ блохъ должны быть тутъ еще какіе-нибудь звѣрки крошечные, едва ли замѣтные для человѣческаго глаза, и они, кажется, въѣдаются въ кожу. Прибавьте къ этому жаръ безъ вѣтра, душной, вялящій жаръ, и можете представить, что нашему брату, сѣверянину, тутъ доходитъ чуть не до слезъ. О Задрѣ завтра, а сегодня попробую заснуть.

28-е Іюня.

И мы все еще въ Задрѣ. Заняты? Лѣнивы. Захворали? И то нѣтъ хоть блохи мучатъ насъ, какъ преступниковъ. Сами не знаемъ, для чего живемъ. Пришедши въ Задръ мы встрѣтились съ православнымъ и богатымъ купцомъ Медовичемъ: это было наше первое знакомство; другое—православный попъ. Стали потомъ искать католическихъ знакомствъ: ходили къ одному, другому, третьему, разъ, два, четыре, пять разъ,—и никого не видали: то спятъ, то гуляютъ, то ѣдятъ, то Богъ знаетъ гдѣ. Стороной только узнали, что особенно любопытнаго ничего нѣтъ,—и потому ѣдемъ. Я одно только доброе дѣло и сдѣлалъ: съѣздилъ на островъ Углянъ, и провелъ тамъ, то есть въ пѣшешествіи и въ корчмахъ цѣлой день.—Надобно сказать вамъ по крайней мѣрѣ о наружности Задра, котораго улицы и переулочки мы исходили порядкомъ. Задръ стоитъ на полуостровѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ крѣпостной стѣной, имѣетъ улички очень узенькія, но довольно прямыя и кое-гдѣ прекрасно выстланныя мраморомъ, архитектурою домовъ и львами на стѣнахъ и старыхъ зданіяхъ напоминаетъ о Венеціи, имѣетъ 11 церквей, много монастырей, много поповъ и монаховъ, много солдатъ, много неумѣющихъ, или нехотящихъ говорить иначе какъ по Итальянски Венец. нарѣчіемъ, и ни одной души, понимающей что нибудь о Славянствѣ, ни одного хорошенькаго личика, привлекаетъ къ себѣ множество Далматинцевъ изъ разныхъ сторонъ, одѣтыхъ въ красное съ синимъ, съ усами и косами, молодцовъ, составляющихъ противоположность съ истощалыми статурами собственныхъ Задрянъ.

(Углянъ: переѣздъ туда вечеромъ подъ луной—$2^1/_2$ часа по морю. Мо-

настырь и патеръ Гауденціо. Куħа Медовича, пѣсни, кофе, вино, сыръ. Переходъ въ Лукорано: островъ зеленѣетъ и зимой. На гору св. Михаила: развалины стѣнъ и башни, на дворѣ церковь, гдѣ разъ въ году служба. Видъ. Корчма у Лукорано: пѣсни. Санто-Мишица; попа дома нѣтъ, мать его, сынокъ (?), пѣсни и пляски около церкви. Въ Задръ: 20 минутъ по маестро на 2-хъ веслахъ и подъ парусомъ, какъ по воздуху птица).

Монастырь Крка. 30-е.

Третьяго дни послѣ обѣда мы выѣхали изъ Задра (заплативши до Кистани 7 гульд.), ночевали въ Бенковцѣ, т. е. напились кофе и въ полночь поѣхали далѣе, такъ что къ 6 часамъ утра были въ Кистани. Жары почти не позволяютъ путешествовать днемъ: отъ жару я изъ поту почти не выхожу. Въ Кистани положили на коня нашу робу и пошли въ монастырь. Игуменъ встрѣтилъ насъ ласково и гостепріимно, поитъ, кормитъ, угождаетъ. Онъ молодой, образованной человѣкъ. Въ монастырѣ много Слав. рукописей, и Петръ Ивановичъ въ своей тарелкѣ. Монастырь лежитъ въ глубокой долинѣ, между стремнистыми горами, обросшими лѣсомъ. Около монастыря луга, по которымъ поросли деревья, въ нѣсколькихъ шагахъ рѣка Крка. Мѣстоположеніе оригинальное и прекрасное. Самъ монастырь очень малъ: монаховъ на лицѣ только два: одинъ—старикъ, другой—молодой; другіе—священствуютъ въ разныхъ приходахъ.

d		
	a)	
b		c

a) дворъ устланный мраморомъ и окруженной галлереей.

b) церковь. c) трапеза. d) игуменъ.

Дернишъ. 2-е Іюля.

Тутъ мы приняты у купца Міовича, точно какъ дома. Сегодня послѣ обѣда мнѣ подвели коня и я поѣхалъ въ Коссово поле; до церкви (православной) Петра я ѣхалъ одинъ, только спереди меня бѣжалъ мальчишка; а тутъ, напившись у священника кофе, я поѣхалъ съ нимъ далѣе. Природа превосходная: горы, долины, зелень и все. Православныхъ тутъ въ Далмаціи 73,000; но церкви маленькія, бѣдненькія,—и вообще ихъ тутъ притѣсняютъ. Хотѣли и хотятъ обратить къ уніатству; сажаютъ даже въ темницы за твердость къ вѣрѣ. Отецъ Стефанъ Дернишскій, не смотря на все это, твердо стоитъ за свою вѣру, и убѣждаетъ народъ не колебаться.

Шебенико. 4 Іюля.

Вечеръ. Комната въ локандѣ довольно велика, но страшно нечиста, по Итальянскому обычаю. Одно хорошо: окна на такъ называемую большую площадь. Она невелика, но прекрасна: въ одну сторону соборъ отличной архитектуры, съ другой—большой домъ, занимаемый кофейнями и казино; полъ—точно полъ, а не мостовая—устлана большими квадратами желтаго мрамора. И теперь она кипитъ жизнію. Посереди ее пульпеты, и музыка играетъ довольно хорошо отрывки изъ оперъ; у кофеенъ разставлены стулья и столики,—пьютъ кофе, розоліо, лимонадъ, шербетъ; по площади ходятъ мужчины и женщины всѣхъ полковъ, болтаютъ, курятъ трубки. Вотъ взошла и луна и полупогасила свѣчи и лампы. Точно какъ въ Венеціи,—только въ маленькомъ размѣрѣ.

Сюда пріѣхали мы изъ Скрадина (Scardona), въ который вчера пріѣхали изъ Дерниша, и остановились по рекомендат. письму Міовича у Синьбада. Почтенный этотъ старикъ не зналъ, какъ угостить насъ: «Русскіе у меня въ домѣ!» говорилъ онъ, и принимался повторять поцѣлуи,—и поцѣлуи это[го] усача съ длинными волосами, покрытыми красной капой, толстаго и жирнаго, были для меня пріятнѣе поцѣлуевъ красной дѣвушки. Все его сѣмейство, мужское и женское, раздѣляло его радость. Пообѣдавши, мы сѣли на лодку, и по Кркѣ вверхъ къ водопаду. Чудесной водопадъ. Уже съ издали видишь его, какъ [1]) бу[дто] . . . . [колич]ество полотна разложено по горѣ между зеленью. . . . . . . не знаешь, какою частію любоваться, тутъ масса [воды перели]вается какъ будто изъ огромнаго чана въ другой. . . . . . со скалы, падаетъ на камень, разбивается въ дробозги . . . . себя облачкомъ серебристой пыли, тамъ чуть видная . . . [изъ]за зелени. Всего водопада вдругъ и видѣть нельзя. Такъ . . . . [мел]ьницъ на немъ болѣе 60. Мы ходили вверхъ до того мѣста . . . . . . течетъ еще ровно,—и тамъ видъ чудесной. Сегодня . . . . снабдивши въ дорогу ветчиной, хлѣбомъ и виномъ, ... внизъ по Кркѣ въ Шебенико. И тутъ виды на [каждомъ] шагу. Мы ѣхали около 3 часовъ на 4-хъ веслахъ.

[Шебени]ко расположенъ по горѣ амфитеатромъ, и защищенъ крѣ . . . . Церквей болѣе 30. Есть двѣ и нашихъ.—Обѣдали у Павковича . . . . . въ Рус. службѣ и знавшаго о нашемъ пріѣздѣ еще напередъ [отъ К]няжевича. Еще мы сидѣли за столомъ, какъ вошли двѣ дамы—[ма]ть и дочь, отрекомендовались хозяину, и обратились къ намъ; онѣ знали, что мы

[1]) Край письма въ этомъ мѣстѣ оторванъ.

пріѣдемъ и узнавши о пріѣздѣ, пришли насъ видѣть. Чуднѣе всего было для меня то, что дама твердо знала мою фамилію. Она Дельфина Сировица, родственница Вучичевичамъ [1]), была въ Харьковѣ, знаетъ островокъ и Авксентьевыхъ и хочетъ воротиться. Обѣ съ дочерью хорошо говорятъ по Русски. Вечеромъ мы заходили къ нимъ и слышали, какъ дочь играетъ на флейтѣ.

Сплѣтъ (Spalatro). 6-е Іюля.

Вчера утромъ я ѣздилъ на островъ Первичъ, а Петръ Ив. оставался дома; а потомъ, воротившись въ Шебенико, вмѣстѣ ходили по церквамъ (православная невелика, но хороша, въ старомъ вкусѣ); были у протопопа нашего, и вечеромъ поѣхали въ Трогиръ (Trau). Ѣхали цѣлую ночь, за что и заплатили 10 флориновъ. Трогиръ построенъ на маленькомъ островку, между твердой землей и островомъ Буа, и очень мило рисуется и съ горъ, и съ моря: башни церквей, развалины старыхъ укрѣпленій, венеціанской архитектуры домики, все очень мило,—а о нечистотѣ ни слова: тутъ она всюду дома. Съ помощію доктора Такони мы обходили городъ скоро, были и въ библіотекѣ графа Гараньяни, познакомились съ нимъ, пообѣдали, выспались, сѣли на трагетто и по маестру на всѣхъ парусахъ помчались въ Сплѣтъ. Переѣзду 1—2 часа (заплачено 2 двугрив.). Три трагетто идутъ каждый день послѣ полудня, когда начинается маестро.

Сплѣтъ большой городъ, дѣятельный, со множествомъ остатковъ Римскихъ, множествомъ переулочковъ и т. д. Познакомились покамѣсть съ однимъ Каталиничемъ [истори]комъ Далмаціи и съ его сѣмействомъ. Завтра... осматривать городъ.

А между тѣмъ прощайте. Съ нетерпѣніемъ [жду] пріѣзда въ Дубровникъ (Рагузу), гдѣ надѣюсь [полу]чить отъ васъ письмо. Грустно станов[ится]. Цѣлую вашу ручку, милая маме[нька]. Цѣлую тебя, милый братъ.

Кланяйтесь знакомымъ. Из. Ср.

---

[1]) Семья Матв. Петр. Вучичовича, бывшаго въ то время почтмейстеромъ въ г. Харьковѣ.

О происхожденіи Корси (Куронъ).

Вопросъ о финскомъ происхожденіи древнихъ обитателей западной части нынѣшней Курляндіи, такъ наз. куронъ или куровъ, все еще остается подъ сомнѣніемъ, если не считать ихъ предками нынѣшнихъ жителей сѣвернаго побережья Курляндіи и не отожествлять съ ливами. Работы Шёгрена и Видемана относительно послѣднихъ привели къ тому безспорному заключенію, что ливонскіе ливы и нынѣшніе жители сѣвернаго побережья Курляндіи одинъ и тотъ же народъ, но только съ различными нарѣчіями. Но названные ученые простираютъ результаты своихъ изслѣдованій о ливахъ и на древнихъ куронъ, утверждая, что послѣдніе тождественны съ ливами. Это мнѣніе однако не подкрѣплено у нихъ какими-либо положительными доводами. Въ пользу этого мнѣнія можетъ говорить только отсутствіе у нихъ основательныхъ доказательствъ того, что нынѣшніе обитатели сѣвернаго побережья Курляндіи, которые несомнѣнно финскаго происхожденія, суть переселенцы изъ Ливоніи. Нельзя не согласиться съ методомъ Шегрена, которымъ онъ руководствовался въ своемъ изслѣдованіи и о которомъ онъ выражается такъ: «принимать за исходную точку наличныя и извѣстныя данныя курляндскихъ ливовъ, прослѣдить сообщенныя исторіею свидѣтельства и такимъ образомъ связать неизвѣстное (куровъ) съ извѣстными или по крайней мѣрѣ сблизить ихъ насколько возможно несравненно правильнѣе, чѣмъ опираться на неизвѣстное (куровъ) и построеннымъ на догадкахъ путемъ добираться до извѣстнаго (латышей)[1]). Однако, если, по его же словамъ, «отъ языка настоящихъ ливовъ сохранилась одна только небольшая фраза, а отъ языка куровъ и того менѣе», спрашивается, въ чемъ же будетъ состоять связующее ихъ звено? На это то звено и нѣтъ указаній въ его изслѣдованіи и, стало быть, результаты послѣдняго едва ли могутъ простираться на куронъ. Этого звена нужно было бы искать въ различныхъ аналогіяхъ, но въ изслѣдованіи повсюду уже предполагается тожественность ливовъ и куронъ и сообщенныя исторіею свидѣтельства о тѣхъ и другихъ просто приводятся рядомъ въ хронологическомъ или предметномъ порядкѣ, какъ относящіяся къ одному и тому же народу, носящему только въ различныхъ мѣстностяхъ различныя названія. Далѣе мнѣ представляется слишкомъ смѣлымъ отожествленіе ливонскихъ ливовъ

[1]) Видеманъ, Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія ливовъ, стр. 15—16.

и нынѣшнихъ обитателей сѣвернаго побережья Курляндіи лишь на основаніи сходства ихъ языка. Сходство языка можетъ свидѣтельствовать только о взаимномъ родствѣ ихъ, а не объ историческомъ тожествѣ ихъ. Историческое тожество ихъ можетъ быть доказываемо только историческими извѣстіями, а такія извѣстія относительно нынѣшнихъ обитателей сѣвернаго побережья Курляндіи, по моему мнѣнію, не говорятъ въ пользу отожествленія ихъ съ ливонскими ливами. О ливахъ въ Курляндіи, именно въ сѣверо-западной части ея, ранѣе всего мы узнаемъ только отъ писателей 16 и 17 вв. (Рюссовъ, Геннингъ, Брандисъ, Эйнгорнъ и др.), да и тѣ говорятъ преимущественно о языкѣ обитателей этого побережья, считая его ливскимъ или эстскимъ, и уже по языку заключаютъ о тожествѣ ихъ съ ливами или эстами, между тѣмъ какъ они сами и ихъ ближайшіе сосѣди-латыши и эзельцы не называютъ ихъ ливами. Слѣдовательно, представляется повидимому единственно справедливымъ считать обитателей сѣвернаго побережья Курляндіи просто родственными ливонскимъ ливамъ, а вопросъ о томъ, есть ли они потомки древнихъ куронъ или же переселились сюда изъ Ливоніи, остается открытымъ. Разъясненія или рѣшенія его нужно ожидать отъ историческихъ изысканій. Пока историческихъ данныхъ для рѣшенія его нѣтъ, изслѣдователю происхожденія куронъ остается руководствоваться тѣмъ же методомъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, т. е. отъ слѣдовъ куронъ къ самымъ куронамъ и такимъ образомъ связать неизвѣстное (куронъ) съ извѣстнымъ. Правда, слѣды эти въ большинствѣ случаевъ не могутъ быть названы извѣстными, но они пріобрѣтаютъ значительную долю извѣстности при сопоставленіи ихъ съ слѣдами несомнѣнно финскаго племени. Въ настоящей статьѣ я попытаюсь во первыхъ доказать финское происхожденіе куронъ и, насколько возможно, выяснить вопросъ объ ихъ ближайшемъ родствѣ съ какою-либо извѣстною финскою народностью и наконецъ указать на тѣ страны, гдѣ они или ихъ предки обитали до переселенія въ Курляндію. Съ этою цѣлью я проанализирую географическія названія, собственныя и нарицательныя имена, упоминаемыя въ древнихъ актахъ касательно куронъ и ихъ мѣстообиталищъ.

Разборъ мѣстныхъ географическихъ и личныхъ названій въ западной части Куроніи даетъ любопытныя указанія о народности ея древнихъ жителей. Въ 1230 году, когда здѣшніе куроны, предвидя безплодность борьбы съ рыцарями и предпочитая добровольно подчиниться римской церкви на болѣе выгодныхъ условіяхъ, покорились папскому легату Балдуину, обязуясь принять христіанство и священниковъ и снабжать ихъ десятиною хлѣба и сѣна, строить для нихъ новые дома и возобновлять старые, княземъ у нихъ былъ Lammechinus (фин. lemmiki, lemminki—любимецъ), имя котораго безъ сомнѣнія тожественно съ именемъ эпическаго героя финновъ и эстовъ Lemmin-

käinen, Lemmeküne, котораго удальство и рѣзвость воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ. Это имя встрѣчается и въ другихъ лифляндскихъ историческихъ актахъ, какъ напр. въ Ревелѣ между 1337—1340 годами упоминается оруженосецъ Lemmekinus (n. 925); въ другомъ актѣ упоминается нѣкій Laminge (n. 629), въ Курляндіи деревня Lammethin близь имѣнія Ливенгофа у Рижскаго залива, нѣм. Laningen, лат. Lamins. Населенныя мѣста дѣлились также, какъ у эстовъ, эзельцевъ и финновъ, именно на области (terra), группы деревень (kilegunda [1]) и отдѣльныя деревни (villa). По одному акту (n. 103) все западное побережье Куронія носило одно названіе Esestua (?), которое вѣроятно искажено. Во всей этой странѣ было нѣсколько областей и множество килегундъ. Области носили слѣдующія названія: Durpe (Durpes, Durpis [2]). Названіе это встрѣчается еще два раза въ другихъ частяхъ Куроніи, въ областяхъ Вредекуроніи и Бандовѣ (нынѣ нѣм. Durben, лат. Dohrbe). Вторая область называлась Sagara (Sagere)—фин. sakara, sakari — оконечность, внѣшній край, загнутая вѣтвь, дуга; эст. sagar — дверной крюкъ. Земли эти обнимали нижнее теченіе рѣки Виндавы и южнѣе по морскому побережью и потому онѣ назывались также по имени рѣки terra winda. Въ XIII в. упоминаются здѣсь слѣдующія килегунды: Targale (Targele, Thargilae, нынѣ Targeln—названіе происхожденія финскаго, а не ливскаго, ибо въ финскомъ tarha=лив. tara—засѣка, огороженное мѣсто, дворъ; «le»—падежное окончаніе на вопросъ куда; если же оно измѣненное изъ «la», то мѣстное окончаніе, Osua (Hasowe, нынѣ нѣм. Hasau, лат. uschawa) рѣка и имѣніе, ср. р. Ошва (Ашва) въ Литвѣ (? ф. usva, usma—туманъ, паръ (надъ водою). Langis (нынѣ Laugseden); ср. лив. дер. Langula. Venese (нынѣ нѣм. Wensau, латыш. Wensawa); ср. уроч. Вени село Винженцы (въ Литвѣ); лив. veni—лодка; фин. wenese—въ лодку. Находится при р. Виндавѣ (у Литов. Вента).

Normis, Norme, нѣм. Nurmes, лат. Nurmis=фин. nurmi; лив. эст. nurm.— поле. Это весьма распространенное географическое названіе у финскихъ племенъ. На этомъ названіи подтверждается мнѣніе о томъ, что мѣстныя названія обыкновенно употреблялись у древнихъ куронъ въ мѣстныхъ падежахъ на вопросъ гдѣ и куда? А равно по нему ясно видно, что звуки i, e, o, и въ окончаніяхъ и въ корнѣ сплошь да рядомъ замѣняются одинъ дру-

[1]) Отожествляя куровъ съ ливами, гг. Шегренъ и Видеманъ совершенно неправильно утверждають, что обозначеніе мѣстностей посредствомъ слова «kilegunden» чисто ливское. Напротивъ о килегундахъ упоминается только у эзельцевъ и эстовъ.

[2]) Окончанія мѣстныхъ названій у куронъ по большей части представляютъ собою форму падежей сущ. именъ на вопросъ: гдѣ? куда? Падежъ на вопросъ гдѣ? въ фин. языкѣ оконч. на „s“, на вопросъ куда? на «sse». Впреди мы будемъ встрѣчать названія и въ той и другой формѣ. Изъ акта 1253 г. (n. 248) видно, что Дурбенскимъ озеромъ и окрестными землями владѣли куроны.

гимъ. Kiemala (Kemele, нынѣ Kihmalen)—фин. kia—черный дятелъ, ma—земля, male—обычное окончаніе дат. падежа на вопросъ куда? въ мѣстныхъ названіяхъ; ср. въ Финляндіи Kimola, Kianto=Suomussalmi и Kemi, Kemio (приходы). Pügavas—происхожденіе неизвѣстное, при томъ разъ только встрѣчается; если оно происходитъ отъ фин. pühа—святой и va—вода, то было бы понятно, почему оно встрѣчается только разъ въ актѣ, говорящемъ о добровольномъ подчиненіи куронъ, тогда какъ въ послѣдующихъ актахъ, составленныхъ послѣ опустошенія и разоренія страны, оно не упоминается, вѣроятно потому, что она, какъ языческая святыня была совсѣмъ уничтожена. Sarnitus (Sarneke, нынѣ нѣм. Sarnaten, лат. Sarnates, Saraiku, Saraikes)=фин. saarni—ясень, Saarnikko, Saarnisto—ясеневый лѣсъ; лив. saarna, saarn—ясень, saarni—ясеневый. Повидимому болѣе вѣроятно объясненіе его съ финскаго языка, чѣмъ съ ливскаго. Sakke (нынѣ нѣм. Sackenhusen)—распространенное у финскихъ народовъ мѣстное названіе. Edwalia, Edwale (нынѣ нѣм. Edwahlen, лат. Ehdole)=фин. etu, G.-dun; лив. eddi—передній, переднее мѣсто (ср. на Эзелѣ Edowâlja); названіе нерѣдкое у финскихъ народовъ, но въ данной формѣ оно повидимому ближе къ финскому языку, чѣмъ къ ливскому. Aliswanges (Alswanghen)=Alis—Wanges=т. е. по ливски и фински Нижній Вангесъ (лив. alis, alli—нижній, фин. alis—внизу). Въ данной мѣстности дѣйствительно есть нѣсколько названій мѣстностей Wangen. Alostantachos=нынѣ Aloxte (прежде также Aloiste) притокъ Тебера; фин. takusta—лежащее за Алостой (фин. alosta—дно, основаніе). Замѣчательно, что здѣсь сохранился древній суффиксъ родит. падежа «n», нынѣ существующій у финновъ, но исчезнувшій у эстовъ; но къ какому изъ финскихъ нарѣчій ближе вторая половина названія «tachos» трудно рѣшить; въ фин. takusta, tausta, taus значитъ задняя сторона, наход. назади, у эстовъ tagas—позади, tagúse, Gen. отъ tagune, напр. Alutagujo, т. е. земля за Алу. Возможно, что въ XIII в. у ливовъ также употреблялась форма tagas, но это обстоятельство ничего не говоритъ въ пользу ливскаго происхожденія означеннаго мѣстнаго названія.

Восточная половина сѣверной части Куроніи у Рижскаго залива называлась Вредекуроніею (Wredecuronia). Слово это происхожденія финскаго, ибо по фински vierre-rteen—скатъ, наклонъ, берегъ; Вредекуронія будетъ означать «береговая Куронія». Въ подтвержденіе сказаннаго можно указать на упоминаемыя въ Западной Эстоніи въ XIV—XV вѣкахъ деревни Wierde, Wier и Iogenwierde (Iegewerde) (L. U. B. n. 229, 810, 825 и 1089). Древнія названія этой области, упоминаемыя въ актахъ XIII в., финскаго происхожденія. Названія главнѣйшихъ деревень слѣдующія: Rende—фин. rinta—отлогій, косой (rintomaa—косогорье); Galewalle напоминаетъ славную страну въ Финляндіи, — Kalewala, т. е. жилище Калева. Замѣчательно, что въ Литвѣ близь Мемеля въ XIV в.

упоминается antiquum castrum Kauve et Kalewiten, Kalevysten regio, т. е. область Калевидовъ, которую, полагаютъ, нужно искать между Старымъ и Новымъ Ковно на о. Виргалѣ (Script rer. Pruss. II. 88 и 559). Pedewalle (Pidewale, нынѣ нѣм. Pédwahlen, лат. Pedohle)—названіе, встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ въ районѣ финскихъ племенъ. Названіе Matekule, (Matichulle, Matecul), судя по второй половинѣ слова, финскаго происхожденія, ибо въ Эстоніи и Финляндіи значительная часть мѣстныхъ географическихъ названій именно оканчивается на küla, küll,—деревня. Это названіе важно и въ томъ отношеніи, что по нему можно убѣдиться въ томъ, что звуки е, і, а обыкновенно въ актахъ замѣняютъ другъ друга, это особенно можно сказать объ а, когда имъ оканчивается финское названіе. Wane напоминаетъ имя одного ливскаго старшины и кромѣ того встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ населенныхъ финскими народностями. Въ ряду другихъ мѣстныхъ названій особеннаго вниманія заслуживаетъ названіе: Uge, Ugesse, Ugenesse, употребляемое, какъ видно, трояко. Формы эти однако правильны. Uge представляетъ именительный падежъ, а Ugesse и Ugenesse мѣстный падежъ на вопросъ: куда? Причемъ послѣдняя форма съ сохраненіемъ между корнемъ и суффиксомъ мѣстнаго падежа суффикса род. пад. «n» очень древняя и встрѣчается въ лифляндскихъ актахъ весьма рѣдко. Въ новѣйшей формѣ это названіе употребляется съ латышской приставкой zeem (нѣм. Uggunzeem или Uggenzeem, лат. Uguni), что значитъ деревня. Въ финскомъ языкѣ можно найти нѣсколько словъ, которыя можно считать одного съ нимъ корня, напр. uhe, Gen. uhen или uhku, Gen. uhun—талая вода на льду, туманъ; unhi, Gen. unhen—овца [1]). Новѣйшія названія этой мѣстности подтверждаютъ происхожденіе его отъ фин. uhe или uhku. Candowa, при рѣкѣ Абавѣ, фин. kaantuwainen—падающій. Anses (мѣст. пад.), Anse (им. пад.)—фин. ansa—силокъ, западня, встрѣчается нерѣдко въ поселеніяхъ финскихъ народностей. Нынѣ по нѣм. Anzen, по лат. Anze. Одно озеро въ Вредекуроніи носитъ наименованіе Canygerwe, эст. kaan, кур. pizaas піявка; фин. hanhi, эст. ani—гусь и jarwi—озеро, въ ливскомъ же языкѣ гусь googos, kuas, guz, озеро joora, jaara, jääru. Слѣд. и это названіе говоритъ не въ пользу ливскаго происхожденія куронъ, а финскаго. Въ области Гарріи въ Эстляндіи упоминается также въ одномъ актѣ (L.U.B. n. 1423) озеро Kanigerwe. Названіе озера и деревни въ этой же области Usme, Usma, Husmann, Usmeden (n. n. 248 и 534) по всей вѣроятности происходитъ отъ фин. usma (usva)—туманъ; дятлина сладкая (melilotus officinalis). Какъ видно, въ формѣ Husmann и Usmeden этого названія сохранился даже суффиксъ род. пад. «n» (ед. ч.), «den» (мн. ч.).

[1]) *Одного корня*, при совершенно разныхъ значеніяхъ словъ лат. и финск.? Вѣрнѣе сходство случайное. *Ред.*

Чѣмъ южнѣе мы подвигаемся отъ области Винды и Вредекуроніи, тѣмъ рѣже становятся финскія названія мѣстностей. Такъ, въ области Bihavelanc, простиравшейся по западному побережью къ югу отъ Винды отъ им. Сакенгофа до южной оконечности Либавскаго озера. Если самое названіе этой области можетъ быть произведено отъ финскаго püha wee lang —паденіе священной воды, то въ числѣ остальныхъ названій найдется немного финскаго происхожденія. Называлось ли первоначально Либавское озеро такъ, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ мѣстность эта представляется въ XIII вѣкѣ святилищемъ язычества; въ ней одна деревня между этимъ озеромъ и моремъ носила тогда названіе Percunencalwe, что по латышски или по литовски означаетъ «холмъ Перкуна»— очевидно названіе литовско-латышскаго происхожденія. На югъ отъ р. Бартау, впадающей въ Либавское озеро, располагалась область, которая носила священное названіе Devzare – лат. Deews-are—Божья пашня, въ которой упоминается священное озеро съ тѣмъ же названіемъ (Devzare), оставленное рыцарями въ 1253 г. нераздѣленнымъ (n. 248). Нынѣ оно называется Папенскимъ. На югъ отъ нея впадающая въ море рѣка называется еще нынѣ священною (Heiligen-Aa). Не называлась ли эта рѣка Pygavas? Здѣсь, какъ въ святилищѣ литово-латышскаго племени, было бы странно встрѣтить финскія названія, но то замѣчательно, что святыня эта находится почти на границѣ поселеній древнихъ куронъ. Очевидно, такое расположеніе населенія двухъ народностей указываетъ на насильственное вторженіе одной народности въ другую. Дѣло, вѣроятно, представляется такъ, что первоначально вторглись въ литовскія владѣнія куры, а потомъ имѣло мѣсто обратное явленіе—вторженіе латышей въ землю куронъ. И дѣйствительно, среди сплошнаго куронскаго населенія, чему доказательствомъ служатъ финскія названія ихъ поселеній, мы встрѣчаемъ уже въ XIII в. селенія латышскаго происхожденія, именно въ южныхъ частяхъ областей Бигавеланка, Винды и Бандовы, напр. Boynseme [1]) (по лат. деревня Боинъ), нынѣ нѣм. Bojen. лат. Bohju. Въ одномъ актѣ (n. 783) отъ 1338 г. она пишется Boienseme.

Во всякомъ случаѣ вторая половина этого названія латышская, и она свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ о томъ, что названіе это въ данной формѣ латышское. Притокъ Тебера въ древности носилъ названіе Alosta Aloiste, между тѣмъ въ настоящее время онъ называется у латышей Alokste; а въ Лифляндіи въ коренной латышской землѣ, въ такъ наз. Летигалліи притокъ Эвста называется Alluksne; озеро при Пебалгѣ Alokste—лат. alks—

1) Первая половина этого названія, вѣроятно, ливскаго происхожденія, ибо въ актахъ встрѣчается личное имя Boy, а склоняя его по фински род. пад. будетъ Boyn и въ такомъ случаѣ приведенное названіе означало-бы «деревня Боя»; ср. въ Лифляндіи назв. лат. Beijes, нѣм. Beienhof, лат. Beizeema, нѣм. Beizohm.

ольха, alksnene—ольховый, alksen—ольховникъ. Казалось-бы, что и въ Куроніи первоначальною формою названія нужно считать именно латышскую и поэтому приходится думать, что древняя куронская форма (Aloiste, Alosta) вторичная искаженная латышская. Если это предположеніе справедливо, то латышей въ предѣлахъ означенной Куроніи нужно считать аборигенами, а куронъ позднѣйшими пришельцами. Въ Бандовѣ упоминается въ 1253 году между прочимъ деревня по названію (villa, quae dicitur) «Swelgode», но по Генриху Латышскому одинъ Литовскій вождь также назывался Swelgote; на этомъ основаніи и судя по необыкновенному способу выраженія объ этой деревнѣ, можно думать, что эта деревня литово-латышскаго происхожденія. Въ актѣ 1253 г. (n. 248) упоминается въ области Bandove мѣстность Elkene, но въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ его уже съ латышскою приставкою Elkuseme, Elkeseem. Въ той же области упоминается въ 1259 г. названіе, довольно распространенное среди древнихъ финскихъ народностей, какъ относительно мѣстностей, такъ и лицъ, Pewe (pâiwa, pâew—солнце) (L. U. B. n. 343, въ актѣ n. 248 отъ 1253 г. Kewele ?=Pewele) и Adse, но столѣтіе спустя названіе Pewe (Pewele) является уже съ латышскою приставкою въ концѣ Pewenseme (n. 783 въ 1338), однако съ сохраненіемъ отличительнаго признака финскаго род. пад. («n»). Достойно вниманія, что эта деревня должна быть искома именно по близости нынѣшней деревни «Куронскіе короли» (Kurischkönige), въ которой еще недавно жили привилегированные древними грамотами крестьяне, выдававшіе себя за потомковъ древнихъ куронскихъ царей. Въ томъ же 1338 г. (n. 783) въ данной мѣстности подъ куронскимъ языкомъ (up Gursch) разумѣлся языкъ латышскій. Это видно изъ перевода названія одной рѣчки, о которой сказано: die hetet Agmenewalke up Cursch (въ копіи этого же акта отъ 1551 г. названіе это пишется нѣсколько иначе Ackmenewalke), а по лат. akmins—камень и walke—рѣчка, слѣдовательно, это названіе въ переводѣ означаетъ «каменная рѣчка» (ср. р. Акмяна, Окмяна въ Литвѣ). Другая рѣчка здѣсь же называлась Lepewaik (Lepewalken)=по лат. Липовая рѣчка. Однако въ XIV в., какъ можно судить по этому акту, сохранились здѣсь еще финскія формы въ языкѣ, именно окончаніе род. пад. множ. числа, когда обозначали жителей извѣстной деревни, напр. деревня Lipe, жители ея Lipaiten, Lipeiten, деревня Waipe, жители ея Waipsede, или земля Waipseden или граница между Iameiten и Lippaiten (ср. села и жит. Лепоите, Липоите въ Литвѣ). Такое-же окончаніе носятъ въ данной мѣстности (Bihavelanc) и многія деревни, напр. Iewaden, Zelden, Ilmede и т. п. и рѣка Nowade. Въ томъ же актѣ n. 1348 упоминается въ области Bihavelanc мѣстности Pundeken и Papundeken; послѣднее названіе, очевидно, то же, что первое, но съ приставкою въ началѣ слога «pa», а этотъ послѣдній

есть предлогъ въ латышскомъ языкѣ и значитъ въ отношеніи мѣстности: подъ.

Въ сѣверной части Куроніи, въ области Виндѣ также замѣтны перемѣны въ мѣстныхъ названіяхъ, такъ напр. къ прежнему названію Garde прибавлено тесcе—фин. metsa—лѣсъ; прежнее названіе Udren теперь является съ окончаніемъ род. пад. Udrende. Недалеко отъ Gardemecce (Kardemethe) между владѣніями куронскаго епископа и ордена bis ut die Verpen, dat zu Dude (? sche) hetet ein horst, т. е. до Vepe, что на нѣмецкомъ языкѣ значитъ роща(?). По фин. virpi, G. -in, -rven—сукъ, вѣтвь; virvikki—лѣсъ съ длинными тонкими деревьями, роща (ср. въ Эстл. назв. Wirpe, Werpe, n. 98 Briefl.).

Но встрѣчаются и новыя названія съ латышскимъ элементомъ, напр., Mamesputtes (Mamespintes)—по лат. mahms putejs—нѣмой раздувальщикъ (колдунъ), а къ прежнему Sagaris прибавлено pyrksten—лат. pirkstes—тлѣющій огонь въ золѣ, pirksts—палецъ. По латышски звучитъ также названіе ближайшей мѣстности Iadeswaden.

Области и деревни, простирающіяся къ югу отъ собственно куронскихъ поселеній носятъ почти исключительно литово-латышскія названія. Таковы области Ceclis, Devzare, Megowe и Pilsaten. Онѣ назывались terrae incultae. Это выраженіе нужно понимать не въ буквальномъ смыслѣ, а такъ, что эта часть Куроніи, обнимая возвышенную и лѣсистую площадь, дѣйствительно была менѣе воздѣлана, чѣмъ сѣверная часть, занятая сплошнымъ куронскимъ населеніемъ, особенно вдоль рѣчныхъ долинъ и озеръ. Эта черта разселенія куронъ и служитъ объясненіемъ тому обстоятельству, что еще въ настоящее время въ Курляндіи, по рѣчнымъ бассейнамъ и въ долинахъ, господствуетъ особое латышское нарѣчіе, отличающееся отъ нарѣчія жителей нагорныхъ возвышенныхъ мѣстностей. Нѣкоторыя названія самыхъ областей повидимому латышскаго происхожденія, именно лат. Zeculis—коса, кисть: sekulis—мелкое мѣсто [1]); dews are—божья пашня; pilsjehta, pilsjahts—городъ и т. п. Повидимому латышскаго происхожденія представляются и слѣдующія названія деревень въ Ceculis: Leypiasseme (Leipiasme) и Letzime; въ области Poys: Seculnzeme и Calneseme [2]). Кажется, латышскій элементъ есть и въ названіи

[1]) Какъ рискованно вообще производство мѣстныхъ названій и основаніе на нихъ выводовъ, можетъ свидѣтельствовать это самое слово, такъ какъ въ Эстонской области Гарріи также упоминается въ XIII в. деревня Seculis (см. Lib. c. Dan).

[2]) Впрочемъ окончанія zeme, seme могутъ быть и финскаго происхожденія, ибо въ Кареліи напр. говорится kalmizoma, у онежскихъ жителей kalmuzema—земля, на которой хоронятъ (Suomi, 2 j. 170. p. 147). Съ другой стороны, въ Эстляндіи въ 1258 г. (V. B. n. 508) въ числѣ деревень, пожалованныхъ монастырю Св. Михаила, упоминается одна по имени Bergensöme. Да кромѣ того нерѣдко встрѣчаются въ актахъ эстонскія названія мѣстностей, кончающіяся на asome, т. е. мѣсто.

Sansugale (въ обл. Ceclis), ибо по лат. sems—низменный. Кромѣ того здѣсь встрѣчаются другіе признаки латышскаго происхожденія отдѣльныхъ селеній, именно множество названій, начинающихся двумя согласными буквами, что несвойственно западно-финскимъ нарѣчіямъ, напр. Dweristis [1]). Spernes, Scrunden и др. и начальный слогъ ne(—нѣтъ), напр. Neware (Newaren), Nederingo, Nebarge, Nebrungis, Negelite и др., окончаніе eycias (напр. Patteycias, pateizita—благодарность).

Косвеннымъ доказательствомъ разнородности куронъ съ одной стороны и земигалловъ и литовцевъ съ другой можетъ служить то обстоятельство, что въ настоящей Куроніи нѣтъ мѣстностей, которыя получили свое названіе отъ имени куронъ, тогда какъ это замѣтно въ названіяхъ земигалліи, напр. дворы крестьянскіе: Kuras, Kurseniki, Kurseme, Kuruseme, мыза Kurseischi или Kur͡sischi [2]).

Изъ позднѣйшаго времени, т. е. XIV в. (U. B. n. 1248 отъ 1387 г.) сохранились названія деревень Дондангенской области, большинство которыхъ не упоминается въ XIII в. и кажется позднѣйшаго происхожденія, какъ и самое названіе области. Замѣчательно въ этихъ названіяхъ XIV в. то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ представляются латышскаго происхожденія, напр. Sigkragke (лат. rags—рогъ, мысъ; ср. нынѣ лив. Kuolka nana = лат. Kolku rags), дворы крестьянскіе: Gaylun, Gaylin; ср. имя латыша Gaile (gailis—пѣтухъ); Prekezadden et filiorum ejus и «Pretzemes». Нѣкоторыя названія кажутся даже отчасти нѣмецкими, напр. Barsbeke (нѣм. beke—ручей, рѣчка) и dovemunde (munde—устье). Здѣсь не упоминается извѣстныхъ въ новѣйшее время чисто литовскихъ названій мѣстностей, какъ они употребляются нынѣ въ устахъ латышей и ливовъ, напротивъ приведенное выше названіе Sigkragke произносится нынѣ у латышей Sihkraggen, а у ливовъ Siikryg, очевидно представляющее искаженіе латышскаго названія, равно какъ и нѣкоторыя другія названія въ этомъ родѣ, напр. лив. Pytrug—лат. Pitragen, лив. Kuoschtryg, лат. Kuoschtragen и т. п. Переведенными оказы-

---

1) Впрочемъ названіе Dweristis — и не литово-латышскаго происхожденія, такъ какъ у Литвы-Латышей оно употребляется лишь въ другой формѣ, именно въ Литвѣ: р. Жвиргзда, им. Жвирксды, село Жвирздѣ(—е); нива Жвиржди, Звирздя=латыш. Swirgsde, лит. źwirgzdas=русс. гверста, гверетица, хрящъ. Хотя въ словарѣ Шегрена-Видемана и приводится то-же слово по-курски zwirgzd, по судя по остаткамъ куро-ливскихъ названій въ Деревской и Шелонской пятинахъ, (въ древности это слово звучало у куро-ливовъ иначе, съ начальнымъ звукомъ «dw» (ср. подъ Дверстяница въ Дерев. пят., по моему изслѣд. «Чудскіе элементы въ Новгородскихъ пятинахъ»).

2) Названія имѣній Libischi (Ливы), Iggauni (эсты), Guddeniki, (лат. Guddas—полякъ, бѣлоруссъ (Готъ?) свидѣтельствуютъ о чуждыхъ элементахъ въ латышскомъ населеніи. Латыш. Kursu, Korsu, лит. Kursis (такъ называются нынѣ жители Kurischen Nehrung) даетъ право думать, что русскіе лѣтописцы заимствовали названіе куронъ «Корсь» отъ литово-латышскихъ народовъ.

ваются здѣсь только самыя обыденныя понятія, напр. гора, боръ, долина, новый, деревья и т. п., между тѣмъ какъ слова рѣдкія и менѣе понятныя оставлены латышами безъ перевода. Къ числу такихъ словъ принадлежатъ и самыя древнія названія на сѣверномъ побережьи Куроніи, каковы нынѣ нѣм. Irben, лат. Ihre, лив. Ira, эст. (у эзельцевъ) Irweküla. Самую древнюю форму этого названія безспорно составляетъ Irwe. Въ древнѣйшихъ актахъ оно именно употребляется въ этой формѣ: p. Iruwe (n. 629 отъ 1310 г.) деревня и рѣка Irwa, деревня Irwemunde (n. 1248 отъ 1387 г.). По эст. hirw—дикая коза, по фин. hirwi, Gen.-en—лось, по лив. motsa tika (tik), а по Шегрену древнее Īra, Īrwa. Дѣйствительно ли у ливовъ въ древности была въ употребленіи послѣдняя форма или же это только предположеніе Шегрена, во всякомъ случаѣ первичною формою этого названія нужно признать фин. hirwi,—en. Отсюда образовано прежде всего нѣмецкое Irben, представляющее самую близкую къ оригиналу форму. Латышская же форма есть ни болѣе ни менѣе какъ искаженіе первичной финской или куронской формы. Названіе нѣм. Kohken; лив. Kuolka, лат. Kolku происходитъ отъ фин. kolkka—засовъ, уголъ, край, эст. kolk—уголъ, край, область, заливъ. Береговые пункты нерѣдко называются такъ въ поселеніяхъ финскихъ народностей. Но въ качествѣ нарицательнаго имени это слово употребляется нынѣ у эстовъ рѣдко; можетъ быть оно потеряло свой обыденный смыслъ и у жителей куронскаго побережья въ то время, когда туда явились поселенцы другихъ народностей. Этимъ вѣроятно и объясняется, что это названіе оставлено безъ перевода у латышей, которые не могли знать его дѣйствительнаго значенія. Весьма любопытно, что и предки нынѣшнихъ ливовъ у Домеснеса незнали значенія его, ибо для обозначенія данной мѣстности, присоединили къ первичному названію «nana», т. е. носъ, мысъ (Kuolkanana). Въ лексиконѣ ливскаго языка Шегрена дѣйствительно нѣтъ этого слова. Латыши очевидно заимствовали названіе это отъ ливовъ, переведши при этомъ nana черезъ rags. Названіе Anger также финскаго происхожденія, значеніе котораго уже не было извѣстно первымъ поселенцамъ. Впервые оно употребляется въ 1253 г. (n. 248) въ качествѣ названія озера Angere въ Вредекуроніи, затѣмъ въ 1367 г. (n. 1248) въ качествѣ названія сѣнокоса Angeren. Подходящее слово для производства его находимъ опять въ финскомъ и эстонскомъ языкѣ. Фин. и эст. ankerias—угорь, angerias—болотное растеніе (spiraea ulmaria), у Дагенскихъ эстовъ anger—угорь. О нѣкоторыхъ другихъ древнихъ названіяхъ въ сѣверной части Куроніи было сказано выше. На основаніи сдѣланнаго выше сопоставленія мѣстныхъ названій мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: латыши или литовцы распространились съ удивительною быстротою по всему району куронскихъ поселеній, ассимилируя въ то же время

себѣ куронскую народность. При этомъ въ южныхъ частяхъ Куроніи совершилось это движеніе гораздо быстрѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ; тамъ они заимствовали прежнія названія мѣстностей въ цѣлости, измѣнивъ лишь ихъ произношеніе соотвѣтственно фонетическимъ требованіямъ своего языка, здѣсь они успѣли нѣсколько познакомиться съ аборигенами страны куронами, такъ что были въ состояніи перевести на свой языкъ обыденныя житейскія понятія. Впрочемъ, это знакомство съ куронскимъ или ливскимъ языкомъ было совсѣмъ небольшое, гораздо поверхностнѣе, чѣмъ это нынѣ замѣтно на границѣ между эстами и латышами въ Лифляндіи, гдѣ латыши также поглощаютъ въ себѣ эстовъ какъ они уже успѣли въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій поглотить всѣхъ лифляндскихъ ливовъ. Но судя по мѣстнымъ названіямъ нѣмцы еще менѣе были знакомы съ языками туземцевъ, чѣмъ латыши. Поэтому въ устахъ нѣмцевъ мы находимъ древнія туземныя названія мѣстностей вообще ближе къ ихъ первичной формѣ, чѣмъ у латышей названія ливскихъ или эстонскихъ мѣстностей.

Обратимся теперь къ древнимъ личнымъ именамъ куронъ. Личныя имена, какъ болѣе подлинный элементъ, чѣмъ мѣстныя названія, хотя и могутъ служить указаніемъ на ту или другую народность, но надежное ручательство все же едва ли могутъ дать, именно потому, что Куронія переживала періодъ переворотовъ во владѣніи и населеніи; земли переходили отъ одного владѣльца къ другому и населеніе подвергалось истребленію, а не выселенію. Поэтому понятно, что при неспокойности пребыванія населенія въ данной мѣстности, имена обитателей такой мѣстности не могутъ служить ручательствомъ въ томъ, что обитаемая ими земля дѣйствительно была достояніемъ и ихъ предковъ. Имѣя сами по себѣ небольшое значеніе при опредѣленіи народности, личныя имена пріобрѣтаютъ вѣсъ при сопоставленіи ихъ съ мѣстными географическими названіями.

По древности въ числѣ первыхъ, кромѣ имени куронскаго князя Ламмекина, нужно считать два имени Enu и Mutelene, которыя упоминаются въ XIII в. (U. B. и Reg. 321). Фактъ, что такія же имена встрѣчаются въ XIII в. у Эзельцевъ, именно Ennu (Enno), Mutedene или Murtedene (вѣроятно искажено, а правильнѣе, какъ у куронъ Mutelene) nn. 285 и Reg. 282), заслуживаетъ особеннаго вниманія, если еще окажется и сходство между эзельскими и куронскими мѣстными названіями. Затѣмъ слѣдуютъ, по старшинству, имена куронъ Lembithen, Joneken[1]), Ludichen, Donseghen и Taurinen, упоминаемыя въ 1300 г. (n. 603). Въ 1397 г. здѣсь же упоминается дворъ (curia) Janekens (n. 1248). Первое изъ нихъ Lembit было очень распространено у финновъ и эстовъ, но о другихъ трехъ этого сказать нельзя; они встрѣчаются въ актахъ только разъ. Не имѣя себѣ соотвѣтствующихъ именъ въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ

[1]) Въ 16 в. близь Новгорода въ Паозерскомъ погостѣ упоминается пустошь Іонкиновъ.

финскими народностями, приведенныя имена однако по формѣ и созвучію представляются финскаго происхожденія, ибо окончанія kene, ken, nen обычныя и преимущественно послѣднее въ личныхъ именахъ у нынѣшнихъ финновъ. Имя Ludichen напоминаетъ названіе Ljudi—народности финскаго племени у Онежскаго озера или же можетъ быть произведено отъ фин. ludikka, lutikainen клопъ. Ioneken напоминаетъ эстонское языческое имя Iane, встрѣчающееся въ Ревелѣ въ XIV в. Имя Taurinen можетъ быть произведено отъ фин. teurinen—тетерка или лив. taurio—бабочка [1]). Отъ 1310 г. (n. 629) сохранился цѣлый списокъ старшинъ и надежныхъ куронъ (seniores et fide digniores) въ области Донданген̂ѣ (лив. Duonig), именно: Aloyates, Reimege, Aloyate изъ Ugale, Laminge изъ Durtzuben вм. Dursuppen, Vetzates и Bitbunen изъ Vetzete, Laminge и Wargele изъ Uppesede (?), Setele и Meinates изъ Anscen, Warkele и Mamtilige изъ Stendan. Nacken и Minte изъ Gawesen, Stellegaten и Muggules изъ Lebbedagen (Vepdanghen [2])., Iohannes изъ Vetba который служитъ толмачомъ (онъ очевидно былъ крещенъ и зналъ куронскій языкъ, но кто онъ былъ родомъ, не видно) [3]). Безъ сомнѣнія нѣкоторыя изъ перечисленныхъ названій могутъ быть искажены, но все же разборъ ихъ можетъ дать кое какіе выводы объ ихъ народности. Прежде всего не можетъ не броситься въ глаза, что приведенныя имена отличаются если не по корнямъ, то по формѣ отъ извѣстныхъ намъ другихъ языческихъ именъ у лицъ финскихъ народностей. Разбивая каждое имя на двѣ части, мы получаемъ корни Alo (=Alo, ливскій старшина) съ приставкою yates, Vetz (=Vietzo, ливскій старшина), Mein — съ приставкою «ates», Lamin— Reime — Mamtili — съ приставкою ge; Sete, Warke съ приставкою le, Nack-,Stellegat съ приставкою en, Minte Aloya съ приставкою — te, Mugu съ приставкою — les и Bitbu съ прибавкою — ne. Здѣсь приставки ge, ne вѣроятно сокращены изъ ken, nen, въ каковомъ видѣ мы встрѣчали ихъ въ приведенныхъ выше словахъ. Что касается корней, то первые два безспорно общефинскаго происхожденія, а приставки yates, ates по звуку s на концѣ сходны съ латышскими словами и можетъ быть свидѣтельствуютъ о латышскомъ вліяніи. Laminge имя куронское (ср. имя князя Lammechin). Въ

---

[1]) Въ Курляндіи въ Альтъ-Аутцѣ taurinsch, taurenis—также бабочка, но такъ какъ это названіе у латышей областное, а не общее, то его нужно считать заимствованнымъ отъ куронъ.

[2]) Судя по количеству деревень и перечисленныхъ старшинъ и достовѣрныхъ людей нужно думать, что у каждой деревни былъ по меньшей мѣрѣ одинъ старшина.

[3]) Въ названіяхъ приведенныхъ деревень повидимому замѣтна смѣсь латышскаго и финскаго элементовъ, такъ Dursuppe, Uppesede (лат. uppe—рѣка) кажется латышскаго происхожденія; стоящая нынѣ рядомъ съ Stenden дер. Pastenden (т. е. нижній Стенденъ) также представляется латышскаго происхожденія, но за то дер. Lebbidagen (фин. taga—позади) повидимому финскаго происхожденія.

числѣ приведенныхъ именъ Stellegaten по всей вѣроятности не куронскаго и не финскаго происхожденія, ибо близко къ литовскому имени Swelgote. По литовски или латышски звучатъ также имена Mamtilige и Mugules. Bitbune созвучно съ литовцемъ, барономъ и родственникомъ Миндовга Buxebune (n. 1393), Bune (n. 354). Что литовско-латышскій элементъ рано проникъ въ страну куронъ или по крайней мѣрѣ сосуществовалъ среди нихъ, это явствуетъ и изъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій. Такъ еще въ 1258 г. въ Bandowe упоминается деревня Zamethen, Zamaiten, т. е. Samaiten—Жмудь. Деревня Perbona тамъ-же созвучна съ именемъ литовца Bune, Parbusse (n. 354 въ 1260 г.) изъ Nere (между тѣмъ деревня Neres упоминается въ Куроніи въ Бигавеланкѣ въ 1253 г.). Въ Ceclis деревня Cartine (n. 249) созвучно съ именемъ литовца Gerdine (n. 354), названіе деревни Vesete (sse n.n. 249 и 253) отчасти созвучно съ именемъ литовца Vesegele (n. 354). Въ 1253 г. (n. 249) въ области замка Poys (Proys) упоминается земля Twartikini или Twertikene, между тѣмъ вь томъ-же году (n. 247) въ числѣ куронскихъ вассаловъ именуется нѣкто Twertikene на ряду съ Velthune и его братъ Reggin, а также Saweyde, которые получили въ ленъ замокъ Cretyn. Такъ какъ здѣсь-же наряду съ этими лицами и рыцарями очевидно германскаго происхожденія упоминается и нѣкто куронъ Claus, то нужно думать, что упомянутыя выше лица не куронскаго происхожденія, а по созвучію скорѣе литовскаго происхожденія. Въ 1320 г. (n. 670) упоминается также объ одномъ латышѣ или литовцѣ по имени Toutegoden (лат. tautas gohds — слава народа), которому и его наслѣдникамъ было тоже пожаловано въ ленъ въ Средней Куроніи (у ручья Zereden и оз. Syp) два гакена, коими владѣлъ его покойный предшественникъ Христіанъ на общихъ съ другими вассалами условіяхъ.

Въ 1391 г. (n. Reg. 1548) въ Гольдингенской области упоминается нѣкто Imkyno Lesekenzee, которому было пожаловано въ деревнѣ Lesekenzee три гакена земли за ежегодную аренду. Въ 1391 же году (n. Reg. 1548) магистръ пожаловалъ Cantebuten'у и его сыновьямъ на вѣчныя времена грунты, которыми онъ уже владѣлъ при р. Абавѣ, а кромѣ того поле на 8 лофовъ посѣва, а также половину сѣнокоса при этой же деревнѣ. Въ 1392 г. (n. Reg 1565) братья Ouguthen (лат. ohgoht—сбирать ягоды) и Curen получаютъ отъ магистра ленную грамоту на половину участка земли при р. Абовѣ. Не были ли тѣ вассалы (infeodati) въ области Ceclis, о которыхъ упоминается въ актѣ отъ 1256 г. и которые не участвовали въ дѣленіи Куроніи, произведенномъ старшинами и надежнѣйшими людьми куронскихъ областей, латышскіе насельники? Объ этихъ насельникахъ говорится въ актѣ, что они in cujus partem ceciderint, in illius dominio remanebunt.

Пожалованіе латышамъ или литовцамъ въ ленъ земли повидимому свидѣтельствуетъ о движеніи литово-латышскаго элемента къ сѣверу. Приведу ниже для сравненія еще другія извѣстныя намъ языческія имена литовцевъ: Daugeruthe, Steese (по Генриху Латышскому), литовскіе князья: Percune, Gotze Mundowe, Masare, Dindeke (Ginguke), Milgawin, Lengewin, Aleman, Suxe, Schariat и Traniat (по лифл. риѳмованной хроникѣ Альнпеке), Langwenus, Lygeyke, Schabbe и Yege (n. 384 отъ 1260 г.), Replen, сынъ Миндовга (n.n. 263, 363). Имена земигалловъ (латышей) по риѳмованной хроникѣ: Westers, Nameysis, Made, Gaile и Schabe (лат. gailis—пѣтухъ и schabals—слѣпецъ).

Для изслѣдователя народности куронъ должно быть не менѣе важно знать фактъ, что о ливахъ въ Куроніи нигдѣ въ древнихъ памятникахъ не говорится, напротивъ повсюду только о латышахъ, куронахъ и тѣхъ ливахъ, которые жили за Двиною близь Риги. Въ актахъ подчиненія Куроніи отъ 1230—31 гг. обитатели Куроніи называются вообще то «pagani de Curonia», то «Curones»; равно ни Генрихъ Латышскій, ни риѳмованная хроника XIII в. не смѣшиваютъ ихъ съ другими народностями, напротивъ послѣдняя прямо называетъ куронъ сосѣдями эзельцамъ, чего бы не могло случиться, еслибы на сѣверномъ побережьи Курляндіи жили ливы. Въ актахъ концѣ XIII и XIV вв. обитатели Куроніи называются еще куронами. Такъ, въ 1282 г. (n. 475), гдѣ говорится о пожалованіи Динаминдскому монастырю земли, quae vulgo Utenpewe [1]) dicitur, всякому курону, который имѣетъ плодоносныя деревья, позволяется пользоваться ими свободно согласно общему праву (commune jus) страны. Въ 1291 г. (n. 540) при раздѣленіи куронскихъ земель участвовали Curones, quibus terrarum constabat distinctio. Въ сѣверной части Куроніи еще въ 1310 г. (n. 629) по обоимъ берегамъ рѣки Ирбы (Iruwe) обитали дондангенскіе куроны. Но что куроны существовали еще въ началѣ XV в. какъ отдѣльный народъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ путешественникъ Жильбертъ Лануа, бывшій въ Лифляндіи зимою 1413—1414 гг. Описывая свое путешествіе изъ Пруссіи чрезъ Курляндію въ Ригу по дорогѣ, идущей чрезъ Либаву, Гробинъ, Гольдингенъ и Кандову, онъ говоритъ, что прошелъ чрезъ много деревень земигалловъ (semegael), куронъ (korres) и ливовъ (lives), изъ которыхъ каждый имѣетъ при себя свой языкъ [2]).

Нѣсколько дошедшихъ до насъ нарицательныхъ именъ въ актахъ касательно куронъ и Куроніи подкрѣпляютъ вышеизложенные доводы о родствѣ куронъ съ финнами. По акту 1253 г. (n. 248) прямо видно, что въ провинціяхъ

[1]) Чисто финское названіе «uuden päiwa»—новый день. Замѣчательно также, что въ немъ сохранился еще суффиксъ род. пад. en.

[2]) Bunge, Archiv t. V, p. 169.

Бандовѣ и Бигавеланкѣ коса (латин. falx) называлась vikcete (falce, qui vikcete dicitur). Отсюда еще не видно, на какомъ языкѣ коса называлась такъ. Но въ актѣ 1387 (n. 1387), гдѣ говорится между прочимъ о повинностяхъ жителей сѣвернаго побережья Куроніи, находится по этому вопросу чрезвычайно важное мѣсто гласящее такъ: «de pecunia victen, quae vulgaris denominationi Lettonica yscaxten vocantur videlicet de falcibus et de faeno neophitorum». Такимъ образомъ здѣсь прямо сказано, что названію victen соотвѣтствуетъ латышское yscaxten (нынѣ iskapts, iskapste). Но въ фин. vikahte, эст. wikat, лив. vikārt (vikat) = коса. Слѣд., не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что у туземныхъ жителей Куроніи въ XIII—XIV вв. было въ употребленіи названіе косы финскаго (въ общемъ смыслѣ) происхожденія [1]), которое у латышей звучало иначе. При заключеніи въ 1230 г. договора съ западными куронами по обѣимъ сторонамъ Абовы борона называется egede (форма род. пад. множ. ч. въ эст. языкѣ, напр. при выраженіи: съ боронъ = äkete pëäet)—erpica (vulgariter egede). Но это названіе представляется повидимому соотвѣтствующимъ названіямъ бороны въ финскихъ нарѣчіяхъ напр., фин. āes, G. akeen, эст. āes, G. äke, лив. äggos, egi, äggt, между тѣмъ какъ по латышски борона ezeschi, ezekbas, ezeklis. Изъ одного акта 1253 г. (n. 250) мы узнаемъ, что въ Куроніи для означенія отправленія въ походъ употреблялось слово malawe, обычное у юго-восточныхъ эстовъ и до селѣ сохранившееся въ Верроскихъ пѣсняхъ, именно malewa, malva (актъ отъ 3 февр. 1288 г. n. 521, a). Между тѣмъ при опредѣленіи повинностей латышей земигаловъ въ 1272 г. (n. 430) употребляется для означенія похода другое слово «Reise». Кромѣ того около 1300 г. (n. 603) упоминаются у жителей Донданrенской области названія vepas, tunna и ture, которыя также финскаго происхожденія. Фин. и эст. vaippa — покрывало, салопъ [2]); лат. veepe — покрывало, платокъ для женщинъ. Въ виду общей распространенности названія vaippa у финскихъ народностей, представляется болѣе вѣроятнымъ заключить, что латышское veepe заимствованное. Другія два слова: tunna = эст. tünn — боченокъ и ture = фин. tuura, эст. tuur — ломъ, копье, совсѣмъ отсутствуютъ въ нарѣчіяхъ народовъ литовскаго племени [3]) и поэтому народъ, въ языкѣ котораго они существовали, долженъ принадлежать къ какой-либо отрасли финскаго племени.

Если такимъ образомъ латыши явились въ Куроніи или по крайней мѣрѣ въ сѣверной части ея позже куронъ, то можно допытываться далѣе, была-ли здѣсь до пришествія куронъ какая-либо другая народность, откуда пришли

---

[1]) Считая куронъ за ливовъ Видеманъ безъ всякихъ основаній (Обзоръ происх., судьбы и нынѣшн. сост. ливовъ, стр. 130), утверждаетъ, что victen (нынѣ vikat) слово ливское.

[2]) Vepas ставится въ актѣ рядомъ съ tunicae virorum.

[3]) См. мое сочиненіе: Введеніе Христ. въ Лифляндіи, стр. 15.

куроны и какой отрасли финскаго племени они болѣе всего сродственны. Достовѣрное историческое извѣстіе о пребываніи на западномъ побережьи до куронъ народа Венедовъ, который, какъ извѣстно, въ древности населялъ южный берегъ Балтійскаго моря, мы имѣемъ отъ начала XIII в. у ливонскаго лѣтописца Генриха Латышскаго (Heinr. X, 14). Онъ пишетъ о венедахъ (Vendi), которые имѣли въ Ливоніи замокъ Венденъ, что они въ то время (1207 г.) были покорны и убоги, ибо были вытѣснены съ Винды, рѣки въ Куроніи и жили на Древней горѣ, подлѣ которой теперь (1201 г.) построенъ г. Рига; а куроны выгнали ихъ и отсюда, при чемъ многіе были убиты, прочіе бѣжали къ леттамъ. Эта горсть Венетовъ, сохранившаяся въ XIII в. въ Ливоніи, очевидно представляла отрасль тѣхъ же Венетовъ, которые владѣли южными берегами Балтійскаго моря, но потомъ были поглощены и уничтожены германскимъ элементомъ. Можно было бы думать, что Венеты, обитавшіе нѣкогда у рѣки Венды, переселились сюда именно во время натиска германцевъ на южное побережье Балтійскаго моря, въ VIII в., еслибы не казалось болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что поселеніе здѣсь Венетовъ, а потомъ куронъ совершилось раньше. О куронахъ извѣстія доходятъ до половины VI в. (у Іорнанда Caris), въ VIII в. о куронахъ извѣстно, что они участвовали въ великой Бравальской битвѣ (776 г.?), а во второй половинѣ IX в. біографъ и преемникъ св. Ансгарія, апостола Скандинавіи, Римбертъ († 888) сообщаетъ: куроны (chori, въ швед. пер. XIV в. Qurlandth) нѣкогда были покорены подъ шведскую власть, но уже съ давнихъ поръ, взбунтовавшись, отказались отъ этой зависимости. Зная это, датчане попытались покорить ихъ себѣ, но потерпѣли пораженіе, шведамъ же посчастливилось вскорѣ послѣ этого (около 854 г.) вновь покорить ихъ себѣ [1]). Представляется правдоподобнымъ думать, что Венеты были изгнаны куронами еще при покореніи ими западнаго побережья Куроніи, именно области Винды, гдѣ обитали Венеты. Что послѣдніе заселяли именно всю эту область, а не только устье рѣки Винды, это подтверждается существованіемъ въ XIII в. при рѣкѣ Газовѣ деревни Terewenden (фин. tiere — новь, жженіе вторично головень на нови; tiera — лишай каменный; ср. въ Финляндіи наз. Tärwantu); затѣмъ то обстоятельство, что рѣка Винда и городъ (у эзельцевъ Wentu, лат. Wenta) при ея устьѣ съ древними развалинами (латыш. Ventespils) получили свое наименованіе отъ Венетовъ, указываетъ на ихъ долговременное пребываніе въ данной мѣстности. Однако вендскихъ названій мѣстностей, кромѣ указанныхъ уже выше, не сохранилось. Это повидимому указываетъ на внезапное исчезновеніе отсюда прежнихъ

[1]) Vita S. Anscharii въ Script rer. Germ. recens. G. Waitz (in. us. schol.) Hannov. 1881. cap. 30. (pag. 60). Въ подтвержденіе того, что куроны дѣйствительно подчинялись шведамъ и датчанамъ см. актъ № 108 отъ 1230 г. (Livl. Urk. B.).

обитателей и насильственное овладѣніе ихъ страною. И только незначительная горсть ихъ спаслась у Двины на Древней Горѣ близь Риги. Но и здѣсь ихъ преслѣдовала ненависть куронъ; только это было уже гораздо позже — въ XI и XII в., когда куроны вытѣснили ихъ и отсюда, ибо въ началѣ XIII в. еще помнили, что при этомъ много вендовъ погибло. Если принять въ соображеніе, что народная память обыкновенно не заходитъ далѣе двухъ-трехъ вѣковъ, то нужно думать, что это изгнаніе совершилось въ IX—X вв. Фактъ, что при постройкѣ Риги (1201 г.) обладателями Древней Горы были ливы и что не упоминается о непріязни послѣднихъ къ вендамъ, и съ другой стороны, что между ливами и куронами была солидарность, можно-бы думать, что Древняя Гора была пустою до поселенія на ней вендовъ и что ливы поселились у устья Двины незадолго до XII вѣка.

Замѣчательно, что у Эзельцевъ въ названіи русскихъ (wened), равно какъ и эстовъ юговосточнаго нарѣчія (wend, wendlane) и у финновъ (wenät) сохранился коренной звукъ d, который въ позднѣйшее время выпалъ. Это явленіе совпадаетъ съ сосѣдствомъ эзельцевъ и вендовъ и если ужъ справедливо мнѣніе Др. Веске, основанное на филологическихъ соображеніяхъ, о происхожденіи названія русскихъ у финскихъ народовъ отъ Венеты, Венеды, Венды, то оно подтверждается отчасти и исторически въ отношеніи къ эзельскимъ эстамъ.

Есть еще одинъ способъ доказательства происхожденія названія извѣстной мѣстности, именно сопоставленіе географическихъ названій данной мѣстности съ такими же названіями въ другихъ мѣстахъ. Сходство въ этихъ названіяхъ указываетъ прежде всего на однородность населенія этихъ мѣстностей. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому способу доказательства, я считаю неизлишнимъ прибѣгнуть для всесторонняго разсмотрѣнія вопроса о происхожденіи куронъ и къ производству мѣстныхъ названій, которое хотя и не можетъ служить самостоятельнымъ доказательствомъ, но все же можетъ служить нѣкоторою опорою доказательствамъ сходства самыхъ географическихъ названій.

Какъ уже выше было замѣчено, при смѣшанности географич. названій въ Куроніи повидимому принадлежащихъ разнымъ народностямъ, замѣтно то явленіе, что разноплеменность названій увеличивается по мѣрѣ движенія къ центру Куроніи, къ литовскимъ предѣламъ. Это подтверждается и производствомъ мѣстныхъ названій. Латышскаго происхожденія представляются слѣдующія названія: Apusse—apse – осина, Nebrungis—bruhnis—дротикъ, Birsine—birse, birsine—борозда, Birstele (birstala) birstele—березовая изгородь; Byrsegalewe—galwa—голова (kalwa—холмъ); Damis—dombis—запруда; Dobe (лат. Dohbele)—могила, ровъ; Dohnen—dohne (a)—нижній или верхній конецъ хлѣба (лит. düna—хлѣбъ); Drage—drehgi—носилки, drahka—сильный чело-

вѣкъ; Durpis (нынѣ Dorben, Durba)—durwis—дверь, dohrbe—лещъ, Duveneke (нынѣ Dubenalken, Dunolka)—duhwe, duhwina—прирученный голубь; Duzone—duhzis, duhze — кинжалообразный ножъ; Dondangen — dohnis — тростникъ, danda—ровъ отъ ѣзды, лужа, болотистая страна; Eze—ehzis—вересъ, можжевельникъ; Crewenis — krewelis — рубецъ, множество; Calneseme — kalnains — гористый, kalnejs—живущій на горахъ; Cartine—kahrtains—полосатый; Celde—zelsch—дорога, улица; Celme—zelms—пень; Cerwigal—zehrpa—холмъ, gals—конецъ, страна; Cesse—zehses—кучка хлѣба; Garista (нынѣ Gahrsde)—gahrscha—боръ; Maycenite—matsenit—молодость; Maysedis—maise—хлѣбъ; Prezitwe—preze—товаръ, сватовство; Sarde—sahrds (эст. sard)—подставка для сушенія льна, гороху; Sargamiten—sahrgs—сторожъ; Sirien—sirs—мародеръ; Schoden—schohde—skohte—шовъ; Seklums—мелкое мѣсто, мель; Wietzede—vezeetis—старецъ и др. Можно было бы привести еще не мало названій, происходящихъ видимо изъ латышскаго или литовскаго языка, но это производство теряетъ значительную долю цѣнности въ виду того, что въ латышскомъ языкѣ имѣется мало словъ, тожественныхъ съ финскими. Большая часть ихъ безспорно заимствована у ливовъ и куронъ одновременно съ поглощеніемъ этихъ народовъ, такъ какъ они имѣются и въ отдаленнѣйшихъ по пространству нарѣчіяхъ финскаго языка, но относительно тѣхъ словъ, которыя общи только у ливовъ, эстовъ и латышей, можно еще сомнѣваться, кѣмъ они заимствованы. Затѣмъ общія въ латышскомъ, литовскомъ, эстонскомъ и русскомъ языкахъ слова, служащія въ то же время мѣстными названіями, еще болѣе затрудняютъ сужденіе по мѣстнымъ названіямъ о народности обитателей извѣстной мѣстности. Дѣло было-бы нѣсколько проще, еслибы мы не знали, что славянскаго племени Венеты нѣкогда жили совмѣстно съ ливами и латышами, и слѣд., слившись съ ними, передали имъ и часть своего словеснаго творчества. Поэтому и такъ какъ вообще производство названій сопряжено съ произволомъ, тожественность названій въ различныхъ странахъ или мѣстностяхъ, независимо отъ ихъ значенія, пріобрѣтаетъ большую цѣнность, хотя нужно допустить, что и здѣсь сходство названій отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ иногда можетъ быть совершено случайное. Само собою разумѣется, что мы должны искать сходства названій въ ближайшихъ сосѣднихъ странахъ. Такъ какъ я имѣю дѣло собственно съ финскою народностью, то и обращусь къ сосѣдней Куроніи странѣ, о. Эзелю. Куронія получила свое названіе отъ населявшаго ее народа (нѣм. chur—land, латыш. kur—semme, лив. kur—ma, эст. kura—ma). Островъ Эзель (названіе шведское) называется нынѣ у материковых эстовъ Saarema (=у русскихъ Островитская земля) и по имени города Kuresaar, Kuresaare linn—Аренсбургъ. Въ послѣднемъ названіи первая половина звучитъ почти одинаково съ именемъ народа, обитавшаго въ Куроніи.

Названіе свое островъ долженъ былъ вѣроятнѣе всего получить отъ ближайшихъ къ нему народовъ, каковыми были съ востока ливы, а на ливскомъ языкѣ kure значитъ «злой». Этотъ эпитетъ въ отношеніи къ Эзелю, населенному бѣглецами и удальцами—морскими пиратами, довольно подходящій. Мнѣніе Адама Бременскаго (1068—1075) по видимому подтверждаетъ наше предположеніе. Онъ представляетъ землю куронъ (churland) самымъ большимъ островомъ въ Балтійскомъ морѣ, который подчиняется шведскому владычеству и лежитъ на разстояніи 8 дней плаванія отъ Бремена. Нѣкоторыя черты населяющаго его народа болѣе подходятъ къ эзельцамъ, чѣмъ къ куронамъ. Онъ называетъ его жестокимъ по причинѣ чрезвычайнаго идольскаго культа. Но, какъ извѣстно изъ исторіи XII—XIII вв., куроны занимались болѣе торговлею, земледѣліемъ и скотоводствомъ, чѣмъ пиратствомъ; хотя Генрихъ латышскій (VII, 1) и приравниваетъ куронъ къ эзельскимъ эстамъ, которые до него имѣли обыкновеніе дѣлать грабительскіе набѣги на Данію и Швецію, но повѣствованія его не подтверждаютъ этого. Да и объ идольскомъ культѣ куронъ исторически особенно жестокаго неизвѣстно. Между тѣмъ какъ эзельцы, вынужденные поселиться на неплодородномъ островѣ, по неволѣ должны были заниматься пиратствомъ, какъ ремесломъ; а языческій культъ Тары былъ въ сильной степени развитъ на Эзелѣ. Далѣе Адамъ разсказываетъ, что у нихъ всѣ дома переполнены божественными авгурами и волшебниками, которые одѣты даже въ монашеское платье. Это можетъ относиться къ носимымъ частію у эзельцевъ длиннымъ чернымъ кафтанамъ и сильной развитости у эзельцевъ языческаго культа, остатки котораго сохранились доселѣ въ значительной степени. Наконецъ, Адамъ называетъ коней земли куровъ самыми лучшими, а эзельская порода лошадей, отличающихся малымъ ростомъ и чрезвычайною выносливостью, славится доселѣ. Я не имѣю здѣсь намѣренія доказывать, что описываемая Адамомъ, очевидно только по легендарнымъ разсказамъ мореплавателей, страна должна быть именно островъ Эзель. Я желаю только показать, что это описаніе въ нѣкоторыхъ частяхъ подходитъ къ эзельцамъ. Болѣе правдоподобнымъ представляется думать, что какъ островъ Эзель, такъ и сѣверо-западная часть Куроніи были населены однимъ и тѣмъ же народомъ Chori, Kur, Корсь, каковое имя перешло на него съ названія острова Kure saar.

Въ XI в., по Адаму Бременскому, на ряду съ Балтійскими славянами было извѣстно болѣе всего имя Haisti, какъ обитателей восточнаго побережья Балтійскаго моря; за ними обитали на этомъ побережьѣ aliquae diversae nationes (Gesta Hamb. lib. III, cap. 12), какъ неопредѣленно выражается Адамъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ по видимому называетъ Куронію Aestland, ибо ставитъ недалеко отъ послѣдней Бирку шведовъ (нынѣшній Бергхольмъ на

Оландѣ) [1]. Названіе Haisti повидимому было въ то время господствующимъ общимъ наименованіемъ народовъ, обитавшихъ по восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, о которыхъ Адамъ имѣлъ темныя свѣдѣнія. Что по свидѣтельству житія св. Ансгарія, апостола Скандинавіи, относительно народа Chori, мѣсто обитанія его очевидно полагается въ Куроніи, это едва-ли исключаетъ возможность предполагать, что такъ назывался и народъ, населявшій островъ Эзель.

Обратимся теперь послѣ этихъ историческихъ замѣчаній къ сравненію мѣстныхъ географическихъ названій на Эзелѣ и въ Куроніи. Сравненіе это дѣйствительно, хотя и не вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе о связи между ихъ населеніемъ. Ниже приводятся въ алфавитномъ порядкѣ сходныя названія въ Куроніи и на Эзелѣ.

Aistere (Bih. [2])—Eiste.
Angere (Angern, Anger, Enger (Wr.)—Angern.
Anse (Wr.) —
Anzina (Scr. Semg.) } Anse, Ansi, Ansekül.
Appule (Scr. Semg.)—Anbul.
Apussen (Wd.)—Hanpuse.
Aralden (B.) [3])—Artle.
Arowelle (Vr.)—Arowälja.
Damis (Scr. Semg.)—Tammist, Tamsel.
Duppele (Bih.)—Tubala,
Edwale (en) (Wd.)—Edowälja.
Garista (Scr. Semg.)—Harista.
Gerwe (Bih.)—Järwe.
Iameiten (Wd.)—Jama.
Iursalem (Iurselen) (B.)—Jurs.
Cabele (Wr.)—Kabila.
Calten (Wd.)—Kallaste.
Carkele (Bih.)—Karki, Kergel.
Cersanger (Vr.)—Kerste.
Cormele (B.)—Karmel.
Labbar (Scr. Sem.)—Lebara.
Lene (B.)—Lene.
Lessede (Wd.)—Leiste.
Lindale (Bih.)—Linnusse.
Lyva
Lypa } (Bih.)—Liiwa, Liiwaküla.
Medce (Medcere) (Bih.) — Metsa, Metsara.
Medda (Bih.)—Mädaselja.
Moden (Wr.)—Mudaste,
Neres (Bih.)—Neris.
Normis (Norme) (Wd.)—Nurmes.
Pedewale (Wr.)—Pidul.
Pure (Wr.)—Puro.
Pusse (Wr.)—Pussa.
Rese (B.)—Ressa.
Sagaris (—gere—ra) (Wd.)—Sagaris.
Sacke (Wd.)—Sakela, Sakla.
Salden (Scr. Semg.)—Salo.
Sare (C.)
Sarde (Pil.) } — Sarekül.
Serwe (Zerwe) (Bih.)—Sõrwe.
Terewenden (Wa.)—Tere.
Tigwa (B.)—Tika.
Ugale (Wr.) Ugane.
Ullewa (Scr. Semg.)—Ulo.
Irien (Wd.)—Jro, Jere.
Walgele (Wr.)—Walgo.
Walteten (B.) Walde, Waldia.
Warzen (Dov.)—Waresse.
Welse (Dov.)—Welta.
Videle
Vede } (Wr.)—Wido, Wite подую. Wedele.
Zelende (Zerende) (Scr. Semg.) —
Zerle (? Scr. Semg.) } Zerel acт. Seremois.

Несомнѣнно, что многія изъ приведенныхъ названій въ дѣйствительности могутъ и не имѣть исторической связи, но есть между ними и такія, которыя

[1] Ibid. lib. III, p. 17: cum illa superior (т. е. Aestland) non longe sit Birca Sveonum
[2] Сокращенныя слова въ скобкахъ означаютъ названія областей.
[3] По кур. arald—рѣдкій, негустой.

безспорно свидѣтельствуютъ о доисторической однородности населенія на Эзелѣ и въ Куроніи, таковы напр. Serwe, Zerle, Videle, Labbar, Sagaris, и др. Замѣчательно, что именно полуостровъ Сворбе (эст. Sõrwe, т. е. край, берегъ) представляетъ въ Куроніи нѣсколько названій, именно на югѣ отъ Вредекуроніи въ невоздѣланной области между р. Абавой и Виндавой близь Земигалліи. Названіе самаго полуострова «край» соотвѣтствуетъ ему вполнѣ, но будучи перенесено на мѣстность на материкѣ, оно даетъ основаніе думать, что на Эзелѣ оно первичное и что движеніе населенія совершалось съ Эзеля на материкъ. Вообще сходство въ названіяхъ замѣтно преимущественно въ области Вредекуроніи и юговосточной части Эзеля. Менѣе сходныхъ названій встрѣчается въ области Винды, и въ остальныхъ сходство наблюдается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то не несомнѣнное. Но при несомнѣнности перенесенія хотя немногихъ названій названія, возбуждающія сомнѣніе, имѣютъ все же значеніе второстепеннаго доказательства.

Судя по тому, что сходныя названія въ Куроніи разсѣяны по разнымъ областямъ, нужно думать, что выселеніе съ Эзеля имѣло частный, единичный характеръ; оно совершалось не посредствомъ воинственнаго вторженія или завоеванія, а ради исканія лучшихъ мѣстъ поселенія или по другимъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ. Куронія, слѣдовательно, едва ли была заселена сплошь Эзельскими бѣглецами. Другое обстоятельство, ведущее къ тому же предположенію, заключается въ томъ, что сходныя названія преимущественно оказываются внутри Куроніи, а не по берегамъ ея: будь Эзельскіе обитатели первыми насельниками здѣсь, они заняли бы прибрежныя и приречныя мѣста не слишкомъ далеко внутри страны, при томъ мѣста, которыя отличались бы по выгодности положенія и плодородію отъ другихъ. По крайней мѣрѣ таковыми не могли быть предки нынѣшнихъ обитателей Эзеля, представляющіе четыре разнородные по языку и обычаямъ и тѣсно сплоченные по разселенію элемента. Если предки нынѣшнихъ обитателей заняли Эзель съ бою, то побѣжденные могли быть именно первыми насельниками Куроніи. Но данныхъ для такого утвержденія никакихъ не имѣется, и потому попытки точнѣйшаго опредѣленія способа разселенія Куроніи. съ Эзеля были пустымъ фантазированіемъ. Впрочемъ, если будущіе изслѣдователи обратятъ вниманіе на измѣненія въ сходныхъ названіяхъ въ упомянутыхъ двухъ странахъ, то они, можетъ быть, найдутъ въ нихъ посылки для дальнѣйшихъ выводовъ.

Если и справедливо мнѣніе о родствѣ между куронами и эзельцами, то по нѣкоторымъ исторически извѣстнымъ обстоятельствамъ необходимо допустить ихъ бытовое различіе. Такъ, по актамъ XIII в. мы знаемъ, что способъ обработки земли былъ у нихъ различенъ. Куроны обработывали землю лошадьми (см. акты n.n. 105 и 405), а эзельцы—волами (n. 169). Кони Эзельцевъ

служили преимущественно для военныхъ цѣлей; на нихъ они отправлялись въ походъ на материкъ, обыкновенно въ зимнее время (n. 285). Была и разница въ производствѣ, хотя она можетъ быть вѣрнѣе всего объясняется мѣстными условіями почвы. Изъ продуктовъ земли у куронъ упоминается рожь, пшеница, ячмень, овесъ; изъ произведеній скотоводства: лошади, волы, свиньи, овцы, кромѣ того они держали куръ, ловили тюленей, занимались въ широкихъ размѣрахъ пчеловодствомъ и отчасти охотой и рыбной ловлей (n. 603). Между тѣмъ въ числѣ повинностей эзельцевъ упоминается только пшеница, куры, ячменное пиво, сѣно и дрова, штрафы платили озерингами и марками (n. 169). У латышей земигалловъ повинности платились рожью и ячменемъ, а въ случаѣ неимѣнія хлѣба они платили рижскими артингами серебра или куньими и векшиными шкурками (n. 430).

Если островъ Эзель недостаточно объясняетъ намъ происхожденіе населенія Куроніи, то мы должны обратиться къ болѣе отдаленнымъ странамъ, именно сперва къ Эстоніи. Если мы найдемъ здѣсь сходныя названія, то они по крайней мѣрѣ будутъ свидѣтельствовать объ однородности населенія этихъ двухъ странъ. Ниже приводятся сходныя названія, встрѣчающіяся въ Эстонскихъ областяхъ Гарріи (Ревельск. уѣзда), Вироніи (Везенб. у.) и Герви (Вейсеншт. у.) [1]).

Angern—Angern (Г.)
Appule (Ampule)—Afell (Г. n. 437). Ampele (Герв.)
Ardon { —Ardala (L. c. B.).
Arolde {
Agemine—Akimal (L. c. B.).
Barta—Warthe (L. c. Г.).
Baten—Wattkül, Watdekya (L. c. B.).
Cabele—Kappel, Kappala (L. c. B. Г.).
Calvien—Kalwi (B.).
Canygerwe—Kanigerwe (Оз. n. 1423. Г.).
Cersangere—Kaeris (L. c. Г.), Kaersae (L. c. B.).
Domesnes—Tamespe (п. 19 B.).
Jolgasame—Jalgsama, Ialksen, Iolgesim (Герв.).
Embare—Embere (Герв.).
Garde—Harde (Г.).
Jrben, Jrowe—Hirwe (L. c. Г.), Hyrvelae (L. c. B.).
Jrien—Hirae, Hyrenkulae (L. c. Г.).
Karkele—Kark (Г.).
Kewele—Kawal, Kawale, (L. c. B.), Kwale (L. c. Г.).
Kolk, Kolken—Kolke (L. c. Г.), Kolk.
Laydze—Laidus, Laidusce (L. c. Г.).
Lobe—Lopae (L. c. Г.). Lope.
Loke—Lockeda (n. 372), Lakethae (L. c. Г.)
Lole—Loal (L. c. Д.), Loole (n. 436).
Matre—Mataros (L. c. Г.).
Nabba—Napalae (L. c. B.).
Nemetne—Nemente (n. 19. B.).
Okto—Ochto (Г. n. 584.)
Octen—Octinus (L. c. B.).
Pakkare—Pakkari (L. c. B.).
Pateycias—Pategas (L. c. B.).
Pyctwe, Pytwe—Pitkow (n. 1179. Г.).
Razge—Raseke (п. 81. Г.), Raazik.
Rutzowe—Ruts (L. c. Г.).
Sarde—Sarde (Г.).
Sagothe (Zagaten)—Sagadi (B.).
Sakke—Saga, Sake (L. c Г. B.)
Salden—Salda (L. c. B.), Salde (B.).
Sarneke—Sarnae (L. c. Г.).

[1]) Означеніе этихъ областей будетъ приводиться сокращенно подъ буквами: Г. В. при чемъ L. c. передъ ними будетъ означать Liber Census Daniae, документъ около половины XIII в., въ которомъ упоминается мѣстное названіе, а число при этомъ указываетъ на № акта въ Brieflade.

Seculmzeme—Seculis (L. c. Г.).
Serwe—Servewerae (L. c. Г.).
Uge—Uhe (B.).
Walgele—Walkal (L. c. Г.).
Wane—Wannae (L. c. B.).
Warta—Warthae (L. c. Г.), Warades (L. c B.).
Wangen—Wangelae (L. c. Г.).
Wasa—Wasal (L. c. Г.).
Welse—Vilsae (L. c. B.), Velze (n. 1446: B.).
Wede—Wethe (Г. n. 26 и др.), Vaetele (n. 8).
Wepele—Wopal (L. c. Г.), Wopele (n. 19).
Virga—Wircke (n. 19 Г.).
Weybene—Waeibigaerwa (L. c. Г.).

Всѣ вышеприведенныя названія безспорно финскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой они упоминаются въ Эстляндіи и свидѣтельствуютъ прежде всего объ однородности населенія въ Эстоніи и Куроніи. Но дальнѣйшихъ выводовъ (относительно переселенія и того, къ какой вѣтви финскаго племени принадлежали обитатели этихъ мѣстностей) я не рѣшаюсь дѣлать. Любопытно, что сходство въ названіяхъ падаетъ преимущественно на прибрежныя мѣстности, такъ напр. и названіе острова при Ревелѣ Wolwesöö, нынѣ Вульфъ (n. 50 отъ 1348 г.) встрѣчается и въ Курляндіи въ названіи сѣнокоса Wulvelangh (n. 1248 отъ 1387 г. ср. названія, кончающіяся на—lang въ Эстляндіи)—названіе, которое въ мѣстныхъ актахъ прилагается только къ двумъ упомянутымъ пунктамъ.

Сходство куронскихъ названій можно прослѣдить еще далѣе, въ предѣлахъ древнихъ Новгородскихъ пятинъ, насколько названія мѣстностей сохранились въ Писцовыхъ книгахъ. Къ числу такихъ названій относятся:

Appule—Ополеца (В. Д.).
Barta (Bih.)—Барца (Шел.)
Baten (B.)—Ватицкое оз. (Вод.), Ватово (Дер. Шел.)
Boynseme—оз. Буйно, Бойно въ Буйцѣ (Д.).
Duppele (B.) (нынѣ Dohbele)—Дупле (Д.).
Donen (B.)—Донецъ (В.).
Dondangen (Wr.)—Дангово (В.).
Drage (B.)—Дражина (Ш.),
Dwiristis (Cec.)—Дверстяница (Д.),
Garista (Cec.)—Карасть (В.), Гари (Ш.).
Usma (—n.) (Wr.)—Вузима (Д.).
Ilse, Ylse (Bih.)—Илшино (В.), Илже (Ш.).
Iwande, рѣка (n. Reg. 1461)—р. Иванье (Д.).
Lammethin (Wr.)—Лембитово (В.), Лембитово сидѣніе (В.), Лембика (В.).
Ladse (Wr.) / Laydze (Wr.) —Лячко (В.).
Lene (B.)—Ляны (В.).
Loke—Лука (Д.).
Lole—Лихола, (Д.; q. Lehol, Lehola, Lihola, Lihula въ Гарріи Кегельск. пр. и Війкѣ).
Norme (W) Нурмія (В.).
Padoren (B.)—Падерно (В.).
Prusse (Bih.)—Прусское (Д.), Пруссъ (Д.), Пруссово (Д.), Запрусье (Д.).
Razge (Bih.)—Разиково (Д.), Разикъ (В.), Разика (В.), Рашки (Д.).
Sagere (Cec.)—Загренецъ (Д.).
Sare (Cec.)—Сара (В.); Саря (В.).

Scherenden (B.)—Середа (В.)
Sirien (W.)—Сырь, Сиры (Д.).
Seculmzeme (Cec.)—Сяглицы (В.), Сеглицы (В.).
Tebber, рѣка—Тверца и гор. Тверь.
Telse (нынѣ Тальсенъ) (B.)—Тележово (Д.), Таложье (Д.), Талакша (В.).
Terewenden (W.)—Словъ, начинающихся съ Тере—очень много въ Водьской пят.
Twertiken—Твирца (Д.).
Udren (W.)—Вудрицы (Д.), Удрино (В. Д.), Удрицы (Д.).
Unseten (Bih.)—Унѣжковичи, Уншковичи (В.)
Walteten (B.) (нынѣ Walaten)—Валдайское, Валдайцы, Валдая, Валдино (В.), Валитово (В. Ш.).
Wartau (Bih.)—Варута (В.).
Warta (Bih.)—Воротавино (Д).
Warwe (B.)—Вариво (Д. Ш.), Варвистъ (В.).
Welse (B.)—Велеша (В.), Вельска (Д.), Вельца (В.).
Wenese—Влодки (Д.).
Videle (Wr.)—Виделя (Д.).
Wietsede (Wr.)—Ветца (Ш. Д.), Ветчи (Ш.).
Wirga (Don.)—Вергѣжа (В.), Вергусова (Д.).
Witwizen (Cec.)—Видовичи (Пск. у. Логаз. вол.), Вичевицы (Ш.).
Wyllegale (B.)—Вилокала (В.), Вылыгалово (Ш).
Zabele (Wr.)—Сабельскій пог. (В.).
Zilse (B.)—Зележъ (Ш.).

Едва ли можно признавать сходство вышеприведенныхъ названій случайнымъ. Допуская возможность случайнаго сходства въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы считаемъ однако сходство большинства ихъ неслучайнымъ, а имѣющимъ историческую связь, которая свидѣтельствуетъ по меньшей мѣры объ однородности обитателей мѣстностей, носящихъ сходныя названія. Къ числу названій, сходство которыхъ можно вѣроятнѣе всего объяснить случайнымъ временнымъ переселеніемъ (насильственнымъ) латышей въ Новгородскія владѣнія, относятся названія Латыгола, дер. въ Деревской пятинѣ, Симоголовъ, дер. въ Вотьской пят. и Зимогулье, дер. въ Шелонской пятинѣ. Эти названія по всей вѣроятности тожественны съ древнимъ наименованіемъ латышскихъ племенъ латыгола, летыгола, зимгола, земигалы. Эти названія суть слѣды враждебныхъ отношеній между обитателями Деревской и Шелонской пятинъ и латышей у береговъ Двины.

Болѣе всего сходныхъ куронскихъ названій оказывается въ Водьской пятинѣ, затѣмъ въ Деревской, а въ Шелонской менѣе всего. Нѣкоторыя изъ общихъ сходныхъ названій встрѣчаются и въ Эстоніи. Замѣчательно, что значительная часть сходныхъ названій падаетъ на югозападныя области въ Куроніи Вигавеланкъ и Бандову, гдѣ вообще финскихъ названій меньше, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ.

Общій выводъ, какой можно бы сдѣлать на основаніи сходства приведенныхъ названій, тотъ, что по всей вѣроятности здѣсь мы имѣемъ слѣды однороднаго населенія, принадлежавшаго къ финскому племени. Но произошло ли поселеніе въ Куроніи финской народности, родственной древнимъ обитате-

лямъ Водьской и Деревской пятинъ [1]), одновременно съ поселеніемъ ихъ въ послѣднихъ областяхъ, это болѣе трудный вопросъ. Въ самыхъ названіяхъ мѣстностей я не вижу основаній, которыя давали бы право заключать о переселеніи (хотя если это переселеніе совершилось, то слѣды его должны были отпечатлѣться въ этихъ названіяхъ). Апріорное предположеніе, представляющееся болѣе правдоподобнымъ, состоитъ въ томъ, что Куронія была по времени послѣдней страной, гдѣ поселились финскія народности, подвигаясь къ Балтійскому морю. Промежуточными по пространству и времени мѣстами разселенія ихъ являются Эстонія (морское побережье ея) и о. Эзель съ о. Мономъ. Передвиженіе во всякомъ случаѣ должно было совершиться воднымъ путемъ по Балтійскому морю. Но кажется, что для аборигеновъ областей Куронскихъ Бигавеланка и Бандовы Эстонія и острова не служили остановочнымъ пунктомъ, а они прямо переселились изъ Новгородскихъ областей сюда. Частные выводы изъ этого сходства представляются болѣе рискованными.

Хотя въ доказательство народности обитателей извѣстной мѣстности производство мѣстныхъ названій съ научной точки зрѣнія не имѣетъ большой важности, тѣмъ не менѣе я попытаюсь ниже указать происхожденіе нѣкоторыхъ названій. Barta—фин. parta—борода (лив. abbon); parras,—rtaan—край, сторона; Baten—фин. pade, teen—стезя, путь; pada—горшокъ, котелъ; Düppele—ср. въ Финляндіи Tuovila (Toby); Donen—tuoni—богъ смерти, смерть; Hilse—фин. hilse—щепа, хлопья, снѣжинка, Lene—фин. lanig—une западъ; Norme—фин. nurmi—поле. Padoren—paatero—плита; paturi—горшечникъ (лив. potasena); Razge—фин. rahka—пѣна; Seculmzeme—фин. sekuli—смѣшанный посѣвъ; sekali—смѣшанная пища; sekalikko—смѣсь; Talse—фин. talsi—пріютъ, укрывалище; Udren—фин: uutera—прилежный; utra—злополучный; Unseten—фин. unhe—забывчивость; Warta—фин. цѣпъ; Warwe—фин. warpa—сукъ; Welse—фин. welho, лив. vol (vül), bura, arbi—волхвъ, колдунъ; Wyllegale—фин. willikko—дикій человѣкъ или звѣрь; wilukka—анемонъ, печеночная трава, ср. въ Финляндіи Willykala. Кромѣ доказательства финскаго происхожденія обитателей указанныхъ мѣстностей, это производство даетъ намъ кое-какія указанія и относительно ближайшаго опредѣленія племенной разности ихъ. Прежде всего бросается въ глаза, что приведенныя названія ближе всего къ финскому языку, въ ливскомъ отчасти совсѣмъ нѣтъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ они происходятъ, отчасти употребляются въ другой формѣ. А главный научный интересъ представляетъ здѣсь отсутствіе звуковъ hk, ht въ названіяхъ и замѣна ихъ звукомъ sk, st. Между тѣмъ какъ въ финскихъ

[1]) Такъ какъ названія мѣстностей въ Обонежской пятинѣ пока неизвѣстны, то приходится именно говорить о Деревской и Вотьской пятинахъ, хотя мнѣ думается, что въ Обонежской пятинѣ сходныхъ названій болѣе всего.

словахъ, которыя одного и того же корня съ этими названіями, эти звуки существуютъ. Это обстоятельство наталкиваетъ насъ на то предположеніе, что обитатели мѣстностей съ такими названіями не принадлежали къ іемскому и тавастскому племенамъ, живущимъ нынѣ въ Финляндіи. Звуки sk, st въ срединѣ корней мы находимъ у корелъ, води и ливовъ. У этихъ трехъ народностей вообще звукъ s заступаетъ мѣсто звука h у настоящихъ финновъ и эстовъ. Судя по немногимъ примѣрамъ этого рода, нужно думать, что обитатели Куроніи принадлежали ближе къ корельской вѣтви финскаго племени. Съ другой стороны, изслѣдованія Видемана и Шегрена о языкѣ финскихъ жителей въ Курляндіи и ливовъ въ Лифляндіи, показывающія, что ливскій языкъ въ Лифляндіи и Курляндіи столько же, если не болѣе, различается, какъ эстонскій въ своихъ обоихъ главныхъ діалектахъ (Sjögrens ges. Schr. B. II. Th. I. p. C) скорѣе благопріятствуютъ вышеприведенному мнѣнію. Да и діалектическія разности двухъ курляндскихъ нарѣчій Кольскаго и Пизенскаго вынуждаютъ Видемана (ibid. CIV) заключить о раннемъ дальнѣйшемъ распространеніи ливовъ въ Курляндіи. Что же касается другой половины его заключенія, что поэтому они и не могутъ быть переселенцами съ о. Эзеля, «ибо, говоритъ онъ, было бы непонятно, какъ у пары тысячъ переселенцевъ могли при постоянныхъ сношеніяхъ съ родиною образоваться два нарѣчія», то она исходитъ изъ сомнительныхъ недоказанныхъ посылокъ, будто переселилось только около двухъ тысячъ жителей, и остальные сородичи остались на Эзелѣ. Напротивъ, какъ мнѣ кажется доказаннымъ, нынѣшніе финскіе обитатели сѣвернаго побережья Курляндіи есть только остатки нѣкогда могущественнаго финскаго народа въ Курляндіи и, слѣд., переселеніе сюда его должно было совершиться въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ каковое могло совершиться съ Эзеля и, съ другой стороны, сравненіе мѣстныхъ названій приводитъ къ заключенію, что съ Эзеля могла переселиться сюда только сравнительно малая часть древнихъ Курляндскихъ обитателей.

Такимъ образомъ по всѣмъ даннымъ кажется болѣе вѣроятнымъ тотъ общій выводъ, что Куроны (корсь), принадлежа къ общему финскому племени, ближе всего были родственны кореламъ и переселились въ Куронію моремъ, можетъ быть не прямо, а послѣ пребыванія нѣкотораго времени въ Эстоніи по побережью финскаго залива и на Эзелѣ и Моонѣ, гдѣ и оставили по себѣ слѣды [1]). А гдѣ собственно были ихъ ближайшія мѣста поселеній до этого времени, въ настоящее время нѣтъ возможности съ достовѣрностью рѣшить, но относительно этого можно дѣлать болѣе или менѣе правдоподобныя догадки

[1]) Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ переселеніи корелъ въ столь отдаленную страну, какъ нынѣшняя Курляндія, если припомнить, что во второй половинѣ XII в. они были въ состояніи разрушить Шведскую Сигтуну. См. мое соч. Введеніе Христ. въ Лифляндіи, стр. 155.

и предположенія. Уже приведенныя выше нѣкоторыя мѣстныя названія указывають на Новгородскія области, преимущественно на Водьскую и Деревскую пятины. Можно однако подобрать еще данныя другаго рода, приводящія къ тому же предположенію. Какъ таковыя можно указать своеобразное употребленіе въ началѣ многихъ словъ, начинающихся съ согласнаго звука в; эта особенность болѣе всего замѣтна въ мѣстныхъ названіяхъ Деревской пятины, напр. Вузима, Вудрицы и др. Въ новѣйшее время мнѣніе о переселеніи Куронъ моремъ изъ окрестностей Онежскаго озера высказано было между прочимъ уже г. Биленштейномъ (Balt. Mutschr. XXXVI, H. 2. 1889, p. 87—108.), но безъ какихъ либо доказательствъ. Разбирая вопросъ о томъ, кому принадлежитъ историческая первичность поселенія у береговъ Двины и Курляндіи, литовскому или финскому племени, Д-ръ Биленштейнъ приходитъ къ выводу въ пользу перваго племени. Но всѣ доводы его, видимо вѣскіе, на самомъ дѣлѣ представляются мнѣ слабыми. Устарѣлый методъ, которымъ руководствовался г. Биленштейнъ при своихъ сужденіяхъ, именно словопроизводство мѣстныхъ географическихъ названій, взятыхъ безъ сравненія со сходными названіями въ другихъ странахъ, лишаетъ всѣ его соображенія, какъ бы они ни казались иногда правдоподобными, большаго довѣрія; но будучи примѣнимъ съ такою самоувѣренностью, какъ это дѣлаетъ г. Биленштейнъ, онъ ведетъ къ самымъ невѣроятнымъ сужденіямъ. Изъ приводимыхъ у него свѣдѣній о Венетахъ въ нашу пользу говорятъ слѣдующія: недалеко отъ впаденія р. Минье въ гавань, при широкомъ заливѣ, одна мѣстность у литовцевъ называется Wenczininkai (по латышски это слово звучало бы Wentineeki Биленшт.) и Винденбургъ (p. 95), и еще нынѣ Виндаускіе обитатели около Пильтена и въ сторону называются Wentini (p. 97). Затѣмъ производство названія мѣстности Cherenden (по акту 1253 г.), нынѣ Scherenden, Zerenden, между Алшвангеномъ и Гольдингеномъ, представляется мнѣ довольно правдоподобнымъ, а именно изъ ливскаго kärand—курчавая голова. По Биленштейну форма Cherenden ливская, а обѣ другія Scherenden, Zerenden видоизмѣненія чрезъ латышскую рѣчь (ср. Schkedes, Sprizis вмѣсто нѣм. Kette, Fritz и новѣйш. лат. Z вмѣсто древняго K, напр. Kepure, Zepure) p. 103. Для примѣра, какъ можно играть однимъ и тѣмъ-же методомъ, я укажу на одинъ только случай у г. Биленштейна: нѣсколько строкъ ниже тотъ же Биленштейнъ, силясь доказать первичность леттовъ въ Ливоніи, ссылается на латышское названіе Straupe, лив. Raupa, Ropa и утверждаетъ, что латышская форма первичная, такъ какъ ливы не могли произносить въ такой формѣ кореннаго латышскаго слова и выпустили потому одну начальную согласную. Если это справедливо, то г. Биленштейнъ долженъ былъ бы нѣсколько повыше также заключить, что нѣмецкое Kette и Fritz передѣланы съ латышскаго Schkedes и Sprizis.

Юрій Трусманъ.

Объ источникахъ сказки «О рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина.

Въ майской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1892 годъ напечатана статья В. В. Майкова подъ заглавіемъ: «Сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина и ея источники». На основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ и собственныхъ соображеній почтенный авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ объ источникахъ этой сказки: Такъ какъ связь сказки «О рыбакѣ и рыбкѣ» съ устными разсказами няни Пушкина не подтверждается черновыми рукописями поэта, а связь этой сказки съ «Пѣснями Западныхъ Славянъ» чисто внѣшняя: то остается принять за источникъ ея сообщеніе Даля, что̀ подтверждается и надписью Пушкина на рукописи сказки, подаренной Далю [1]). Сюжетъ сказки, говоритъ авторъ въ концѣ статьи, сообщенъ Пушкину Далемъ, а прототипъ ея можно видѣть въ нѣкоторыхъ сказкахъ у Аѳанасьева и Худякова. Поэтическое творчество поэта распространяло и развивало въ новые образы почти незамѣтныя черты своихъ источниковъ, нисколько не уклоняясь отъ общаго художественнаго колорита народной сказки. Аѳанасьевскій текстъ «Золотой рыбки», до такой степени сходный по содержанію и по отдѣльнымъ выраженіямъ съ сказкою Пушкина, происходитъ, по мнѣнію автора, уже изъ Пушкинской сказки: «Пушкинская сказка, проникнувъ въ народъ, сдѣлалась источникомъ этой послѣдней редакціи народнаго разсказа».

Мы ничего не имѣемъ противъ предположенія автора статьи, что источникомъ сказки Пушкина было сообщеніе Даля, но позволяемъ себѣ не согласиться съ нѣкоторыми дальнѣйшими выводами и предположеніями автора, а именно: 1) что Даль сообщилъ Пушкину только сюжетъ (канву) сказки и 2) что текстъ сказки «О золотой рыбкѣ» въ сборникѣ Аѳанасьева есть ничто̀ иное, какъ народная передѣлка (редакція) Пушкинскаго разсказа.

Дѣло въ томъ, что сюжетъ Пушкинской сказки не спеціально русскій; у Нѣмцевъ и Шведовъ существуютъ сказки на ту же самую тему. Этого

---

[1]) «Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ».

мало: сказки эти сходны съ Пушкинской не только по сюжету, но и по плану и даже по деталямъ. Особенно это сходство выступаетъ въ шведскомъ разсказѣ. Нельзя же думать, что Шведы и Нѣмцы заимствовали не только сюжетъ, но пріемы и подробности повѣствованія изъ Пушкинской сказки! Если мы не ошибаемся, первый томъ «Kinder-und Hausmärchen» изданъ Я Гриммомъ въ Берлинѣ въ 1812 году. А въ этомъ томѣ помѣщена и сказка: «Von dem Fischer un syne Fru». Правда, сказка эта во многихъ отношеніяхъ разнится отъ Пушкинскаго разсказа, но тема, общій планъ, а также нѣкоторыя детали одинаковы тамъ и здѣсь. Требованія старухи въ нѣмецкой сказкѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: старуха желаетъ сначала избу, потомъ—замокъ; за симъ она хочетъ быть королемъ, императоромъ, папой и, наконецъ, самимъ Богомъ.

Шведская сказка «Guldfisken» по сюжету, плану и отдѣльнымъ подробностямъ поразительно напоминаетъ разсказъ Пушкина. Единственная разница между ними, за исключеніемъ, конечно, спеціально русскихъ подробностей и выраженій въ сказкѣ Пушкина,—это первое желаніе старухи въ шведскомъ разсказѣ: имѣть достаточно хлѣба для пропитанія.

Что же удивительнаго и невѣроятнаго въ томъ, что и у насъ на Руси извѣстна была въ народѣ сказка «О золотой рыбкѣ», до такой степени сходная по содержанію и по отдѣльнымъ выраженіямъ съ сказкою Пушкина? Если мы вмѣстѣ съ В. В. Майковымъ будемъ отрицать существованіе подобнаго народнаго разсказа на Руси, то спрашивается; не естественнѣе ли и не проще ли тогда предположить, что Пушкинъ (положимъ, черезъ Даля) воспользовался для своего разсказа указанными чужеземными источниками, выпустивъ и измѣнивъ въ нихъ со свойственнымъ ему мастерствомъ то, что̀ онъ нашелъ несогласнымъ съ духомъ и колоритомъ русской народной сказки.

Намъ представляется болѣе удобнымъ и естественнымъ допустить заимствованіе Пушкинымъ сюжета, плана и даже отдѣльныхъ выраженій и пріемовъ изъ русскаго народнаго разсказа. Гораздо вѣроятнѣе, что Даль (или кто другой) сообщилъ ему не сюжетъ только, но болѣе или менѣе полный разсказъ близкій или тождественный съ сказкою «О золотой рыбкѣ», помѣщенной въ сборникѣ Аѳанасьева. Въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды искать объясненія плана, пріемовъ и подробностей Пушкинскаго разсказа въ иноземныхъ источникахъ или, какъ это дѣлаетъ авторъ статьи, въ другихъ русскихъ памятникахъ народнаго творчества.

„ЗОЛОТАЯ РЫБКА". СКАЗКА.

(переводъ со шведскаго) [1]).

На берегу морскаго залива стояла убогая избушка; въ избушкѣ жилъ старикъ со своей старухой. Жили они въ большой бѣднотѣ. У старика была сѣть, которою онъ ловилъ рыбу; такъ добывали они себѣ насущное пропитаніе [2]).

Разъ закинулъ старикъ сѣть въ море. Когда сталъ онъ тянуть ее вверхъ, она была тажела, тяжелѣе, чѣмъ когда-либо; онъ долженъ былъ налечь всѣми силами, чтобы вытащить ее наружу. Сталъ онъ осматривать сѣть, и сначала не нашелъ въ ней ничего, но подъ конецъ усмотрѣлъ онъ одну рыбку. Но такую удивительную рыбку онъ никогда прежде не видывалъ: рыбка была золотая.

И заговорила рыбка голосомъ человѣчьимъ: «не бери меня, старче, отпусти меня въ синее море; сдѣлаешь это, дамъ тебѣ все, чего ты только не попросишь у меня». Думалъ-думалъ старикъ, на послѣдокъ сказалъ: «ну, не надо мнѣ тебя, такъ ступай себѣ опять въ море»! [3]) Онъ бросилъ рыбку обратно въ море и пошелъ домой [4]). Дома жена спросила его: «ну, хорошъ былъ уловъ»? «О! я поймалъ лишь одну золотую рыбку, да и ту пустилъ назадъ въ море; она такъ мило просила меня, чтобъ я не бралъ ее. «Отпусти меня въ синее море, говорила она,—и я дамъ тебѣ все, чего ты ни попросишь у меня». Мнѣ стало жалко бѣдняжку, и я не взялъ съ нея выкупа, такъ пустилъ ее на волю».

«Старый дуралей! Счастье было у тебя въ рукахъ, и ты не умѣлъ пользоваться своей выгодой». Старуха не на шутку [5]) осердилась; она бранила старика изо дня въ день и не давала ему ни на минуту покоя. «Хоть бы ты выпросилъ у твоей рыбки немножко хлѣба. У насъ нѣтъ и корки (куска) хлѣба, чтобъ положить въ ротъ. Чѣмъ будемъ мы жить»? Подъ конецъ не выдержалъ старикъ; пошелъ онъ попытаться, не встрѣтить-ли онъ свою рыбку, и попросить у нея немножко хлѣба.

Когда пришелъ онъ внизъ на берегъ, началъ онъ изо всѣхъ силъ кликать: «Золотая рыбка! Золотая рыбка! Поди сюда, повернувъ хвостъ въ море, а голову ко мнѣ»! Рыбка тотчасъ-же приплыла къ берегу. «Что тебѣ надобно, старче»? спросила она. «Жена моя очень сердится; она послала меня сюда, чтобъ попросить у тебя хлѣба». «Ступай домой, старче; тамъ найдешь ты хлѣбъ въ избыткѣ».

Вернувшись домой, старикъ спросилъ: «ну, есть у тебя хлѣбъ»? «Да, сколько душѣ угодно; да вотъ бѣда случилась у насъ: стиральное корыто раскололось, намъ не въ чѣмъ бѣлье мыть. Поди, попроси у золотой рыбки новое корыто»!

Старикъ пошелъ внизъ къ морскому берегу и вновь сталъ кликать: «Золотая рыбка, поди сюда, повернувъ хвостъ въ воду, а голову ко мнѣ»! Приплыла золотая рыбка. «Что тебѣ надобно, старче»? спросила она. «Жена послала меня, она проситъ новое корыто». «Добро! Оно ужъ у тебя»!

Едва старикъ успѣлъ подойти къ двери, какъ старуха закричала: «ступай скорѣй опять на берегъ, старикъ, и проси золотую рыбку построить для насъ новую избу».

Снова пошелъ старикъ къ морскому берегу. «Золотая рыбка! Золотая рыбка! Поди сюда»! «Что тебѣ надобно»? спросила рыбка. «Построй намъ новую избу; жена—не въ духѣ; она говоритъ, что не хочетъ дольше жить въ старой избенкѣ, которая

---

[1]) «Svenska-Familj-Journalen», 1878, № 12, стр. 369—70: «Guldfisken», saga.

[2]) Начало нѣмецкой сказки также очень сходно: «Разъ были старикъ да старуха; жили они вмѣстѣ въ землянкѣ, у самаго моря. Старикъ ходилъ каждый день удить рыбу»...

[3]) Ut med dig=убирайся, вонъ.

[4]) Нѣм. текстъ: «и вернулся къ своей старухѣ въ землянку».

[5]) Rigtigt=дѣйствительно.

того и гляди рухнетъ». «Не печалься, старче; ступай домой и молись Богу,—желаніе твое исполнится».

Старикъ вернулся домой. На дворѣ стояла дубовая изба съ нарядными прикрасами. Старуха вышла къ нему на встрѣчу; она была злѣе, чѣмъ когда либо, и закричала на него громче обыкновеннаго: «Старый дуралей! Не умѣешь ты пользоваться своимъ счастіемъ: просишь одну новую избу и думаешь, что и вправду ты не промахъ. Ступай назадъ къ золотой рыбкѣ и скажи ей: моя старуха не хочетъ быть дольше простой крестьянкой; она хочетъ быть принцессой и повелѣвать многими слугами».

Пошелъ старикъ къ морю и справилъ порученіе.

«Добро» сказала рыбка,—«будетъ по твоему».

Воротился старикъ домой и видитъ предъ собой трехъэтажный каменный домъ; на дворѣ толпятся слуги, а на кухнѣ повара. Жена сидитъ госпожею въ шитомъ золотомъ и серебромъ нарядѣ и раздаетъ приказанія. «Здравствуй, старуха моя»! «Слышь, эдакій простофиля! Меня, принцессу, зоветъ своей женой! Свести его внизъ на конюшню и задать добрую порку»!

Подбѣжали слуги, схватили бѣднягу старика, привели въ конюшню и угостили здѣсь его хорошей баней. Послѣ такого славнаго дѣла старуха сдѣлала мужа дворникомъ. Она велѣла дать ему метлу и приказала, чтобъ онъ чистилъ дворъ и ѣлъ на кухнѣ.

«Экая вѣдьма», думалъ про себя бѣдняга старикъ; «выпало на ея долю счастье, она и катается въ немъ, какъ какая нибудь . . . Теперь она уже не хочетъ признать меня своимъ мужемъ»!

Нѣсколько времени спустя [1]) соскучилась старуха быть принцессой. Она приказала позвать къ себѣ старика и сказала ему: «Старый дуралей! Поди, отыщи золотую рыбку; скажи ей: жена моя не хочетъ дольше быть принцессой; она хочетъ быть царицей». Старикъ исполнилъ порученіе. «Добро, сказала рыбка,—ступай домой и молись Богу, такъ будетъ по твоему».

Старикъ отправился домой. Видитъ: предъ нимъ дворецъ съ золотою кровлей. Предъ дворцемъ стоятъ солдаты, не даютъ ему войти. Позади дворца раскинулся большой паркъ, а передъ нимъ стелется зеленый лугъ; на лугу собрано войско.

Старуха вышла на балконъ, одѣтая въ царскій нарядъ и окруженная генералами. Барабаны били дробь, музыка гремѣла, солдаты кричали ура.

Прошло нѣсколько времени, соскучилась старуха быть и царицей. Приказала она разыскать старика и привести предъ ея величество. Поднялась суматоха, генералы встревожились, царедворцы говорили: какой это старикъ? Каковъ онъ на видъ? Наконецъ отыскали старика гдѣ-то на заднемъ дворѣ и привели его къ царицѣ. «Слушай, старый дуралей! Поди, отыщи золотую рыбку и скажи ей: жена моя не хочетъ дольше быть царицей (kejsarinna); хочетъ быть она владычицей морской (drottning), хочетъ повелѣвать всѣми морями и всѣми рыбами». Старикъ осмѣлился перечить. «Иди сію минуту, а не то велю снять съ тебя голову!».

Собрался съ духомъ старикъ и пошелъ къ морскому берегу. Придя туда, сталъ онъ кликать: «Золотая рыбка! Золотая рыбка! Поди сюда, повернувъ хвостъ въ воду, а голову ко мнѣ»! Рыбка не показывалась. Старикъ кликнулъ еще разъ, но рыбка не являлась. Сталъ онъ кликать рыбку въ третій разъ. Заволновалось тутъ море, закипѣло; минуту назадъ было оно прозрачное и синее, а теперь почернѣло, какъ смола [2]). Золотая рыбка приплыла къ берегу. «Что тебѣ надобно, старче»? «Старуха моя начинаетъ изъ ума выживать. Она уже не хочетъ дольше быть царицей; она хочетъ

---

[1]) У Пушкина: «вотъ, недѣля-другая проходитъ»; въ нѣм. текстѣ: «so güng dat wol'n acht oder voertein Dag»

[2]) У Пушкина: «на морѣ черная буря—такъ и вздулись сердитыя волны, такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ». Въ нѣм. текстѣ: un de Himmel wöör ganz pickswart, un dat dunnerd un blitzd, un de See güng in so hoge swarte Bülgen, as Kirchentöörn un as Baarge, un de hadden bawen all ene witte Kroon von Schuum up».

быть владычицей морской, править всѣми водами и имѣть всѣхъ рыбъ у себя въ услуженіи». Ничего не отвѣтила старику рыбка и нырнула внизъ на дно морское.

Старикъ идетъ назадъ во дворецъ. Смотритъ онъ вокругъ себя и съ трудомъ вѣритъ своимъ глазамъ: дворецъ исчезъ. Тамъ, гдѣ онъ стоялъ, видитъ онъ лишь ветхую избушку, а въ избушкѣ старую старуху.

Начали они жить, какъ жили въ старые дни. Старикъ принялся опять за рыбную ловлю; но напрасно закидывалъ онъ свои сѣти въ море: ему уже никогда болѣе не привелось поймать золотую рыбку.

«Kinder und Hausmärchen», gesammelt durch die Brüder Grimm. Grosse Ausgabe, 1 Bd. По 7 изданію (Göttingen, 1857), p. 100—9: «Von dem Fischer un syne Fru». Сказка записана Рунге на померанскомъ нарѣчіи и въ 1809 году сообщена была Арнимомъ издателямъ сборника. Въ Гессенѣ также часто можно слышать эту сказку, хотя здѣсь она разсказывается менѣе полно и съ уклоненіями отъ помѣщеннаго въ сборникѣ текста. Въ Гессенѣ она извѣстна подъ названіемъ: «Vom Männchen Domine (иначе—von Hans Dudeldee) und Frauchen Dinderlinde». Въ альманахѣ Ю. Кернера за 1812 годъ (стр. 50—54) находится сказка, написанная стихами (Knittelversen), по содержанію сходная съ предыдущею, вѣроятно, въ южногерманской версіи. Рыбакъ зовется Hans Entender. Во второмъ изданіи дѣтскихъ сказокъ А. Я. Гримма (Heidelberg, 1817) помѣщена сказка о рыбакѣ, но въ прозѣ, по содержанію тождественная съ послѣднею. Сравн. также у Куна (Kuhn)— De Kossät und süne Fru (№ 6) и въ Firmenichs Völkerstimme: «Et golde Fiske» (p. 377).—Начало сказки замѣчательно напоминаетъ одинъ разсказъ изъ 1001 ночи (1, 107 histoire de pecheur), а равно Валлійскую сказку у Talisien'a (Сравн. Altd. Wälder 1, 70.). Похожее начало имѣетъ также одна финская сказка (Freimutige, 1834, № 253—256). Подробнѣе объ этомъ въ III томѣ «Kinder und Hausmärchen» (во второмъ изданіи — Göttingen, 1856—p. 28—9).

Свящ. П. Р—въ.

Стокгольмъ.

ОТДѢЛЪ II.

Ритуалъ сибирской свадьбы.

Къ числу самыхъ раннихъ проявленій культурной жизни человѣчества принадлежитъ, безъ сомнѣнія, институтъ брака: древность его можно считать почти одинаковой съ древностью религіи. И это естественно: по мнѣнію многихъ ученыхъ—семья была первою ячейкою, розмноженіе которой создало человѣческое общество; и если это справедливо, то конечно брачный союзъ между мужчиной и женщиной не могъ избѣгнуть общественнаго контроля, выражающагося въ совокупности самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ формальностей и обычаевъ, которыми обставляется заключеніе брачнаго союза. Само собой разумѣется, что характеръ всѣхъ этихъ обычаевъ и формальностей зависитъ отъ культурнаго уровня того общества, среди котораго они возникаютъ. Христіанство значительно упростило эти обычаи, ограничивъ ихъ только заключеніемъ брака въ церкви и не иначе, какъ ея служителемъ; институтъ такъ называемаго гражданскаго брака, принятаго въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, еще болѣе сократилъ количество брачныхъ формальностей, считая бракъ вполнѣ законнымъ, если условія его занесены въ книгу мѣстнаго нотаріуса; а общественное самосознаніе уничтожило въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Англіи, и всѣ тѣ пиршества и празднества, которыми сопровождался бракъ въ прежнее время, установивъ, какъ обычай, свадебное путешествіе новобрачныхъ тотчасъ по совершеніи брака.

Среди низшихъ классовъ однако сохраняется множество брачныхъ обычаевъ, являющихся, безъ сомнѣнія, остатками самой сѣдой и притомъ языческой старины; среди нашего народа, не смотря на простоту православнаго брака, ни одно событіе частной и общественной жизни не обставлено такимъ множествомъ формальностей, какія сопровождаютъ заключеніе брачнаго союза—до и послѣ его освященія церковью. Можно сказать, что самый важный актъ брака—вѣнчаніе—просто теряется среди обилія тѣхъ обычаевъ и формальностей, которыми полна деревенская свадьба. Трудно сомнѣваться въ томъ, что эти пережитки давно изчезнувшихъ общественныхъ формъ жизни представляютъ значительный бытовой и даже научный интересъ. Автору этихъ строкъ пришлось познакомиться довольно близко съ ритуаломъ сибирской свадьбы, и онъ позволяетъ себѣ предложить свои наблюденія вниманію публики.

Обычаи сибирской свадьбы таковы, что они представляютъ еще спеціальный интересъ: они, во-первыхъ, носятъ нѣсколько азіатскій оттѣнокъ, и во-вторыхъ, могутъ считаться до нѣкоторой степени источникомъ обѣднѣнія сибирскихъ крестьянъ.

То, что мы называемъ азіатскимъ оттѣнкомъ, заключается въ обычаѣ «запроса», который сами крестьяне называютъ татарскимъ словомъ «калымъ»: женихъ долженъ заплатить за невѣсту извѣстную сумму денегъ, чтобы она могла сдѣлаться его женой. Правда, деньги эти возвращаются въ семью жениха, такъ какъ невѣста не оставляетъ ихъ своему отцу, а заводитъ на нихъ такіе предметы приданаго, которыхъ она не выработала своимъ домашнимъ трудомъ или которыхъ ей не даютъ родители; «запросъ», «калымъ» почти весь идетъ на покупку предметовъ роскоши: «дипломатовъ», «боти-

нокъ», шелковыхъ платьевъ и платковъ, шерстяныхъ шалей и т. п. Съ другой стороны, если женщина приноситъ съ собой «калымъ» обратно въ семью мужа, то всетаки онъ считается ея личною собственностью и въ случаѣ смерти мужа остается не въ его семьѣ, а у вдовы; и если она вторично выходитъ замужъ, то «калымъ» не отбирается у нея.

Обычай этотъ, вѣроятно, возникъ частью отъ сосѣдства съ киргизами кочевниками, а болѣе всего отъ первоначальнаго характера колонизаціи Сибири: при малочисленности населенія, когда рабочая и производительная сила женщины особенно цѣнится, при значительномъ наплывѣ въ Сибирь разныхъ удальцовъ—конечно безсемейныхъ—при обоихъ этихъ условіяхъ немудрено возникнуть обычаю «калыма», какъ выразителю численнаго преобладанія мужчинъ надъ женщинами. Въ настоящее время, когда населеніе Сибири все болѣе и болѣе увеличивается—благодаря всякаго рода колонизаціи—вольной и невольной, организованный и безпорядочный—обычай «запроса», «калыма» начинаетъ исчезать: крестьяне—особенно небогатые—женятся «убѣгомъ», т. е. тайно отъ родителей; тайна эта однако не составляетъ для послѣднихъ секрета; обыкновенно это дѣлается съ согласія родителей той и другой стороны, хотя и съ неохотой со стороны отца невѣсты, которому въ этомъ случаѣ всетаки дается «за руку» вино. Такая свадьба «убѣгомъ» избавляетъ жениха не только отъ «калыма», но и отъ большей части расходовъ по угощенію родственниковъ и знакомыхъ: «убѣгъ» всетаки считается неприличіемъ, и на такую свадьбу приглашаютъ только самыхъ близкихъ людей, причемъ празднованіе совершается очень скромно—безъ всякаго шума, звона и треска.

Что касается до раззорительности сибирской свадьбы (главнымъ образомъ, впрочемъ, для семьи жениха), то это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ той мѣстности, свадебные обычаи которой мы будемъ далѣе описывать. Расходъ жениха состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) «запросъ», или «калымъ» невѣстѣ—80 р.; 2) отцу невѣсты «за руку» (т. е. за согласіе) вина 4 ведра по 6 р.—24 р.; 3) для гулянки въ домѣ жениха водки 6 ведеръ—36 р.; 4) вѣнчаніе—10 р.; 5) роднѣ невѣсты на подарки (пряниками и мыломъ) около 3 р.; 6) рыбы для пироговъ не менѣе 2 пудовъ по 2 р.—4 р.; 7) масла коровьяго одинъ пудъ—7 р.; 8) мяса 2 пуда по 1 р. 50 к.—3 р.; 9) чаю 2 фунта по 1 р. 50 к.—3 р.; 10) сахару 10 фунтовъ по 20 к.—2 р.; 11) орѣховъ, пряниковъ и карамели на 2 р.; 12) муки пшеничной 4 пуда по 70 к.—2 р. 80 к.. Всего будетъ стоить свадьба для жениха 176 р. 80 к. Замѣтимъ, что всѣ цифры взяты для крестьянина средняго состоянія; богатые крестьяне тратятъ вдвое и втрое болѣе вышеприведенныхъ цифръ: одинъ «калымъ» увеличивается до 200—300 р. и доходитъ иногда до 500 р.

Но свадебные расходы не исчерпываются издержками одного жениха; будущій тесть устраиваетъ у себя такую же гулянку, какъ и семья жениха; водки ему покупать не надо—ее онъ получилъ «за руку» отъ свата; но всякое угощеніе—рыба, мясо, масло, пряники, чай, сахаръ и т. д.—все это онъ долженъ купить въ томъ же размѣрѣ, какъ и женихъ, потому-что число пирующихъ въ его домѣ то же самое, какъ и въ домѣ жениха; поэтому, тестю гулянка стоитъ не менѣе 24 р.

Свадебные гости, которые «гуляли» у жениха и невѣсты и которыхъ съ той и другой стороны приблизительно по 6 человѣкъ, также устраиваютъ гулянки, на которыя приглашаются молодые съ ихъ ближайшими родственниками; эти гулянки, конечно, обходятся уже дешевле, потому-что и число пирующихъ меньше, и происходятъ онѣ втеченіе одного только дня, да и пьютъ тутъ сравнительно меньше (напримѣръ водки—1 ведро); по сдѣланнымъ разсчетамъ такія гулянки обходятся около 11 рублей для каждаго изъ свадебныхъ гостей; а такъ какъ ихъ бываетъ около 12 человѣкъ, то въ общей сложности расходъ на эти гулянки доходитъ до 132 р.

Повторяемъ, что мы взяли вездѣ среднія цифры для средне-зажиточныхъ крестьянъ; и мы видимъ, что свадебные расходы достигаютъ очень солидныхъ цифръ: женихъ истратитъ до 177 р., тесть—до 24 р., гости—не менѣе 132 р., т.е. всего около 333 рублей.

Попытаемся сосчитать, во что обойдется стоимость свадьбы для цѣлаго селенія.

Для примѣра мы возьмемъ д. Нагорскую, Утякской волости, Курганскаго округа, Тобольской губерніи [1]). Въ этомъ селеніи около 1000 наличныхъ душъ обоего пола, дворовъ 157, въ которыхъ 485 надѣльныхъ по землѣ и по податямъ душъ; всѣхъ налоговъ (казенныхъ и мірскихъ) приходилось въ 1888 г. по 4 р. 46,65 к. съ души, а всего съ 485 душъ—2,166 р. 25¼ к. Ежегодно въ этомъ селеніи играется отъ 8 до 9 свадьбъ; считая въ среднемъ 8½ свадьбъ и помножая эту цифру на 333 р., получимъ ежегодный свадебный расходъ селенія въ 2,830 р. 50 к.—т. е. на ¼ часть больше общей суммы всѣхъ налоговъ, которые платитъ крестьянская земля въ пользу казны и на общественные по волости и селенію расходы [2]).

Можетъ представиться возраженіе, что нашъ разсчетъ невѣренъ потому, что мы относимъ свадебные расходы на одну деревню, между тѣмъ какъ—въ случаѣ «привода» невѣсты изъ другого селенія—значительная часть расходовъ—со стороны невѣстиной родни—падетъ на другое селеніе; но если д. Нагорская беретъ извѣстное число невѣстъ изъ другихъ мѣстъ, то столько же приблизительно отдастъ туда своихъ дѣвицъ; и слѣдовательно расчетъ остается такимъ, какъ бы всѣ свадьбы происходили между жителями одной только д. Нагорской.

Мы видимъ, какое громадное чисто экономическое значеніе имѣетъ бракъ среди сибирскихъ крестьянъ: расходы на свадьбы значительно превышаютъ все податное обложеніе ихъ земель; хозяйственно-экономическое значеніе этихъ тратъ еще болѣе возрастетъ, если мы примемъ во вниманіе, что они единовременны для всѣхъ участниковъ свадьбы: въ то время, какъ податная тяжесть раскладывается на всѣхъ домохозяевъ сообразно количеству владѣемой каждымъ земли,—свадебные расходы падаютъ главнымъ образомъ на домохозяйство жениха. Понятно, что въ случаѣ отсутствія сбереженій это домохозяйство неизбѣжно должно входить въ долги, уплата которыхъ производится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ, конечно, платятся ростовщическіе проценты. Явленіе это можно считать почти обычнымъ, такъ какъ самая характерная черта сибирскаго крестьянина, воспитанная трехвѣковымъ земельнымъ привольемъ, состоитъ именно въ отсутствіи бережливости. Въ прежнія времена—лѣтъ 50—100 тому назадъ—быть можетъ свадебная расточительность была вполнѣ умѣстна и естественна, такъ какъ земли были свѣжи и не выпаханы, да и пространства ихъ столь обширны, что можно было выбирать любой участокъ для распашки и посѣва. Прибавимъ къ этому, что исчезнувшее въ настоящее время обиліе лѣсовъ было громаднымъ резервуаромъ влаги, предохранявшимъ земледѣліе отъ тѣхъ губительныхъ засухъ, которыя въ настоящее время составляютъ бичъ земледѣлія южной полосы Западной Сибири и приводятъ къ страшнымъ голодовкамъ (особенно для скота) на громадныхъ пространствахъ.

Въ описываемой мѣстности—т. е. въ Курганскомъ округѣ (да и въ близь лежащихъ около него—Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Ишимскомъ) земельный просторъ, позволявшій вести залежное и переложное хозяйство, составляетъ уже преданіе довольно далекаго прошлаго; въ средней сложности по всему Курганскому округу едва-ли найдется болѣе 12—13 десятинъ всѣхъ угодій на наличную душу мужскаго пола; и есть волости, гдѣ приходится уже не болѣе 9 десятинъ на наличную душу. Если принять еще во вниманіе то обстоятельство, что, благодаря уничтоженію лѣсовъ, климатъ дѣлается все болѣе и болѣе рѣзкимъ, и земледѣліе превращается просто въ лоттерею, то стано-

[1]) Обычаи сибирской свадьбы, которые мы будемъ дальше излагать, сообщены намъ крестьяниномъ именно этого селенія, Василіемъ Федоровичемъ Бобковымъ, человѣкомъ зажиточнымъ, обстоятельнымъ и хорошо знающимъ свадебные обычаи, такъ какъ самъ онъ на свадьбахъ играетъ почетную роль «вѣжливца» или церемоніймейстера. Считаемъ долгомъ благодарить здѣсь В. Ф. Бобкова за подробные разсказы намъ о всякихъ сибирскихъ обычаяхъ.

[2]) Въ настоящее время—послѣ двухъ-лѣтней голодовки въ Курганскомъ округѣ—расходы крестьянъ на свадьбы значительно сократились. Наши цифровыя свѣдѣнія о цѣнахъ на продукты, о податяхъ и т. п. относятся къ 1889 г., когда мы производили хозяйственно-экономическое изслѣдованіе Курганскаго округа по распоряженію г. Министра Государственныхъ Имуществъ.

вится понятной необходимость продовольственныхъ запасовъ не только для людей, но и для скота, и притомъ не на одинъ годъ, а на два, потому-что здѣсь бываютъ неурожаи по два и по три года сряду—какъ напримѣръ 1890 и 1891 гг. въ юго-западной части Курганскаго округа и въ 1883, 1884 и 1885 г. во всемъ округѣ.

Изъ предыдущаго видно, что привычки, воспитанныя земельнымъ просторомъ, свѣжестью пахатныхъ земель и сравнительной обезпеченностью урожаевъ, совершенно уже не соотвѣтствуютъ ни хозяйственнымъ, ни экономическимъ условіямъ настоящаго времени. Ясно, что если прежде можно было ради свадебъ залѣзать въ долги въ разсчетѣ на богатство природы и на щедрую оплату крестьянскаго труда, теперь—когда надвигается со всѣхъ сторонъ земельное утѣсненіе (мы говоримъ о юго-западной части Тобольской губ.) и когда природа сдѣлалась до послѣдней степени скупа—теперь свадьбы надо дѣлать не только на сбереженіе предыдущихъ лѣтъ, но и вообще слѣдуетъ сокращать эти расходы—во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, непроизводительные.

Еслибы свадебные расходы заключались главнымъ образомъ въ гулянкахъ и пьянствѣ, еслибы они вытекали исключительно изъ одного желанія повеселиться по случаю радостнаго событія для двухъ крестьянскихъ семействъ, то въ такомъ случаѣ сокращеніе свадебныхъ расходовъ зависѣло бы исключительно отъ одного только развитія бережливости въ средѣ сибирскаго крестьянства. Дѣло однако обстоитъ совершенно иначе: оказывается, что выработанный вѣками свадебный ритуалъ не только крайне сложенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязателенъ, если только брачущіеся желаютъ, чтобы ихъ свадьба считалась приличною. А строгость, съ которою крестьяне относятся къ соблюденію приличій, можетъ быть сравниваема только съ обычаями high life'a; конечно, это очень смѣшно, что тотъ же крестьянинъ, который на улицѣ «матерится» трехъэтажными ругательствами и нерѣдко пьяный безобразно валяется около кабака—этотъ же самый мужикъ, когда придетъ въ гости или самъ принимаетъ гостей, становится чрезвычайно щепетильнымъ и обидчивымъ, если не соблюдетъ мельчайшихъ вѣжливостей и церемоній, освященныхъ вѣками. Но смѣшно или не смѣшно это—несомнѣненъ только тотъ фактъ, что у крестьянъ есть свое представленіе о «хорошемъ тонѣ», соблюденіе котораго столь же обязательно, какъ въ самомъ чопорномъ обществѣ.

Само собой понятно, что если «хорошій тонъ» обязателенъ при обыкновенныхъ пріемахъ гостей, то такое торжество, какъ свадьба, требуетъ уже настоящихъ церемоній. И дѣйствительно—церемоніи сибирской свадьбы настолько сложны и многочисленны, что жизнь выработала даже особыхъ знатоковъ свадебнаго ритуала, настоящихъ церемоніймейстеровъ, которыхъ народъ называетъ чисто русскимъ словомъ: «вѣжливецъ», «большакъ». Необходимо однако замѣтить, что вѣжливецъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію церемоніймейстера; роль эта есть остатокъ древнѣйшихъ суевѣрій, предполагающихъ, что бракъ окруженъ вліяніемъ темныхъ силъ, которыя могутъ повредить счастливому супружеству. Судя по сознанію самихъ крестьянъ и по тѣмъ манипуляціямъ, которыя производитъ вѣжливецъ и которыя будутъ описаны впослѣдствіи, вѣжливецъ или большакъ считается до нѣкоторой степени колдуномъ, предохраняющимъ теченіе свадьбы отъ вліянія другихъ колдуновъ, дѣйствующихъ или по собственной злобѣ на брачущихся, или по подговору ихъ враговъ. Не пригласить на свадьбу вѣжливца—это значитъ, по мнѣнію крестьянъ, не только запутаться въ сложныхъ обрядностяхъ свадьбы и сдѣлать множество неприличій и безтактностей по отношенію къ самымъ близкимъ и почетнымъ лицамъ; это значитъ не только сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлаго селенія, такъ какъ вся свадьба вышла бы «не по людски»,—неприглашеніе вѣжливца ведетъ еще, по всеобщему мнѣнію крестьянъ, къ тому, что самый бракъ будетъ несчастливъ, что въ немъ не будетъ супружеской любви, независимо отъ того, что въ теченіе самой свадьбы можетъ случиться какое-нибудь несчастіе.

Въ виду всего изложеннаго на каждую свадьбу приглашается вѣжливецъ, который завѣдуетъ всѣмъ церемоніаломъ, играетъ самую почетную роль и получаетъ отъ невѣсты самые лучшіе дары.

Когда черезъ свахъ становится извѣстно, что родители дѣвушки согласны выдать ее замужъ, то отецъ жениха пріѣзжаетъ къ нимъ въ домъ для переговоровъ о матеріальной сторонѣ брака. Для родителей невѣсты не считается обязательнымъ давать дѣвушкѣ приданое; все, что̀ она уноситъ изъ дома отца, она пріобрѣла сама—или денежнымъ заработкомъ на лѣтнихъ работахъ, или пряжей и тканьемъ изъ собственнаго льна. Надо замѣтить, что когда ленъ сѣется крестьяниномъ не для продажи, а для собственныхъ домашнихъ надобностей, то обыкновенно онъ засѣваетъ столько «лѣхъ» или «загоновъ» [1]), сколько въ семьѣ женщинъ-работницъ; этотъ ленъ находится въ полномъ распоряженіи женщинъ, и все, что̀ останется послѣ постройки необходимаго для семьи бѣлья, считается полною собственностью женщинъ; изъ нихъ замужнія продаютъ холсты, а дѣвушки берегутъ ихъ себѣ на приданое.

Если родители даютъ что-нибудь дѣвушкѣ, то это считается добровольнымъ ихъ даромъ и называется «благословеніемъ»: «родитель мнѣ благословилъ корову да телушку», выражается невѣста о такихъ подаркахъ.

Такъ какъ родители невѣсты приданаго не даютъ, то суть переговоровъ, на такъ называемомъ «сосватаніи» главнымъ образомъ сосредоточивается на величинѣ «калыма» или «запроса» и на размѣрѣ количества вина, которое дается будущему тестю «за руку», т. е. за согласіе. Само собой разумѣется, что всѣ эти переговоры имѣютъ видъ настоящаго торга, въ которомъ каждая сторона стремится выгадать свои интересы; надо замѣтить, что отецъ невѣсты оказывается всетаки болѣе уступчивымъ въ величинѣ «калыма», чѣмъ въ количествѣ ведеръ водки, слѣдующихъ ему «за руку». Это естественно: «калымъ» идетъ въ пользу невѣсты, которая нашьетъ себѣ на него наряды, и, конечно, унесетъ ихъ въ домъ жениха; деньги же «за руку» идутъ исключительно въ пользу тестя, хотя, впрочемъ, на совершенно опредѣленный предметъ—именно на покупку водки для свадебнаго торжества въ его домѣ; если онъ получитъ «за руку» мало денегъ, то онъ долженъ будетъ устроить скудную гулянку и «осрамиться» передъ сосѣдями; а если не захочетъ «срамиться», то долженъ приложить своихъ денегъ. Бываютъ поэтому случаи, когда сваты, согласившись въ размѣрѣ калыма, расходятся изъ-за суммы денегъ «за руку»; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда свадьба совершается «убѣгомъ» и когда «калыма» женихомъ не платится—всетаки тесть получаетъ нѣкоторую сумму «за руку», хотя уже и въ меньшемъ противъ обыкновеннаго размѣрѣ, потому-что въ этихъ случаяхъ гулянка дѣлается самая скромная.

Сосватаніе и всѣ переговоры, сопровождающіе его, всегда ведется въ присутствіи третьяго лица, которое называется «сватовщикомъ»; когда будущіе сваты во всемъ согласились, то передъ иконами зажигаются восковыя свѣчи, всѣ молятся Богу, и совершается рукобитіе между отцами жениха и невѣсты. Съ этого момента дѣвушка считается просватанной и начинается снаряженіе приданаго.

Необходимымъ свадебнымъ праздникомъ является въ Сибири, какъ и вездѣ въ Россіи, дѣвишникъ, на который приглашаются—по зову отца невѣсты—его родственники, а по зову ея матери—сосѣднія дѣвушки или вообще ея подруги. Число приглашенныхъ родственниковъ зависитъ отъ обилія родства; обыкновенно ихъ бываетъ около 6 человѣкъ. На дѣвишникъ является и женихъ со своими родителями; невѣста одариваетъ жениха какъ своими издѣліями (скатерти, полотенца, ковры, одѣяла и т. п.), такъ и покупной «цвѣтнинной»—шалями, подшалками, платками; всѣ эти подарки жениху впослѣдствіи, послѣ замужества дѣвушки, переходятъ къ ней назадъ и считаются ея собственностью. Такіе же подарки невѣста подноситъ и свекру со свекровью; эти подарки ей послѣ замужества не возвращаются и остаются въ собственности родителей жениха. Какъ женихъ, такъ и его родители тутъ же отдариваютъ невѣсту, кладя на подносъ деньги.

Послѣ окончанія процедуры одариванія начинается пирушка, причемъ родители

---

[1]) Лѣха или загонъ—извѣстная часть десятины, зависящая отъ размѣровъ послѣдней; если десятина имѣетъ 2500 кв. с., то лѣха=5×50=250 кв. с.; если десятина 3600 кв. с., то лѣха 5×60=300 кв. с., т. е. въ этой десятинѣ 12 лѣхъ или загоновъ, а въ десятинѣ 2500 кв. с.—только 10 лѣхъ.

жениха занимаютъ самое почетное мѣсто, а сосватанные садятся между ними. Женихъ и невѣста вина не пьютъ, прочіе же увеселяются по мѣрѣ силъ, такъ что «иногда бываетъ, что кто гдѣ сидѣлъ, тутъ и уснулъ». Словомъ—настоящая попойка, въ которой, впрочемъ, молодежь не участвуетъ; дѣвушки обыкновенно выходятъ съ парнями на улицу и катаются на жениховыхъ лошадяхъ. Возвратившись въ избу, дѣвушки поютъ, такъ называемые «припѣвки», за которыя получаютъ деньги отъ восхваляемыхъ «припѣвками» лицъ. Содержаніе припѣвковъ очень однообразно и заключается въ похвалахъ красотѣ и достоинству мужчины или женщины; кромѣ того въ нихъ выражаются различныя пожеланія: холостому—чтобы его полюбила та дѣвушка, которая ему нравится; женатымъ и замужнимъ высказываются пожеланія счастья отъ дѣтей, причемъ и послѣднія восхваляются. Впослѣдствіи мы приведемъ нѣсколько такихъ «припѣвковъ».

По окончаніи дѣвишника женихъ, свекоръ со свекровью и всѣ гости разъѣзжаются по домамъ, а дѣвушки остаются въ домѣ невѣсты до самой свадьбы, помогая ей снаряжать приданое. Дѣвушки живутъ у своей просватанной подруги недѣлю, а иногда и болѣе—словомъ до самаго момента вѣнчанія. Такъ какъ число приглашенныхъ дѣвушекъ и подругъ невѣсты простирается иногда до 10, то кормить ихъ втеченіе 7—14 дней составляетъ, конечно, большой разсчетъ для семьи невѣсты, тѣмъ болѣе, что, какъ мы выше видѣли, весь строй сибирской свадьбы приспособленъ къ наименьшимъ тратамъ невѣстиной семьи. Для того, чтобы приглашенныя дѣвушки не обременяли семьи своей подруги, выработался слѣдующій обычай После сумерокъ всѣ дѣвушки (кромѣ, конечно, невѣсты) отправляются на лошадяхъ ея отца подъ окна къ кому-нибудь изъ приглашенныхъ на свадьбу и бывшихъ на дѣвишникѣ гостей; одна изъ дѣвушекъ принимаетъ на себя роль невѣсты и причитаетъ, а остальныя въ тактъ ея причитанью поютъ пѣсню: «Отказалъ родимый батюшка мнѣ отъ хлѣба и отъ соли, и мнѣ теперя горе-горькой скитатися по міру, по крещеному» и т. д. Затѣмъ входятъ въ домъ и говорятъ стишокъ: «покатилось колесничко вдоль по тесничкѣ [1])—по пиво, по шаньгѣ [2]), по мягкій хлѣбъ» и т. д. Хозяинъ дома надѣляетъ дѣвушекъ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ—окорокомъ мяса, рыбой и т. п.; а на другой день хозяйка дома стряпаетъ гостинцы—для невѣсты и для дѣвушекъ особо—и къ обѣду сама сноситъ приготовленное въ домъ невѣсты. Вечеромъ дѣвушки опять пріѣзжаютъ подъ окна этого дома и поютъ хотя жалобныя причитанья, но уже въ благодарственномъ смыслѣ; а затѣмъ отправляются къ другому двору изъ приглашенныхъ на свадьбу и повторяютъ ту же исторію. Такъ и пропитываются дѣвушки во все время между дѣвишникомъ и вѣнчаніемъ.

На другой день послѣ дѣвишника отецъ жениха созываетъ своихъ родственниковъ «смотрѣть дары», которые были поднесены невѣстой на дѣвишникѣ. Въ этомъ собраніи никакого угощенія не дѣлается; оно имѣетъ, во-первыхъ, то значеніе, чтобы родственники и знакомые знали, кто изъ нихъ приглашается къ участію въ свадьбѣ: которые не были приглашены на «смотрѣніе даровъ», не будутъ участвовать въ свадьбѣ; во-вторыхъ, родители жениха оповѣщаютъ о днѣ свадьбы и просятъ всѣхъ быть готовыми къ этому дню. Послѣ родственниковъ приглашаются сосѣднія дѣвушки покататься на лошадяхъ жениха, а затѣмъ помочь его матери стряпать пельмени и коральки [3]).

До самой свадьбы въ домѣ жениха не совершается никакихъ церемоній—даже дѣвушки никакихъ пѣсенъ не поютъ. За то отцу жениха, какъ говорится, «хлопотъ—полонъ ротъ», особенно если невѣста изъ другаго прихода: въ этомъ случаѣ необхо-

---

[1]) Тесница, тесничка—узкая тонкая дощечка.

[2]) Шаньга—лепешка изъ кислаго тѣста; скоромная дѣлается на коровьемъ маслѣ и сверху намазывается смѣсью творога со сметаною; постная—на постномъ маслѣ, а сверху намазывается смѣсью тертаго картофеля съ постнымъ масломъ; очень вкусныя лепешки, особенно горячія

[3]) Маленькіе сдобные крендельки—у богатыхъ изъ крупчатки, у бѣдныхъ—изъ обыкновенной пшеничной муки.

димо достать метрическую справку о лѣтахъ невѣсты, за что платится въ пользу причта отъ 4 до 10 руб. Со своимъ причтомъ также не мало хлопотъ: свадьбы—это особливо доходная статья священниковъ, изъ которой они стараются извлечь возможно больше пользы. Надо замѣтить, что хотя въ Сибири священники получаютъ жалованье и имѣютъ въ размежеванныхъ волостяхъ земельный надѣлъ въ 99 дес. на причтъ, тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстностяхъ они ѣздятъ съ «поборомъ» до 6 разъ въ годъ; не всѣ крестьяне щедры въ этихъ добровольныхъ подаяніяхъ священству—и послѣдніе замѣчаютъ особенно выдающихся скрягъ; и вотъ если такому крестьянину придется дѣлать свадьбу, то ужь ему припомнятъ его скупость при «поборахъ» и возьмутъ за вѣнчаніе весьма приличную сумму—до 20 и болѣе рублей. Конечно, оно отзывается вымогательствомъ, но въ защиту священства надо сказать то, что сибирскій крестьянинъ крайне равнодушенъ и къ религіи, и къ нуждамъ ея служителей. Намъ извѣстенъ, напр., такой случай: одинъ священникъ, уже пожилой и весьма почтенный, послуживъ въ разныхъ мѣстахъ Тобольской епархіи, возвратился къ себѣ на родину, занялъ мѣсто своего покойнаго отца—тоже священника. Желая уничтожить непріятный обычай торга за вѣнчанье, онъ при первой же свадьбѣ—какъ разъ въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ крестьянъ—сказалъ на вопросъ о цѣнѣ вѣнчанья: «сколько дашь, столько и ладно». По окончаніи вѣнчанія богатый предложилъ священнику... рубль! А прежде съ такого богача взяли бы не менѣе 30—40 р.; когда священникъ пристыдилъ свою духовную овцу, то она разщедрилась.. трешницей.

Въ день свадьбы—или самъ отецъ жениха, или одинъ изъ его родственниковъ—приглашаютъ сначала тѣхъ, которые должны участвовать въ свадебномъ поѣздѣ, а затѣмъ и всѣхъ тѣхъ, которые должны принимать участіе въ гулянкахъ—словомъ всѣхъ, бывшихъ на «смотрѣніи даровъ». Въ день же свадьбы приглашается и вѣжливецъ, который съ этого момента является руководителемъ всего свадебнаго распорядка и всѣхъ церемоній. Вся изба застилается соломой, къ дугамъ подвязываются колокольчики, и запряженныя для поѣзда лошади привязываются къ протянутой черезъ дворъ веревкѣ въ томъ порядкѣ, который указывается вѣжливцемъ.

Послѣ того какъ всѣ приглашенные на свадьбу соберутся, вѣжливецъ размѣщаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: женихъ садится за столомъ въ переднемъ углу на той лавкѣ, которая стоитъ поперекъ избы; рядомъ съ нимъ—на лавкѣ, расположенной вдоль избы—садится тысяцкій, которымъ долженъ быть преимущественно крестный отецъ; столъ становится также поперекъ избы такъ что тысяцкій сидитъ на концѣ стола. По правую руку жениха, на поперечной же скамейкѣ, садится сваха, которою должна быть преимущественно крестная мать; отъ тысяцкаго на продольной скамейкѣ садятся «большіе бояра», т. е. ближайшіе и старѣйшіе родственники и почетныя лица; отъ свахи на поперечной скамейкѣ садятся «меньшіе бояра»—дальніе родственники и менѣе почетныя лица. Самъ вѣжливецъ не садится на лавкѣ, а «притыкается» гдѣ-нибудь у края стола на стулѣ или табуреткѣ; не смотря на свое почетное званіе, ему нельзя залѣзть за столъ, потому-что ему часто приходится выходить изъ избы.

Когда гости всѣ усѣлись по чину, сваха уводитъ жениха за занавѣску и подаетъ ему подвѣнечную рубашку, которая должна быть ея подаркомъ; затѣмъ она выводитъ жениха изъ-за занавѣски и одѣваетъ его при всей публикѣ въ подвѣнечный костюмъ—сюртукъ, жилетъ и шаровары; затѣмъ онъ садится на свое мѣсто. Во время одѣванія жениха дѣвушки поютъ первую въ его домѣ пѣсню: «Кто тебя (имя жениха) хороша народилъ? Народилъ меня родимый батюшка свѣцу (имя отца). Кто тебя (имя жениха) на бѣлъ свѣтъ пустилъ? Пустила меня родима матушка свѣцу (имя матери). Кто тебя (имя жениха) на бѣло умывалъ? Умывалъ меня крестный батюшка свѣцу (имя крестнаго). Кто тебя хорошо снаряжалъ? Снаряжала меня крестна матушка свѣцу (имя крестной)». Очевидно, что эта пѣсня напоминаетъ жениху о началѣ его тѣлесной и духовной жизни. Вторая пѣсня дѣвушекъ обращена къ родителямъ жениха: «Не лежи, боберъ, во крутомъ берегу, не сиди (имя отца) въ высокомъ терему; не пора сидѣть, пора свадьбу сряжать. У меня свадьба снаряженая, сорокъ комоней иззапряженые, сорокъ ковровъ изнакиданные. Не лежи, бобриха, во крутомъ берегу, не сиди (имя матери) въ высо-

комъ терему; не пора сидѣть, пора свадьбу сряжать. У меня свадьба снаряженная, сорокъ печей калачей испечено, сорокъ пироговъ изготовлено, сорокъ становъ испоставлено, сорокъ скатертей изнакидано».

Во время пѣнія этой пѣсни на дворѣ по распоряженію вѣжливца запряженныя телѣги или сани разставляются въ слѣдующемъ порядкѣ: первый отъ крыльца экипажъ—для большаго бояриңа и вѣжлица; второй—для тысяцкаго и жениха; третій—подъ сваху; четвертый — подъ отца жениха съ младшимъ бояриномъ. Пока на дворѣ вѣжливецъ разставляетъ по порядку лошадей, хозяйка дома въ избѣ кладетъ на столъ хлѣбъ для благословленія новобрачныхъ и рядомъ съ нимъ ставитъ кружку пива или квасъ; эти предметы въ теченіе всей свадьбы никѣмъ съ мѣста не трогаются; кромѣ того наблюдается, чтобы столъ, на которомъ они лежатъ, оставался неподвижнымъ.

Вѣжливецъ, по возвращеніи со двора, подаетъ жениху подносъ съ двумя рюмками, въ которыя наливаетъ вино и вызываетъ прежде всего родителей жениха; затѣмъ вызываетъ тысяцкаго со свахой; наконецъ, вызываются и всѣ поѣзжане къ выпивкѣ; всѣ пьютъ и поздравляютъ жениха «съ начатіемъ дѣла». Во время этой церемоніи дѣвушки поютъ: «Волга рѣка разливается, желта тафта разстилается, (имя жениха) на конѣ разгуляется, (отчество жениха) себѣ полкъ прибираетъ, гдѣ кому быть, въ большомъ мѣстѣ сидѣть». Далѣе въ пѣснѣ поется, кому быть хозяиномъ дома (отцу жениха), кому быть хозяйкой дома (матери жениха), кому быть тысяцкимъ, большими и меньшими боярами, кому быть рѣзвымъ дружкомъ (вѣжливцу)—словомъ въ пѣснѣ указывается мѣсто каждаго изъ поѣзжанъ и гостей; каждый членъ называется поименно, и пѣсня начинается для каждаго изъ нихъ съ самаго начала со словъ «Волга рѣка».

Подъ конецъ пѣсни хозяйка дома подаетъ на столъ непремѣнно рыбный пирогъ— и притомъ неразрѣзанный и неоткрытый; открыть и разрѣзать его лежитъ на обязанности вѣжливца. Послѣ пирога подаются щи, а затѣмъ закрытое тарелкой третье блюдо, которое вовсе не открывается. Послѣ этого подается ѣда «простая», которую ѣдятъ уже безо всякихъ церемоній. Во время столованія хозяинъ дома выходитъ изъ-за стола и подаетъ званымъ гостямъ по рюмкѣ водки; щедрый хозяинъ подаетъ и незваной публикѣ, которая всегда набирается на свадьбу, какъ на зрѣлище, и не участвуетъ ни въ какихъ церемоніяхъ и угощеніяхъ и которую всегда, въ случаѣ надобности, можно выпроводить безъ нарушенія приличій. Каждый выпившій поздравляетъ родителей жениха съ «начатіемъ дѣла», а жениха «съ храбрымъ поѣздомъ»; женихъ вмѣстѣ со свахой передъ каждымъ встаютъ и кланяются, а вѣжливецъ благодаритъ «на добромъ словѣ».

Въ томъ случаѣ, если женихъ не имѣетъ роднаго отца или матери, во время стола дѣвушки поютъ самымъ заунывнымъ тономъ слѣдующую пѣсню: «Ты рѣка, рѣка быстрая, ты течешь, неколыбнешься ни въ которую сторону, ни въ восточную, ни въ западную, ни въ сѣверную, ни въ полуденную; еще ходитъ добрый молодецъ, свѣтъ (имя и отчество жениха), онъ и кучится [1]), конается [2]) милосердому братенку: ужъ ты братецъ милосердный, свѣтъ (имя и отчество припѣваемаго брата), ты сходи же мой брателко, во завозню [3]) рѣшетчатую, ты возьми же, мой брателко, уздечку тесьменую; ты сходи же, мой брателко, во конюшню новую, дубовую; май-май же, мой брателко, ворона коня ступищатаго; засѣдлай же, мой брателко, во сѣдельце черкасское; поѣзжай же, мой брателко, ко матушкѣ Божьей церквѣ; ты взойди, мой брателко, на колокольню бѣлокаменную; ты ударь же, мой брателко, во самый большой колоколъ; подуди, мой брателко, моего роднма батюшка (или матушку), свѣтъ (имя покойнаго отца или матери), какъ теперь мнѣ его надобно—я задумалъ пожениться»; далѣе поется, на какой дѣвицѣ хочетъ жениться, и что покойникъ нуженъ ему для благословенія на законный бракъ. Мелодія этой пѣсни настолько печальна, что всѣ женщины плачутъ навзрыдъ, да и женихъ не можетъ удержаться отъ слезъ.

---

[1]) Кучиться—просить, жаловаться. [2]) Конаться—отъ слова конъ—опредѣлять порядокъ, жеребьеваться, рисковать. [3]) Точное понятіе завозни—экипажный сарай; въ завозню складываются вообще всѣ принадлежности ѣзды.

По выходѣ изъ-за стола всѣ становятся къ нему лицомъ и женихъ впереди всѣхъ вѣжливецъ подаетъ отцу жениха благословленую икону съ зажженной восковой свѣчей, матери же подаетъ назначенный для благословенія хлѣбъ, который лежалъ на столѣ. Женихъ кладетъ передъ иконой два верховыхъ поклона, а третій земной; потомъ склоняется подъ благословеніе. Отецъ сначала благословляетъ его крестообразно иконой, потомъ передаетъ ее матери, хлѣбъ же беретъ отъ нея себѣ и трижды благословляетъ имъ жениха, дѣлая крестообразныя движенія. Послѣ этого женихъ вновь дѣлаетъ три поклона передъ находящеюся у матери иконою, и мать благословляетъ его иконой и хлѣбомъ въ томъ же порядкѣ и тѣмъ-же способомъ, какъ отецъ.

Во время благословенія дѣвицы поютъ: «Не стукъ стучитъ во теремѣ, не громъ гремитъ во высокомъ—застучали столы дубовые, загремѣли скамьи новыя, кипаристово дерево клонится; вотъ (имя жениха) Богу молится, (отчество жениха) низко кланяется, онъ и проситъ благословеніе у родимаго у батюшка, свѣтъ (имя, отчество отца)»; то же поется по отношеніи къ матери жениха.

По окончаніи благословенія женихъ и всѣ поѣзжане одѣваются въ верхнее платье; когда всѣ готовы, женихъ кланяется въ ноги отцу, матери, крестному и крестной, а затѣмъ старшимъ членамъ семьи: дѣду и бабкѣ, дядьямъ и теткамъ. Послѣ этого выходятъ на улицу въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ вѣжливецъ, за нимъ тысяцкій, потомъ женихъ, сваха и бояре по старшинству; за боярами — отецъ жениха. Дѣвушки сопровождаютъ процессію пѣсней: «Всѣ кони подъ коврами, реди-реди-лада моя; одинъ конь не подъ ковромъ, реди-реди-лада—моя; что никто не любитъ коня [1]); и никто не приголубитъ коня; (имя жениха) ходитъ вокругъ коня; по крутымъ ребрамъ треплетъ коня; ужь ты конь-ли ты, комонь мой, сослужи мнѣ службу; сбѣгай въ три дорожки». Эти три дорожки—одна въ городъ за покупками невѣстѣ, другая къ самой невѣстѣ, а третья—въ церковь для вѣнчанья.

Выйдя на крыльцо, всѣ становятся рядомъ—въ томъ порядкѣ, въ какомъ выходили изъ избы; вѣжливецъ же обходитъ три раза весь поѣздъ, читая про себя или молитвы, или разныя «статьи», заклинанія, которыми обороняется отъ постороннихъ колдуновъ; затѣмъ сдвигаетъ съ мѣста каждыя сани или телѣгу—въ знакъ того, что экипажи не приморожены никакимъ колдуномъ. Затѣмъ вѣжливецъ подходитъ къ поѣзжанамъ, ведетъ ихъ всѣхъ съ заду экипажей, указывая, гдѣ кому садиться. Прочіе приглашенные гости, не участвующіе въ поѣздѣ, отвязываютъ лошадей и выпускаютъ экипажи со двора въ порядкѣ, указываемомъ вѣжливцемъ.

Поѣздъ уѣхалъ; хозяйка дома начинаетъ угощать всѣхъ оставшихся, но разумѣется только тѣхъ, которые приглашены на гулянку; обыкновенные же зрители, хотя бы и сидѣли въ избѣ, къ угощенію не приглашаются. Для угощенія разставляются новые столы, такъ какъ за столъ, гдѣ сидѣлъ женихъ, никому нельзя садиться; находящіеся на немъ благословленый хлѣбъ и кружка съ квасомъ или пивомъ покрываются до пріѣзда жениха другою скатертью; этотъ столъ называется «княжескимъ престоломъ», да и самъ женихъ во многихъ случаяхъ называется «новобрачнымъ молодымъ княземъ». Приглашенныя на свадьбу дѣвушки по отбытіи поѣзда катаются по деревнѣ на жениховыхъ лошадяхъ, которыя всѣ остаются дома, такъ какъ только подъ отца жениха съ ящикомъ коралекъ и пряниковъ запрягаются собственныя лошади; подъ остальныхъ же поѣзжанъ кони приводятся съ разныхъ дворовъ: подъ жениха, напр., запрягаетъ своихъ лошадей тысяцкій; подъ сваху — ея проводникъ, большею частью мужъ; подъ вѣжливца—большій бояринъ и т. д.

Обратимся теперь въ домъ невѣсты.

Если она берется изъ другой деревни, то свадебный поѣздъ не пріѣзжаетъ прямо въ домъ невѣсты, а останавливается или у кого-нибудь изъ родственниковъ невѣсты, или у «сватовщика» — того свидѣтеля, который былъ на сосватаніи и рукобитіи. Заходятъ въ избу безъ всякихъ особенныхъ церемоній. Отсюда сватовщикъ и отецъ жениха ѣдутъ въ домъ невѣсты узнать, когда будетъ она «поправна» (т. е. готова) и

---

[1]) Припѣвка «реди-реди-лада моя» повторяется послѣ каждаго стиха.

можетъ-ли принять свадебный поѣздъ. Когда невѣста «поправна», то ея дѣвушекъ приглашаютъ къ жениху, гдѣ ихъ угощаютъ водкой, пряниками, орѣхами и разными домашними закусками. Дѣвушки, «опроставъ» рюмки, прячутъ ихъ въ карманы или просто подъ передники, «вынюгая» деньги, которыя платитъ имъ вѣжливецъ (конечно, въ счетъ жениха) и «выкупаетъ» рюмки. Послѣ этого дѣвушекъ отвозятъ къ невѣстѣ; дѣвушки на прощаньи, кланяясь жениху, приглашаютъ его къ невѣстѣ со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ. Если невѣста живетъ въ одной деревнѣ съ женихомъ, то вышеописанная дѣвичья продѣлка происходитъ у него на дому, такъ какъ все равно безъ доклада къ невѣстѣ свадебный поѣздъ никогда не пріѣзжаетъ; иначе обидѣвшіеся родители невѣсты нарочно могутъ продержать поѣздъ на морозѣ, подыскавъ для этого какой-нибудь благовидный предлогъ—«невѣста-де еще не готова, потому въ избу впустить не можемъ».

Когда свадебный поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ невѣсты, дѣвушки стоятъ у крыльца и поютъ пѣсню: «Кони тѣ бѣгутъ (1), всѣ съ черна вороны (2), напередъ конь забѣгаетъ (1), одинъ лучше всѣхъ (2); голову конь несетъ (1), гоголемъ да гоголемъ (2); очи конь несетъ (1) — два ясныхъ сокола (2); брови конь несетъ (1)—два черныхъ соболя (2); уши конь несетъ (1)—два булатные ножа (2); гриву конь несетъ (1)—тонкій парусъ (2); копыта конь мечетъ (1)—купачемъ да купачемъ (2); спину конь несетъ (1)—дубовой скамеей (2); хвостомъ конь несетъ (1)—трубеей да трубеей (2); разлуку конь несетъ (1)—на сѣдѣльной на лукѣ (2); хочетъ разлучить (1)—(имя невѣсты) съ родиной (2); хочетъ разлучить (1)—(имя невѣсты)—съ отцомъ съ матерью (2)».

Вслѣдъ за этой поется другая пѣсня: «Вышелъ тесть на раскрашено крыльцо, вынесъ тесть сокола на рукѣ, предложилъ тесть добру молодцу—это не мое, это не суженое, это не ряженое; вышелъ тесть на широкой дворъ, вывелъ тесть ворона коня—предложилъ тесть добру молодцу—это не мое, не суженое, не ряженое, вышелъ тесть среди горницы, вывелъ тесть красну дѣвицу—это мое, это суженое, это ряженое».

Пока поются эти двѣ пѣсни, свадебный поѣздъ заворачивается на дворѣ, экипажи становятся въ томъ же порядкѣ, какъ на дворѣ жениха, а лошади также привязываются къ протянутой чрезъ дворъ веревкѣ. Поѣзжане высаживаются изъ телѣгъ или саней и подходитъ къ крыльцу въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сидѣли на поѣздѣ. Вѣжливецъ одинъ входитъ въ избу и спрашиваетъ сваху съ невѣстиной стороны. Вѣжливецъ проситъ ее выйти на улицу со своимъ проводникомъ и встрѣтить «женихову княжью свашеньку и новобрачнаго князя молодаго съ храбрымъ поѣздомъ». Невѣстина сваха беретъ подносъ съ одной рюмкой, а ея проводникъ (почти всегда мужъ) беретъ бутылку съ водкой, и выходятъ на улицу вслѣдъ за вѣжливцемъ; здѣсь сваха становится впереди дѣвушекъ; передъ ней постилаютъ коверъ или кошму (войлокъ). Жениховой свахѣ вѣжливецъ также подаетъ подносъ съ одной рюмкой, а ея проводнику—бутылку съ водкой. Обѣ свахи становятся другъ противъ друга, лицомъ къ лицу, каждая касаясь постланнаго ковра только носками ботинокъ; проводники обѣихъ свахъ стоятъ рядомъ съ ними, но ковра (или войлока) не касаются, а наливаютъ только по рюмкѣ водки. Процедура эта называется «сходомъ свахъ»; каждая изъ нихъ старается во что бы то ни стало или не подойти къ другой, или подойти возможно медленнѣе, такъ чтобы другая прошла большую половину ковра. Деревенскія женщины придаютъ особенное значеніе обряду «схода свахъ»: которая сваха подойдетъ скорѣе къ другой—та сторона супружеская будетъ въ подчиненіи и покорности у другой. Деревенскіе люди думаютъ, что каждая изъ свахъ находится подъ вліяніемъ невидимой силы и что сколько бы онѣ не упрямились (а онѣ конечно только объ этомъ и заботятся)—всетаки подойдетъ первая изъ нихъ та, чьей сторонѣ суждено быть въ супружескомъ подчиненіи. Такъ или иначе—но свахи всетаки сходятся, принимаютъ другъ отъ друга по рюмкѣ водки, выпиваютъ и потомъ цѣлуются.

Во время «схода свахъ» дѣвушки поютъ: «Пріѣхала свашенька, она горда спѣсива, не ступя ступень ступила, не хотя слово вымолвила»—всѣ слова повторяются по два раза.

После того какъ свахи поцѣлуются, каждая изъ нихъ наливаетъ по рюмкѣ водки

проводнику другой свахи; проводники пьютъ вино безъ всякихъ церемоній. Затѣмъ невѣстина сваха обноситъ водкой весь жениховъ поѣздъ (кромѣ самого жениха, который съ утра и до самаго вѣнчанія ничего не ѣстъ и не пьетъ); поднесеніе, конечно, производится въ строгомъ порядкѣ, по чинамъ и начинается съ тысяцкаго. По окончаніи поднесенія водки, невѣстина сваха присоединяется къ женихову поѣзду, и всѣ входятъ въ избу въ указанномъ уже ранѣе порядкѣ.

Въ избѣ за приготовленнымъ столомъ сидитъ невѣстинъ братъ съ кнутомъ; если у невѣсты нѣтъ брата, то за столомъ сидитъ кто-нибудь изъ ея родственниковъ. Поѣзжане должны выкупить у него мѣсто, и пока оно не выкуплено—никто изъ поѣзжанъ даже не раздѣвается. Выкупъ производится такимъ образомъ: наливаютъ рюмку водки, кладутъ на нее пряникъ и подносятъ сидящему за столомъ; обыкновенно тотъ упрямится, не принимаетъ этого дара; тогда на пряникъ кладутъ еще деньги—и когда невѣстинъ братъ перестанетъ «кобениться» и выйдетъ изъ-за стола—всѣ поѣзжане раздѣваются и садятся за столъ, по указанію вѣжливца. Порядокъ тотъ же, что и въ домѣ жениха, только невѣстина сваха садится по правую сторону жениховой свахи, стало быть выше меньшихъ бояръ. Отецъ и мать невѣсты сидятъ не за столомъ, а на стульяхъ и ничего не дѣлаютъ; отецъ жениха съ кѣмъ нибудь изъ меньшихъ бояръ вноситъ ящикъ съ коральками и пряниками; невѣста сидитъ въ кути за занавѣской съ дѣвушками: двѣ изъ нихъ сидятъ по правую и лѣвую ея сторону.

Поднимается тысяцкій съ однимъ изъ большихъ бояръ и идетъ къ невѣстѣ съ «малыми дарами»; на одномъ подносѣ рюмка съ виномъ, на другомъ—въ рукахъ большаго боярина—кусокъ мыла, зеркальце и гребень. Невѣста принимаетъ отъ тысяцкаго водку, но сама не пьетъ, а отдаетъ одной изъ дѣвушекъ; «послы» поясняютъ, что поднесенные ими дары—отъ жениха и что они пришли просить ее «выйти на смотръ», для чего принесли дары подходящіе (т. е. чтобы она умылась, причесалась и одѣлась). «Послы» уходятъ, а невѣста одѣвается; пѣсенъ при этомъ одѣваніи никакихъ не поется. Когда невѣста одѣнется, она выходитъ изъ-за занавѣски въ сопровожденіи двухъ дѣвушекъ, идущихъ по бокамъ; народъ разступается, всѣ три дѣвушки выходятъ на средину избы, кладутъ три поясныхъ поклона иконамъ, затѣмъ кланяются жениху и заворачиваются обратно за занавѣску. Все это дѣлается молча, и въ этомъ именно состоитъ «смотръ».

Возвратившись со «смотра» къ себѣ за занавѣску, невѣста начинаетъ плакать и причитать, а дѣвушки поютъ: «ты пріѣзжая княжья свашенька (имя отчество жениховой свахи), ты пожалуй княжья свашенька въ темную куть ты за занавѣску ко душамъ ко краснымъ дѣвицамъ; приступи-ка княжья свашенька, ко хорошей дѣвичьей красотѣ; расплети-ка княжья свашенька, ужъ ты мелкую трубчатую косу». Пѣніе это выполняется протяжнымъ и унылымъ тономъ въ тактъ къ «причетамъ» невѣсты. Женихова сваха на этотъ призывъ появляется за занавѣску вмѣстѣ съ своимъ проводникомъ, который приноситъ (конечно, на подносѣ) рюмку водки, а сваха несетъ гостинцы: рыбный пирогъ, каральку и пряникъ; тѣ же гостинцы даются и дѣвушкамъ. Невѣста принимаетъ рюмку, по прежнему отдаетъ вино дѣвушкамъ; взявъ же гостинцы, принесенныя свахой, кланяется ей въ ноги; послѣ этого сваха начинаетъ расплетать у невѣсты косу; расплетаніе это продолжается довольно долго, такъ какъ дѣвушки, заплетая невѣстѣ косу, стараются завязать заплетку самымъ мудренымъ и тугимъ узломъ, такъ-что иногда сваха, пробившись долгое время надъ развязываніемъ узла, просто перекусываетъ его вмѣстѣ даже съ волосами; развяжетъ-ли сваха заплетку или перекуситъ ее—во всякомъ случаѣ она беретъ ее себѣ и прячетъ или въ карманъ, или за пазуху, чтобы потомъ передать эту заплетку жениху, какъ «поводъ» отъ невѣсты. Во время расплетанія косы проводникъ свахи выходитъ изъ кути; дѣвушки же «полонятъ» сваху, не пускаютъ ее изъ кути до тѣхъ поръ, пока проводникъ не придетъ вновь и не одаритъ дѣвушекъ виномъ и деньгами.

По окончаніи расплетанія косы женихъ съ тысяцкимъ идутъ за занавѣску съ «большими дарами» невѣстѣ; тысяцкій несетъ на подносѣ рюмку водки, а женихъ несетъ ботинки, шубу и шаль; невѣста по прежнему передаетъ водку дѣвушкамъ, а

жениховы дары беретъ себѣ; при этомъ онъ цѣлуетъ невѣсту и всѣхъ дѣвушекъ по правую сторону отъ нея; затѣмъ опять цѣлуетъ невѣсту и всѣхъ дѣвушекъ, стоящихъ влѣво отъ нея; наконецъ цѣлуетъ ее въ третій разъ. Пока женихъ занимается поцѣлуями, тысяцкій уходитъ, а дѣвицы «полонятъ» жениха и щупаютъ его волосы—узнаютъ, будетъ-ли онъ добрымъ или сердитымъ мужемъ: если волосы жестки—значитъ сердитъ, если мягки—значитъ добръ; жениха не выпускаютъ и тысяцкому приходится опять итти къ дѣвушкамъ съ виномъ и деньгами выкупать «полоненнаго» жениха.

Когда тысяцкій выручитъ жениха, невѣсту одѣваютъ въ подвѣнечное платье и обуваютъ въ подаренныя женихомъ ботинки; послѣ этого отецъ беретъ ее за руку и въ сопровожденіи матери выводитъ на средину избы; женихъ выходитъ изъ-за стола и принимаетъ невѣсту отъ своего тестя; порядокъ принятія таковъ: женихъ правой рукой беретъ невѣсту за правую же руку, и притомъ старается взять ее не съ ладони, а съ верхней части; правыя руки жениха и невѣсты не пустыя: въ нихъ непремѣнно должны быть платки. Такъ совершается обрядъ выдачи родителями невѣсты въ замужество. Женихъ ведетъ ее за столъ и садитъ съ собой по правую руку—рядомъ со своей свахой; всѣ прочіе остаются на своихъ мѣстахъ. Дѣвушки въ это время поютъ пѣсню: «Отставала лебедь бѣлая отъ стада лебединаго; приставала лебедь бѣлая ко стаду гусей сѣрыхъ; ужь вы гуси, гуси сѣрые, не щиплите лебедь бѣлую: не сама она залетѣла къ вамъ, занесло ее погодушкой, завело ее неволюшкой» и т. д.

Затѣмъ начинается дареніе невѣстиной родни; изъ жениховыхъ бояръ одинъ беретъ подносъ для двухъ рюмокъ, въ которыя вѣжливецъ наливаетъ водку; другой беретъ также подносъ, на который отецъ жениха кладетъ двѣ коральки, два пряника, кусокъ мыла и нѣкоторую сумму денегъ; прежде всего дары эти подносятся невѣстинымъ родителямъ—сначала вино, а потомъ подарки. Все это продѣлывается по отношенію къ каждой парѣ (мужу и женѣ) родственниковъ невѣсты по порядку старшинства и съ постепеннымъ уменьшеніемъ «даровъ»—именно мыла и денегъ. Дѣвушки поютъ: «Чьи дары дарятъ? (имя жениха); чью родню дарятъ? (имя невѣсты)»—это повторяется по отношенію къ каждому одаряемому при поднесеніи даровъ. Въ теченіе всей этой процедуры женихъ и невѣста не сидятъ, а стоятъ за столомъ, причемъ женихъ держитъ своей правой рукой (съ платочкомъ) правую руку невѣсты (также съ платочкомъ). Этому держанію невѣсты женихомъ придается во мнѣніи крестьянъ большое значеніе: если онъ додержитъ ее за руку до конца церемоніала угощенія и одаренія гостей, какъ видно изъ предыдущаго—довольно продолжительнаго, то значитъ жена «покорится ему всѣми своими правами»; если же онъ оплошаетъ и какъ-нибудь выпуститъ невѣстину руку, то жена будетъ непокорной и бракъ будетъ несчастливъ.

По окончаніи даровъ женихъ и невѣста садятся; здѣсь опять примѣта: если невѣста сядетъ нѣсколькими мгновеніями раньше жениха, и если онъ, садясь, прижметъ ея платье подъ свое сидѣніе, то онъ будетъ главой семейства; если же наоборотъ—то жена будетъ «верховодить» всѣмъ домомъ. Какъ женихъ, такъ и невѣста заранѣе научены, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ, чтобы соблюсти свои интересы; но перевѣсъ большею частью за женихомъ, если онъ только обладаетъ хоть какой-нибудь смѣлостью: такъ какъ онъ держитъ невѣсту за руку во время церемоніи даровъ, то обыкновенно онъ употребляетъ маленькое насиліе для того, чтобы усадить ее раньше себя; разумѣется — это почти всегда ему удается, потому-что невѣста, какъ дѣвушка, робѣетъ при необычной для нея обстановкѣ со множествомъ мало знакомыхъ людей.

Когда кончится одареніе родни невѣсты, ея родители начинаютъ одарять женихову родню, конечно, съ соблюденіемъ того же чинопочитанія, какъ и въ первомъ случаѣ; но подарки здѣсь другіе: нѣтъ ни коралекъ, ни пряниковъ, ни денегъ — вмѣсто всего этого дарятся платки и подшалки. Само собой разумѣется, что водка подносится столь же аккуратно, какъ и невѣстиной роднѣ. Дѣвушки поютъ тѣ-же пѣсни, какъ и на дѣвишникѣ, и «вымогаютъ» у пріѣзжихъ гостей деньги.

Послѣ этого хозяйка подаетъ неоткрытый и неразрѣзанный рыбный пирогъ, вскрытіемъ котораго, какъ и въ домѣ жениха, завѣдуетъ вѣжливецъ; за пирогомъ слѣдуютъ щи, за щами—третье блюдо, закрытое тарелкой. За этими оффиціальными

кушаньями слѣдуетъ уже «простая ѣда», къ которой относятся безъ церемоній; чай подается иногда, водка—всегда. Ни женихъ, ни невѣста ничего не ѣдятъ и не пьютъ до самаго вѣнца.

По окончаніи стола вѣжливецъ спрашиваетъ будущаго тестя, не желаетъ-ли онъ благословить жениха вмѣстѣ съ невѣстой. Если тесть не пожелаетъ благословлять обоихъ, то подходитъ къ своимъ родителямъ одна невѣста и благословляется иконой и хлѣбомъ тѣмъ-же порядкомъ, какъ женихъ у себя дома. «Благословленая» икона завертывается въ скатерть и кладется въ сундукъ съ приданымъ.

Пока совершались вышеизложенныя церемоніи, невѣстино приданое все уже вынесено, сложено на особую подводу и увязано подъ надзоромъ одного изъ родственниковъ невѣсты, «постельникомъ», къ которому иногда присоединяется особая женщина (обыкновенно его жена) подъ названіемъ «постельничей» свахи. Возъ съ приданымъ стараются сдѣлать возможно болѣе громоздкимъ (особенно если невѣста не изъ состоятельной семьи), чтобы всѣмъ казалось при проѣздѣ по улицамъ, что невѣста богата. Во многихъ случаяхъ, «постельникъ» даже нѣсколько разъ объѣзжаетъ свою и женихову деревню, такъ сказать публично демонстрируетъ все невѣстино достояніе.

Послѣ благословенія всѣ поѣзжане начинаютъ одѣваться, равно какъ и невѣста съ женихомъ. Дѣвушки въ это время поютъ: «Погости люба гостьюшка у родима у батюшка (имя и отчество), у родимыя у матушки (имя и отчество матери); ужъ я рада бы погостилà, да бояра всѣ на ногахъ стоятъ» и т. д. мотивъ пѣнія очень печальный, такъ что невѣста и мать ея почти всегда плачутъ. Если женихъ былъ благословленъ тестемъ, то, послѣ того какъ всѣ одѣнутся, онъ вмѣстѣ съ невѣстой кланяется въ ноги сначала родителямъ ея, а потомъ всѣмъ родичамъ ея по старшинству; если же онъ не былъ благословленъ родителями невѣсты, то послѣдняя выполняетъ одна этотъ обрядъ, по окончаніи котораго всѣ выходятъ изъ избы въ слѣдующемъ порядкѣ: вѣжливецъ впереди всѣхъ, за нимъ тысяцкій; женихъ, ведущій невѣсту правой рукой за правую же руку, невѣстина сваха вмѣстѣ съ жениховой, затѣмъ по старшинству поѣзжане, въ числѣ коихъ и постельникъ со своей свахой. Выйдя изъ избы, всѣ дожидаются, пока вѣжливецъ кончитъ свой троекратный обходъ всего поѣзда съ шевеливаніемъ каждаго экипажа и встряхиваніемъ ковровъ—то же, что онъ дѣлалъ и на дворѣ жениха. Затѣмъ вѣжливецъ ведетъ всѣхъ поѣзжанъ къ концу поѣзда и разставляетъ всѣхъ у тѣхъ саней или телѣгъ, гдѣ кому садиться. Свадьба выѣзжаетъ изъ ограды въ такомъ порядкѣ: 1) вѣжливецъ со своимъ бояриномъ; 2) тысяцкій со своимъ бояриномъ и женихомъ; 3) невѣста со своей свахой и бояриномъ; 4) женихова сваха со своимъ бояриномъ; 5) отецъ жениха со своимъ бояриномъ; 6) постельникъ со свахой на возу приданаго; 7) прочіе поѣзжане. Постельникъ не обязательно участвуетъ въ свадебномъ поѣздѣ; онъ можетъ ѣхать и раньше, и позже свадьбы, смотря по разстоянію до дома жениха, куда онъ во всякомъ случаѣ долженъ поспѣть раньше, чѣмъ пріѣдутъ молодые отъ вѣнца.

Когда на вѣнчающихся будутъ надѣты въ церкви вѣнцы, свекоръ уѣзжаетъ домой, чтобы встрѣтить новобрачныхъ; въ домѣ тестя (который не сопровождаетъ поѣзда) всѣ приглашенные родственники угощаются «до сыта», какъ на просватаніи или дѣвишникѣ.

Въ домѣ свекра дожидаются прежде всего постельника съ приданымъ; постельникъ пріѣхавъ останавливается у крыльца, но съ возу не слѣзаетъ, а ждетъ—вмѣстѣ съ постельничей свахой—угощенія. Свекровь съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ («подмогатель») выходитъ на улицу съ подносами: на одномъ стаканы и водка, на другомъ пряники и закуски; но постельникъ со свахой «черемонятся, кобенятся, не принимаютъ скоро угощенія»; тогда кладутъ на подносъ деньги; если они еще «кобенятся», то денегъ прибавляютъ; когда они удовлетворятся, то принимаютъ угощеніе и слѣзаютъ съ воза; по приглашенію свекрови, входятъ въ избу, а родственники жениха принимаютъ возъ, развязываютъ его и вносятъ все приданое въ домъ.

Пока постельникъ еще на возу, жениховы дѣвушки поютъ: «вотъ подъ яблонью кровать—да люли—подъ кудрявою тесовая—да люли; на кровати-то постеля—да люли—на постели-то сголовье—да люли—на сголовьѣ одѣяло, да люли» и. т. д.—что подъ одѣя-

Домъ спитъ (имя жениха), а у кровати стоитъ (имя невѣсты) и будитъ его. Вслѣдъ за этимъ дѣвушки поютъ другую пѣсню: «приплыли насады ко (имя свекра) двору, тутъ (имя жениха) по насадамъ похаживаетъ (отчество жениха), погуливаетъ (имя невѣсты), за ручку поваживаетъ (отчество невѣсты), за правую поддерживаетъ» и т. д.—что она у мужа отпрашивалась на часъ къ батюшкѣ сходить, забыла де ключи отъ кована сундука, нечѣмъ-де отворить сундукъ и нечѣмъ свекра и свекровь подарить.

Если есть постельная сваха, то она убираетъ или «снаряжаетъ» постель; если ея нѣтъ, то это дѣлаютъ дѣвушки.

Свекоръ, какъ сказано выше, пріѣзжаетъ раньше новобрачныхъ и оповѣщаетъ о скоромъ прибытіи свадебнаго поѣзда. Какъ только дѣвушки заслышатъ звуки колокольчиковъ, они выходятъ на крыльцо и встрѣчаютъ свадьбу слѣдующей пѣснью: «Соколы, соколы—соколы перелетные (2); бояре, бояре—бояре переѣзжіе (2)! вы куда соколы летали? Ужъ мы летали, соколы, съ моря да на море; вы кого, соколы, видѣли? мы видѣли, соколы, перепелицу во зеленомъ саду; вы о чемъ [1]) ея не поймали? ужъ мы рады бы поймали, право крылышко заломили, кровь горячую пролили. Вы куда, бояре, ѣздили? ужъ мы ѣздили, бояре, съ города на городъ; вы чего, бояре, видѣли? ужъ мы видѣли, бояре, красну дѣвицу во высокомъ терему; вы о чемъ съ собой не взяли? ужъ мы рады бы взяли съ собой—праву рученьку заломили, кровь горячую пролили».

Если погода благопріятствуетъ, то благословеніе новобрачныхъ происходитъ на открытомъ воздухѣ. Свекоръ со свекровью выходятъ изъ избы, становятся отъ крыльца лицемъ къ свадьбѣ и становятся на одну половину подстилки (кошма, на которой положенъ еще коверъ). Свекоръ держитъ икону съ зажженной восковой свѣчей, а свекровь—тотъ хлѣбъ, которымъ утромъ благословляла сына; на другую половину подстилки становятся новобрачные, и благословеніе происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и благословеніе жениха, о чемъ уже сказано было выше. Новобрачные кланяются въ одинъ поклонъ и подъ конецъ откусываютъ по кусочку благословленнаго хлѣба; этотъ хлѣбъ изрѣзывается на кусочки, высушивается и хранится супругами всю жизнь.

Когда поѣздъ войдетъ въ избу, дѣвушки поютъ: «красно солнце во теремъ катилося, за солнцемъ свѣтелъ мѣсяцъ, за мѣсяцемъ свѣтлы зореньки; за зоренькями частыя звѣзды; красное солнце —князь молодой (имя новобрачнаго); свѣтелъ мѣсяцъ—новобрачная княжна молода (имя новобрачной)» и т. д., причемъ—«свѣтлы зореньки»—это свахи, а «частыя звѣзды»—бояре-поѣзжане. Свадьба вся раздѣвается, вѣжливецъ разсаживаетъ всѣхъ по чинамъ въ прежнемъ порядкѣ, кромѣ только свахъ: въ домѣ невѣсты рядомъ съ невѣстой сидѣла женихова сваха, а невѣстина—далѣе; теперь—наоборотъ: сваха невѣсты садится рядомъ съ ней (по правую сторону)—женихова же сваха садится далѣе. Передъ иконами зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи; въ знакъ непорочности невѣсты свѣча новобрачнаго перевита голубой лентой, а свѣча новобрачной—алой; это украшеніе дѣлается въ церкви передъ вѣнчаніемъ невѣстиной свахой. Въ то время, какъ свѣчи горятъ, происходитъ обрядъ «окрученія» новобрачной; окрученіе состоитъ въ томъ, что свахи заплетаютъ одновременно обѣ косы новобрачной: ея сваха заплетаетъ лѣвую косу, а сваха новобрачнаго—правую; потомъ надѣваютъ шашмуру [2]) и повязываютъ новобрачную платкомъ по-бабьи; все это дѣлается подъ покровомъ полотенца, причемъ дѣвушки поютъ; «Ужъ ты друженька, друженька, не ходи, дружка, посередѣ (?), не сѣки изъ кремня огня, не подпаливай, друженька, (имя новобрачной) трубчату косу, (отчество новобрачной), русы волосы». Тотчасъ-же поется другая пѣсня: «селезенюшка косы вьетъ, утица ухорашивается, бояре-же дивуются; не дивуйтеся, бояре, вы моему хорошеству; какъ мое-то хорошество разлучило со батюшкомъ, съ родимою матушкою». Пока производится окрученіе, вѣжливецъ нашептываетъ въ зеркало, «чтобы новобрачные жили въ любви»; по окончаніи обряда окрученія молодые поворачиваются лицомъ въ передній уголъ, а вѣжливецъ стоя позади ихъ, заноситъ одной

[1]) О чемъ=почему.

[2]) Особый головной уборъ.

рукой нашептанное зеркало передъ ихъ глаза; оба молодые смотрятъ въ зеркало и видятъ другъ друга; послѣ этого они цѣлуются и свѣчи гасятся [1]).

Одновременно съ этимъ роль жениховыхъ дѣвицъ оканчивается; онѣ ѣдутъ съ молодыми парнями кататься по деревнѣ на лошадяхъ тысяцкаго и жениховой свахи; возвратившись, онѣ благодарятъ за лошадей и расходятся по домамъ. Оставаться дѣвушкамъ теперь незачѣмъ: во-первыхъ, жениха и невѣсты уже нѣтъ, а есть молодые; во-вторыхъ, начинаются такіе разговоры, которыхъ дѣвушкамъ слушать неприлично. Вмѣстѣ съ дѣвушками расходятся и всѣ зрители свадьбы; остаются только приглашенные родственники, которые должны участвовать въ гулянкѣ.

Ужинъ идетъ по-просту; молодые пьютъ и ѣдятъ (они съ самаго утра голодные) поѣзжане и родственники пьютъ и поздравляютъ молодыхъ съ законнымъ бракомъ. Послѣ ужина убирается со стола благословленый хлѣбъ и завѣтный квасъ (или пиво).

Если домъ состоитъ изъ двухъ жилыхъ покоевъ (какъ большинство сибирскихъ домовъ), то гулянка всегда происходитъ въ избѣ (т. е. гдѣ «стряпчая» печь); а въ горницѣ (гдѣ голландская печь) приготовляется кровать для молодыхъ; въ горницу никому не дозволяется входить безъ надобности; большею частью ее запираютъ даже на ключъ.

Послѣ ужина молодыхъ ведутъ «на спокой», «на подклѣтъ». Сначала въ постельную комнату входитъ вся толпа пирующихъ на свадьбѣ; молодому даютъ бутылку съ виномъ, а молодой—поднось съ двумя рюмками; онъ наливаетъ, она подноситъ всѣмъ по-парно, начиная со свекра и свекрови. Здѣсь опять поздравляютъ молодыхъ съ законнымъ бракомъ, желаютъ имъ другъ друга любить, дѣтей народить; приговариваютъ, что вино горько, что его надо подсластить и т. д. Всевозможныя пожеланія и приговариванія сопровождаются столь прозрачными намеками на супружескія отношенія, что «молодые хорошо знаютъ, что̀ имъ надо дѣлать ночью». Наконецъ, изъ спальной горницы уходятъ всѣ, кромѣ вѣжливца, тысяцкаго и обѣихъ свахъ—жениховой и невѣстиной. Тогда свахи раздѣваютъ молодую и съ должной подробностью осматриваютъ ея рубашку; которая должна быть бѣлая и ничѣмъ не запачканная. Наконецъ и тысяцкій со свахами уходитъ—съ молодыми остается одинъ вѣжливецъ; онъ укладываетъ молодыхъ въ постель и затѣмъ уже возвращается къ народу въ избу.

А въ избѣ уже настоящая попойка, безъ всякаго церемоніала, т. е. спеціально свадебнаго; остаются только обыкновенныя церемоніи, которыя соблюдаются, впрочемъ, по мѣрѣ трезвости гуляющихъ. Поютъ, пляшутъ—словомъ веселятся «во всю»; иногда бываетъ и музыка; однѣ только бабы поберегаютъ себя отъ выпивки: имъ на другой день надо рано вставать и заниматься стряпней, потому-что всѣ гости съ ранняго утра придутъ опохмѣляться и закусывать — главнымъ образомъ пельменями, приготовленіе которыхъ очень хлопотливо и требуетъ многихъ рукъ, особенно для такого числа гостей, которое бываетъ на свадьбѣ.

Когда на другой день всѣ вчерашніе гости соберутся, вѣжливецъ, тысяцкій и обѣ свахи идутъ къ молодымъ; свахи вновь осматриваютъ рубашку молодой и, если на ней окажутся знаки непорочности, объявляютъ объ этомъ свекру и свекрови, иногда даже приглашая ихъ самихъ удостовѣриться въ справедливости своихъ завѣреній. Если свекоръ и свекровь желаютъ «опубликовать» поведеніе своей невѣстки, то приказываютъ свахамъ провести молодую по избѣ въ одной рубашкѣ—чтобы всѣ гости удостовѣрились въ хорошемъ поведеніи невѣстки до замужества. Молодая затѣмъ одѣвается въ верхнее платье, ей даютъ подносъ съ двумя рюмками, а молодому бутылку вина—и оба они угощаютъ всѣхъ по старшинству, начиная со свекра и свекрови. Гости, выпивая водку, кладутъ на подносъ деньги «на честь молодой», т. е. за ея безупречное поведеніе. Очень нерѣдко бываетъ при этомъ, что мужчины, выпивъ водку, разбиваютъ рюмки, и затѣмъ и все, что̀ попадетъ подъ руки: горшки, латки, корчаги и т. п.—словомъ хрупкое. Женщины, зная объ этомъ обычаѣ, стараются въ это время убрать все, что̀

[1]) Съ этого момента новобрачные называются молодыми.

получше, и оставляютъ только никуда негодныя черепени; въ этомъ непристойномъ обычаѣ символизируется превращеніе дѣвушки въ женщину.

Закусивши и выпивши у молодыхъ, гости начинаютъ колобродить по деревнѣ: ходятъ изъ избы въ избу (но, конечно, только другъ къ другу, а не къ тѣмъ, которые въ свадьбѣ не участвуютъ), опять закусываютъ и выпиваютъ—словомъ настаетъ настоящее свадебное пьянство. Молодые же и вѣжливецъ изъ дому не отлучаются—ждутъ почетныхъ гостей—тестя и тещу.

Тесть и теща, ѣдучи «на почетье» къ своей дочери, везутъ еще и своихъ родственниковъ; теща обязательно ѣдетъ съ блинами для зятя; какъ только они являются во дворѣ свата, родители молодаго, сами молодые и вѣжливецъ выходятъ изъ избы встрѣчать дорогихъ гостей. Разумѣется, появляется неизбѣжный подносъ съ рюмками и нѣсколько бутылокъ водки. Первую «круговую» наливаетъ свекоръ и подноситъ тестю и тещѣ; какъ только они возьмутъ въ руки рюмки—молодые падаютъ имъ въ ноги, чѣмъ зять доказываетъ непорочность ихъ дочери; родители же молодаго благодарятъ сватьевъ за «хорошее воспитаніе» дочери. Вторую «круговую» или «рядовую» подаетъ уже свекровь, а третью—зять, каждый разъ начиная съ тестя и тещи и продолжая по старшинству. Такимъ образомъ еще на дворѣ всѣ пріѣзжіе со сватами гости выпиваютъ по три рюмки водки. Затѣмъ ведутъ всѣхъ въ избу и угощаютъ обыкновеннымъ образомъ.

Пока идетъ «обыкновенное» угощеніе пріѣзжихъ гостей, одинъ изъ членовъ семейства свекра ѣдетъ на лошади и приглашаетъ всѣхъ участвовавшихъ на брачномъ пирѣ. Приглашеніе дѣлается слѣдующей оффиціальной формулой: назвавъ домохозяина и все его семейство поименно, онъ говоритъ: «прошу пожаловать къ нашему батюшкѣ на пиръ, на бесѣду». Эта форма приглашенія считается самой изысканной, такъ какъ и торжество, на которое приглашаются гости считается самымъ оффиціальнымъ въ свадебномъ дѣлѣ; пирушка послѣ вѣнчанія считается до нѣкоторой степени домашнимъ дѣломъ, потому что на ней участвуетъ только женихова родня; а на этой гулянкѣ присутствуютъ всѣ родичи невѣсты—и потому хозяинъ старается «не ударить лицомъ въ грязь».

Приглашаемые прежде всего «ободряются» отъ утренняго похмѣлья, затѣмъ одѣваются въ самые лучшіе наряды и вмѣстѣ съ женами идутъ на «столованіе» попарно; каждый дворъ несетъ хлѣбъ и кусокъ мяса или рыбину. Когда всѣ соберутся, въ избѣ разставляютъ столы по числу пирующихъ; молодые являются также разодѣтые, и вѣжливецъ размѣщаетъ всю публику слѣдующимъ образомъ: за столъ въ переднемъ углу садится на «княжое мѣсто» молодой; по правую его руку—молодая; рядомъ съ ней—тесть и теща; тысяцкій остается на прежнемъ мѣстѣ—по лѣвую руку жениха; рядомъ съ тысяцкимъ—вѣжливецъ. За переднимъ же столомъ помѣщаются всѣ пріѣзжіе гости, причемъ невѣстина сваха, какъ пріѣзжая, садится на почетномъ мѣстѣ рядомъ съ матерью невѣсты. Жениховы бояре и сваха теряютъ теперь свое прежнее почетное положеніе, становятся обыкновенными гостями и садятся не за переднимъ столомъ. Когда всѣ усядутся, вѣжливецъ вызываетъ молодыхъ на средину избы; молодому даетъ подносъ съ двумя рюмками, а молодой—простой подносъ, обтянутый бѣлымъ платомъ; за молодыми изъ-за стола выходитъ и теща съ кошелемъ, въ которомъ лежатъ дары для родни молодаго. Затѣмъ вѣжливецъ вызываетъ на средину избы свекра и свекровь, молодой наливаетъ имъ двѣ рюмки, теща кладетъ на подносъ молодой предназначенный имъ подарокъ. Когда они выпьютъ вина и примутъ дары—молодые кланяются имъ въ ноги. Послѣ этого вѣжливецъ вызываетъ тысяцкаго съ женой, женихову сваху съ мужемъ, и т. д.—всю родню молодаго по-парно и по старшинству; всѣ они пьютъ водку и одариваются тещей; само собой разумѣется, что достоинство и количество даровъ уменьшается по мѣрѣ отдаленія родства одаряемыхъ лицъ отъ молодой.

Когда одареніе кончится, всѣ выходившіе изъ-за стола (четверо) возвращаются на свои мѣста, и тогда начинается столованіе. Всѣ столы должны быть накрыты молодиными скатертями—и не по одной, а по двѣ и даже по три; кромѣ того столы должны быть кругомъ обтянуты полотенцами—также работы молодой. Женщины все это подробно

осматриваютъ (впрочемъ не подавая вида), потому-что обычай этотъ имѣетъ цѣлью сдѣлать выставку образцовъ работы молодой—чтобы всѣ знали, что она хорошая рукодѣльница. Первое кушанье, которое подается невѣстиной свахой, это рыбные пироги, привезенные изъ-дому; послѣ свахиныхъ пироговъ свекровь подаетъ свои—также рыбные; затѣмъ теща подаетъ зятю привезенные съ собой блины и при этомъ на нихъ кладетъ какой-нибудь подарокъ — рубаху или штаны. Домашніе подаютъ молодому столько тарелокъ, сколько столовъ; на каждую тарелку онъ накладываетъ блины съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго гостя хватило по крайней мѣрѣ по одному блину; вѣжливецъ принимаетъ тарелки отъ молодаго и передаетъ на столы, приговаривая: «это тещины блины отъ милаго ея зятя». Нѣкоторые изъ гостей при съѣденіи блиновъ, начинаютъ давиться, приговаривая: «надо бы подмаслить»; другіе дѣлаютъ видъ, что ихъ тошнитъ отъ блиновъ и приговариваютъ: «горьки что-то блины—надо бы ихъ подсластить»; въ обоихъ случаяхъ молодые должны цѣловаться. За каждымъ столомъ сидитъ такъ называемый «подавчій», который безпрестанно угощаетъ виномъ своихъ собесѣдниковъ. Послѣ нѣсколькихъ простыхъ кушаній подъ конецъ столованія подается цѣликомъ зажареный гусь. На обязанности тысяцкаго лежитъ разрѣзать этого гуся на столько частей, сколько столовъ; прежде всего тысяцкій вырѣзаетъ изъ гуся дужку и передаетъ ее молодой, «чтобы она отъ души любила мужа»; для молодаго вырѣзывается гузка, «чтобы онъ увлекался любовью жены». Нарѣзанныя части гуся кладутся на тарелки и передаются на столы; но спинка («хребтикъ») гуся отдается назадъ хозяйкѣ, «въ знакъ того, что гусь остался цѣлымъ и улетѣлъ обратно въ путь». Подачей гуся оканчивается церемоніальное столованіе и начинается простая гулянка, которая состоитъ въ томъ, что сначала пріѣзжіе гости катаются на затевыхъ лошадяхъ, а затѣмъ заѣзжаютъ поочередно къ родственникамъ его—выпивать и закусывать. При этихъ частныхъ попойкахъ соблюдается только одно, — чтобы молодые, равно какъ и тесть съ тещей занимали почетное мѣсто въ переднемъ углу. Тысяцкій и вѣжливецъ оставляютъ свои роли и становятся обыкновенными гостями. Гулянка эта продолжается большею частью всю ночь напролетъ.

Утромъ вся свадебная публика опять собирается къ молодымъ, опохмѣляются и закусываютъ пельменями. Молодуха начинаетъ первую работу въ домѣ мужа — стряпать блины; конечно, свекровь заведетъ ихъ и начнетъ работу, показывая молодой всѣ подробности; молодая, принявъ благословеніе отъ свекра и свекрови и, поцѣловавъ мужа, продолжаетъ начатую свекровью работу; блины тутъ же ѣдятъ поочередно и кладутъ молодой за всякій блинъ деньги. Послѣ стряпни блиновъ, молодая начинаетъ другую работу—мести избу; опять кланяется въ ноги свекру и свекрови и получаетъ отъ послѣдней вѣникъ, причемъ свекровь приговариваетъ общеизвѣстную пословицу: «избу мети, а соръ на улицу не кидай». Молодая мететъ избу, а присутствующіе стараются опять насорить на выметенномъ мѣстѣ, такъ что молодуха должна начинать работу сызнова; но ей это пріятно: на соръ бросаютъ деньги — каждый по желанію и средствамъ; она подбираетъ деньги и кланяется бросившему ихъ. На богатыхъ свадьбахъ молодая «наметаетъ» иногда до 25 рублей; нѣкоторые изъ гостей денегъ не бросаютъ, но «благословляютъ» скотиной, т. е. дарятъ молодой или корову или телку, или овцу. Это бываетъ, впрочемъ, только на очень богатыхъ свадьбахъ. Все, что̀ «наметено», становится безусловною собственностью молодыхъ.

Послѣ этого начинается опять гулянка по деревнѣ и роднѣ молодаго; въ этой гулянкѣ молодые уже не участвуютъ, а остаются дома. Въ вечеръ третьяго дня или утро четвертаго пріѣзжихъ со сватами гостей провожаютъ домой; всѣ выѣзжаютъ за околицу деревни, пьютъ на прощаньи вино и ломаютъ рюмки и бутылки.

Черезъ нѣкоторое время происходитъ гулянка зятевой родни у тестя и его родственниковъ, но уже безъ «столованія» и безъ свадебныхъ церемоній—остаются только общепринятыя при пріемѣ гостей приличія; гулянка у тестя и его родни продолжается два дня—также катаются по деревнѣ, также переходятъ изъ дома въ домъ и гости также провожаются за околицу деревни, какъ и на гулянкѣ у свекра послѣ «столо-

занія». Тѣмъ и заканчиваются свадебныя пиршества въ обоихъ породнившихся крестьянскихъ дворахъ. Мы изложили съ возможною для насъ подробностью обычаи, соблюдаемые при сибирской свадьбѣ. Считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки во избѣжаніе недоразумѣній и въ облегченіе другихъ изслѣдователей сибирскихъ обычаевъ. Во первыхъ, всѣ вышеизложенные обряды и обычаи относятся только къ Курганскому округу и были записаны въ Утякской волости. Вполнѣ возможно поэтому допустить, что въ другихъ мѣстностяхъ Сибири встрѣчаются иные свадебные обряды и обычаи. Во вторыхъ, этнографическій составъ населенія Курганскаго округа крайне однообразенъ: все это — судя по крайней мѣрѣ по языку и внѣшнему типу — чистѣйшіе великороссы. Значительное [1]) переселеніе крестьянъ въ этотъ округъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ почти вовсе не измѣнило этнографической физіономіи округа, такъ какъ переселенцы приходили главнымъ образомъ изъ Псковской, Орловской и Смоленской губерній. Въ третьихъ, не смотря на постоянный и довольно значительный наплывъ ссыльно-поселенцевъ, трудно допустить, чтобы этотъ элементъ населенія могъ повліять на свадебный ритуалъ сибиряковъ: во-первыхъ, большая часть поселенцевъ находится въ безвѣстной отлучкѣ; во-вторыхъ, 90% изъ нихъ—люди бездомовые, безхозяйные и безсемейные; въ третьихъ, наконецъ, они никогда не пользовались ни малѣйшимъ уваженіемъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, такъ что не могли никогда привить какихъ-нибудь обычаевъ, о которыхъ они знали на своей родинѣ. Въ четвертыхъ, на всемъ протяженіи Курганскаго округа, равняющагося доброй великороссійской губерніи (около 2½ милліоновъ десятинъ), нѣтъ ни одного инородческаго поселка и, сколько можно судить по преданіямъ, ихъ и не бывало—по крайней мѣрѣ въ близкомъ прошедшемъ. Точно также и временно проживающихъ въ округѣ инородцевъ совершенно ничтожное количество; только въ южной, степной полосѣ округа довольно часто встрѣчаются «киргызы» (киргизы), проживающіе у мѣстныхъ крестьянъ въ работникахъ—главнымъ образомъ въ пастухахъ. Въ пятыхъ, сельское населеніе Курганскаго округа почти исключительно земледѣльческое; въ юго-восточной части къ земледѣлію добавляется степное скотоводство; а въ сѣверо-восточной—по обилію лѣсовъ—нѣкоторые лѣсные промыслы: дрововозный, углежогный, бочкарный и т. п. Здѣсь же расположено нѣсколько стеклянныхъ—очень небольшихъ—заводовъ; отхожихъ же промысловъ въ округѣ вовсе не существуетъ; слѣдовательно, все населеніе осѣдлое, коренное занятіе котораго—земледѣліе. Въ шестыхъ, описанные выше обряды и обычаи относятся исключительно къ православному населенію округа; между тѣмъ довольно значительныя группы населенія принадлежатъ къ старообрядцамъ различныхъ толковъ, главнымъ образомъ австрійскаго и безпоповскаго. Въ какой мѣрѣ свадебные обычаи раскольниковъ похожи на вышеизложенные—мы сказать не можемъ. Послѣ этихъ замѣчаній мы можемъ закончить изложеніе свадебныхъ обычаевъ крестьянъ Курганскаго округа. Въ заключеніе позволимъ себѣ однако сказать нѣсколько словъ относительно вопроса, которымъ мы начали эту статью. Мы видѣли, что средній расходъ на свадьбу у средняго крестьянина достигаетъ весьма внушительной цифры 333 р., изъ коихъ почти 180 р. падаютъ на домъ жениха; мы видѣли далѣе, что въ разсчетѣ на цѣлое селеніе (д. Нагорскую), свадебные расходы превышаютъ въ полтора раза податной окладъ — казенный и мірской. Изложеніе всего порядка свадьбы показало намъ, изъ чего слагаются свадебные расходы; всѣ они могутъ быть сведены въ 4 рубрики: 1) калымъ—80 р.; 2) водка 22 ведра (6 ведеръ тратитъ женихъ, 4 ведра тесть, по 1 ведру каждыя изъ 6 лицъ, принимающихъ участіе съ той и другой стороны, т. е. всего 12 ведеръ), считая по 6 р. за ведро—всего 132 р.; 3) угощеніе пищею; 4) подарки; слѣдовательно, калымъ со-ставляется 24%, а водка—39,6% всѣхъ свадебныхъ расходовъ, все-же остальное, т. е. подарки и пища — только 36,4%. Чтобы понять размѣры свадебнаго пьянства, мы сдѣлаемъ разсчетъ, сколько водки приходится на каждаго изъ пирующихъ. Какъ сказано было въ своемъ мѣстѣ, на свадьбу пригла-

[1]) Въ одну только западную часть округа въ періодъ 1840—1850 гг. было переселено до 30,000 ревизскихъ душъ (Матер. для изуч. экон. быта госуд. крест. и инор. VIII изсл. Осипова, ст. 100).

жается въ среднемъ по 6 домовъ съ той и другой стороны; слѣдовательно гостей—24 человѣка (всѣ приходятъ и даже приглашаются съ женами); родители жениха и невѣсты—4 человѣка; двѣ свахи съ провожатыми—4 человѣка; тысяцкій съ женою, вѣжливецъ и женихъ съ невѣстой—5 человѣкъ; всего, слѣдовательно, участвующихъ до 37 человѣкъ, кромѣ дѣвушекъ и сопровождающихъ ихъ парней; но парни вовсе не угощаются водкой, а дѣвушки сами пьютъ очень мало, да и угощаются въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ, такъ что ихъ можно вовсе не считать участницами въ попойкахъ. Что касается до женщинъ, то независимо отъ того, что онѣ вообще пьютъ значительно меньше мужчинъ, онѣ и «берегутъ» себя (о чемъ уже было сказано выше), такъ какъ на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы по угощенію гостей пирогами, блинами, пельменями и т. д.—вообще пищей; поэтому не будетъ съ нашей стороны преувеличеніемъ, если мы предполагаемъ, что женщины пьютъ на свадьбахъ вдвое меньше мужчинъ; слѣдовательно, считая двухъ женщинъза одного мужчину, «пьющихъ единицъ» будетъ 28; водки выпивается въ теченіе свадьбы 22 ведра = 440 бутылокъ, т. е. по $15^{5}/_{7}$ бутылокъ на единицу; такъ какъ свадьба продолжается 8 дней (1 день дѣвишникъ, 4 дня пирушка у свекра и его родни, 3 дня у тестя и его родни), то приходится въ день на каждую «пьющую единицу» почти 2 бутылки водки; говоря другими словами — каждый мужчина выпиваетъ на свадьбѣ 2 бутылки, а женщина 1 бутылку водки въ день. Но такая пропорція 2 женщины = 1 мужчина въ области выпивки (особенно при вышеописанныхъ условіяхъ) всетаки чрезмѣрно велика для женщинъ, и что для послѣднихъ за глаза довольно по полбутылкѣ въ день на сестру, чтобы быть въ хорошемъ «навеселѣ», то слѣдовательно мужчины выпиваютъ каждый приблизительно по $2^{1}/_{2}$ бутылки въ день. А это уже такая цифра, послѣ которой средній сибирскій мужикъ «не годится»; единственное обстоятельство, могущее умѣрять вліяніе такого количества спирта, состоитъ въ томъ, что нерѣдко водка разбавляется кабатчиками водой и что выпивка сопровождается весьма обильной ѣдой, что значительно ослабляетъ опьяняющее дѣйствіе спирта; но съ другой стороны необходимо принять во вниманіе, что крестьянская водка крайне плохой очистки и содержитъ значительный процентъ сивушнаго масла, одурманивающаго человѣка и производящаго тяжелое похмѣлье.

Такъ или иначе, но изъ предыдущаго очевидно, что на сибирскихъ свадьбахъ потребляется громадное количество водки, и расходъ на этотъ предметъ составляетъ почти 40% свадебныхъ расходовъ. Но если можно допустить, что такое потребленіе чрезмѣрно, то нельзя не видѣть и того обстоятельства, что весь «чинъ», весь церемоніалъ свадьбы всетаки требуетъ если и не такого, какъ 22 ведра, то всетаки очень значительнаго количества водки: мы видѣли, что выпивка на свадьбѣ—не простое кабацкое пьянство, гдѣ человѣкъ «нажрется, нальетъ зѣнки» безъ всякихъ закусокъ и безъ всякихъ церемоній—столько, «сколько влѣзетъ»; на свадьбѣ гость не самъ «наливаетъ»—ему «подносятъ» наравнѣ съ прочими, и онъ сдѣлаетъ хозяину обиду, если откажется отъ водки; только отъ тѣхъ это не считается обидой, о которыхъ положительно извѣстно, что они вовсе не пьютъ. Питье водки на свадьбѣ есть, слѣдовательно, бытовая черта, какъ всевозможные подарки, отдариванія, пѣсни и т. п. А стало быть и искорененіе свадебнаго пьянства возможно лишь при общемъ измѣненіи бытовой стороны заключенія сибирскихъ браковъ, что должно сказать и объ обычаѣ «калыма». И мы уже упоминали о начинающемъ распространяться обычаѣ «убѣга», при которомъ нѣтъ ни калыма, ни свадебныхъ церемоній, а пирушка дѣлается крайне скромной и неубыточной. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ благодѣтельный обычай распространялся и укрѣплялся, и чтобы духовенство приложило старанія для реабилитаціи его въ глазахъ сибирскихъ крестьянъ.

Н. О. Осиповъ.

С.П.Б.
Ноябрь 1891 г.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя.

Н. Ю. Зографъ. Антропометрическія изслѣдованія мужскаго великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губерній. М. 1892.

Отдѣлъ Антропологіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи поручилъ профессору Н. Ю. Зографу произвести антропометрическія наблюденія въ предѣлахъ Владиміро-Суздальскаго края, выразивъ при этомъ желаніе, чтобъ онъ по преимуществу изслѣдовалъ мѣста по верхнему теченію Волги или между верхнимъ теченіемъ Волги и Окою. Проф. Зографъ по разнымъ соображеніямъ остановился на губерніяхъ Владимірской, Ярославской и Костромской и произвелъ измѣренія 191 уроженцевъ этихъ губерній, по преимуществу заводскихъ рабочихъ, маляровъ, плотниковъ, трактирныхъ служителей, а сверхъ того, воспользовался свѣдѣніями о призывныхъ къ исполненію воинской повинности.

Мы не беремся судить о томъ, какъ измѣрялъ г. Зографъ; равнымъ образомъ въ нашу задачу не входитъ сопоставленіе его данныхъ съ данными другихъ антропологовъ. Наше дѣло лишь сообщить результаты его изслѣдованія.

«Какъ тѣ антропологическія данныя, которыя получены наблюденіями моими и Н. И. Лыжина, такъ и тѣ данныя, которыя даетъ намъ литература, убѣждаютъ насъ въ томъ, что Великоруссы не являются народностью чистою, однообразною, что, напротивъ того, въ Великоруссѣ смѣшано нѣсколько типовъ, и типовъ, повидимому, разнообразныхъ и многочисленныхъ. Число этихъ типовъ, давшихъ начало великорусскому народу, опредѣляется разными авторами различно. Большая часть авторовъ, въ томъ числѣ почти всѣ многочисленные изслѣдователи культуры и языка русскаго народа, склонны къ тому, чтобы видѣть въ русскомъ народѣ вообще, въ Великоруссахъ же центральной Россіи въ частности слитіе двухъ преобладающихъ типовъ—славянскаго пришлаго, не кореннаго въ Великой Россіи, и древняго, кореннаго обитателя, который называется одними финнской, другими угорской, третьими болѣе общимъ названіемъ—урало-алтайской народностью»... Типы Великоруссовъ изслѣдованныхъ г. Зографомъ губерній «группируются въ двѣ довольно удобно различимыя группы, имѣющія общіе признаки, довольно характерно отличающіе ихъ другъ отъ друга», въ два общіе типа: великорослый и низкорослый.

Первый типъ имѣетъ «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1700 миллиметровъ; голова у него «суббрахицефалична, но съ наклонностью къ мезатицефаліи и съ случаями долихоцефаліи»; цвѣтъ волосъ преимущественно—свѣтлорусый, глазъ—сѣрый.

Второй типъ имѣетъ «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1630 миллиметровъ, голову суббрахицефаличную, съ наклонностью къ брахицефаліи, цвѣтъ волосъ преимущественно—темнорусый, глазъ—сѣрый.

Родоначальники перваго типа, высокорослаго и свѣтловолосаго, имѣющаго себѣ много родственнаго въ типахъ Бѣлоруссовъ, Малоруссовъ, Литовцевъ,—Славяне; родо-

начальники втораго, низкорослаго и темноволосаго, заключающаго въ себѣ черты близкія къ чертамъ Пермяковъ, Вотяковъ, Черемисъ, Мордвы,—автохтоны Финны [1]).

Таковы результаты изслѣдованія проф. Зографа. Они всякому сколько-нибудь знакомому съ предметомъ сразу внушаютъ полное недовѣріе. Вѣдь ближайшіе родичи Великоруссовъ, въ которыхъ никто еще не подозрѣвалъ финнской примѣси,—Бѣлоруссы [2]) и Малоруссы [3]), по преимуществу брахицефалы и зачастую—особенно Малоруссы—темноволосые! Вѣдь ближайшіе родичи Русскихъ—Сербы, Чехи, по преимуществу также брахицефалы и темноволосые! Вѣдь Финны Сибири—долихоцефалы, а собственно - Финны и Эсты, а отчасти и восточные Финны, свѣтловолосые! Вѣдь Поляки—по преимуществу низкорослы, а Эсты—великорослы [4]).

И дѣйствительно, выводы проф. Зографа не имѣютъ права называться выводами. Авторъ получилъ ихъ не путемъ сравнительно-антропологическаго изслѣдованія Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ съ Малоруссами, Русскихъ вообще и другихъ Славянъ, Славянъ вообще и Финновъ (которое одно могло-бы имѣть цѣну), а на основаніи историко-филологическихъ теорій.

Мы, конечно, отнюдь не считаемъ себя въ правѣ ставить г. Зографу въ упрекъ то, что онъ не занялся изученіемъ нашихъ лѣтописей или лингвистическими изслѣдованіями. Мы съ горестью признаемъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе.

Наши историки почти всѣ утверждаютъ, что Русскіе, предки Великоруссовъ, заняли мѣста нынѣшняго великорусскаго центра мирнымъ путемъ, что они поселились на земляхъ никѣмъ не занятыхъ, рядомъ съ автохтонами Финнами, что они ассимилировали съ собою этихъ Финновъ, что въ Великоруссахъ центра такимъ образомъ течетъ столько же славянская, сколько и финнская кровь. Ученіе нашихъ историковъ легло въ основаніе извѣстной теоріи Духинскаго о Великоруссахъ, до сихъ поръ повторяемой западно-европейскими учеными и публицистами, которая была бы простымъ логическимъ выводомъ изъ него, если бы не заключала въ себѣ слишкомъ большихъпреувеличеній...

Лишь Костомаровъ высказался иначе. Въ одной изъ статей его мы читаемъ: «Финнскія племена, жившія на земляхъ нынѣшняго великорусскаго центра и давшія въ до-историческое время названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку»...

---

[1]) Стр. 172—175.

[2]) «Бѣлоруссы Виленской губ. отличаются какъ отъ Литовцевъ, такъ и отъ Великороссіянъ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, нѣсколько выстающимъ носомъ и худощавостью». Этнографич. Сборн., III, 122.—Бѣлоруссы Витебской губ. имѣютъ средній ростъ, полусмуглое лицо, различный цвѣтъ волосъ: чаще русый и свѣтлорусый, гораздо рѣже совершенно черный и рыжій. Князь Долгоруковъ, Витебская губ. Историко-географ. и статистич. обзоръ, Витебскъ, 1890, стр. 235.

[3]) Какъ разнообразны типы малорусскаго населенія въ мѣстахъ его древней территоріи, можно видѣть изъ слѣдующихъ описаній жителей двухъ частей Волынскаго Полѣсья.

«Коренной житель» Полѣсья, говорится въ одномъ, имѣетъ русые волосы, голубые глаза, складъ лица болѣе широкій, чѣмъ продолговатый, съ узкимъ лбомъ, средній ростъ; «черноволосыхъ и черноглазыхъ Полѣшуковъ не видно» (Волынск. Губернск. Вѣдом. 1868 г., № 125).

«Полѣсскій народъ, читаемъ мы въ другомъ описаніи, вообще много отличаясь отъ Волынянъ, рѣзко отличается отъ чисто-русскаго народа по наружности, именно: цвѣтъ лица большею частію смуглый у мужчинъ и блѣдно-желтый у женщинъ, волоса черные, ростъ средній, глаза сѣрые и рѣдко голубые. На сто человѣкъ вѣрно можно положить пять, кои имѣли бы лице бѣлое съ волосами бѣлыми или рыжими». (Волынскія Губернскія Вѣдом. 1859 г. № 15).

Ближайшіе родичи волынскихъ Полѣшуковъ—Полѣшуки Сѣдлецкой губ.—«по большей части бѣлокуры». Русск. Филологич. Вѣстн. 1884 г., № 2, стр. 255.

О цвѣтѣ волосъ и глазъ у Малоруссовъ наиболѣе родственныхъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ, именно у Украинцевъ, Галичанъ и горцевъ см. у Талько-Грынцевича (Zbiór wiad. do antropologii krajowej, т. XIV).

[4]) Анучинъ, О географическомъ распредѣленіи роста, карта VI.—Закржевскій въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. XV, карта. Срв. Анучинъ статья «Великоруссы» въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Эфрона (1892).—Зыряне въ Удорѣ—«народъ рослый, сильный». Вологодскій Сборникъ, I, 21.

«Финскія племена ассимилировались (съ Великоруссами) только отчасти; гораздо въ большихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва [1]) подвинулась въ началѣ XVIII вѣка въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространившееся русское народонаселеніе [2]).

Да въ недавнее время докторъ Елисеевъ въ своей статьѣ по археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна (которая, къ нашему удивленію, осталась совершенно неизвѣстна проф. Зографу) пришелъ къ такимъ соображеніямъ. «Первые славянскіе пришельцы, говоритъ онъ, достигшіе волоковъ, раздѣляющихъ бассейны Волги, Днѣпра, Западной Двины и Ильменя, встрѣтили въ этихъ мѣстностяхъ полубродячее, полуосѣдлое племя финнско-угорской семьи... Все болѣе подвигаясь къ сѣверу и сѣверо-западу, Славяне тѣмъ болѣе тѣснили аборигенныя финнскія племена. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Финновъ было немного и гдѣ этихъ послѣднихъ ничто не приковывало къ данной мѣстности, какъ напримѣръ Финновъ полудикихъ-охотничьихъ, Славяне, разумѣется, подвигались впередъ безпрепятственно. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе было кучнѣе и гдѣ, слѣдовательно, было больше условій, приковывавшихъ осѣдлыхъ туземцевъ, а также тамъ, гдѣ Финнамъ дѣваться было некуда, Славяне встрѣчали со стороны послѣднихъ отчаянное сопротивленіе... Финнъ тихъ и миролюбивъ по природѣ, это правда; но если затронуть его, онъ сражается какъ левъ; не даромъ Новгородцы и потомъ Шведы въ своихъ войнахъ употребляли съ такою охотою финнскіе полки... Рядъ кургановъ по обѣимъ берегамъ Ловати, Полы, Мсты и отчасти Волхова, Порусьи и Полисти обозначаетъ собою путь, по которому въ бассейнѣ Ильменя двигалась къ сѣверу славянская колонизація, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на тѣ мѣста, гдѣ пришельцамъ было оказано большее или меньшее сопротивленіе со стороны туземцевъ... Въ этихъ мѣстахъ, одаренныхъ всѣми благами, какія только возможны подъ этою параллелью, гдѣ населеніе было искони, пришельцамъ Славянамъ было оказано сильное сопротивленіе. Съ бою славянскіе колонисты завладѣли каждымъ кусочкомъ земли, кровью своею и финнскою они оросили ее, и группы кургановъ, полныхъ человѣческими костьми, подтверждаютъ это. У дд. Теребини ихъ 6, Середки и Селяхи по 3, въ Далевѣ, Коньковѣ по 4, Перелѣскѣ, Коломнѣ 5, при Рыдинѣ 7, при Волмѣ 14, при Золотомъ Камнѣ 17. Въ плодородныхъ мѣстностяхъ между Шелонью и Ловатью группы кургановъ свидѣтельствуютъ также, что и здѣсь туземцы уступили пришельцамъ не безъ упорной борьбы. То же самое замѣчаемъ мы и въ плодородныхъ мѣстностяхъ Демянскаго уѣзда, гдѣ полны человѣческими костями группы сопокъ» [3]).

Теорія мирнаго занятія Русскими пустыхъ земель нынѣшняго великорусскаго центра и поселенія рядомъ съ Финнами не имѣетъ за собою никакихъ основаній. Въ ея пользу не говорятъ ничего ни лѣтописи, ни преданія, ни языкъ Великоруссовъ центра.

Начальная лѣтопись знаетъ Финновъ лишь въ немногихъ мѣстахъ центра: Мурому у города Мурома и при устьѣ Оки и Мерю на берегахъ озеръ Ростовскаго и Клещинина. Она упоминаетъ о нихъ лишь на первыхъ своихъ страницахъ, причисляя ихъ къ народамъ, «дающимъ дань Руси», наравнѣ съ Мордвою, Печерою, Литвою. Другія, болѣе позднія лѣтописи: Кіевская, Новгородская, даже Суздальская, не называютъ ни разу самыхъ именъ этихъ финнскихъ народовъ. Недавно открытое «Слово о погибели русской земли», половины XIII вѣка, перечисляя «поганскія страны», говоритъ только о Мордвѣ, Буртасахъ, Черемисахъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относительно того, что случилось съ Муромою и Мерею, слились ли эти Фнины съ Русскими, или удалились на востокъ, и можемъ судить лишь на основаніи аналогій. Русскіе въ исто-

[1]) Мы можемъ указать еще на Вотяковъ, которые, по мѣстному преданію, подвинулись съ сѣверо-запада Вятской губерніи на юго-востокъ. См. статью «Вотяки» въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза-Эфрона (1892 г.).

[2]) Основа 1861 г., № 2, стр. 128 (статья: «Отвѣтъ на выходки газеты Czas»).

[3]) Журн. Мин. Н. Пр. 1881 г. № 5 (ст. «Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна»). Авторъ нашелъ въ курганахъ черепа долихоцефальные, по его мнѣнію— финнскіе, и брахицефальные, по его мнѣнію—русскіе.

рическое время нигдѣ не выказали стремленія къ обрусенію Финновъ, и Новгородцы, напримѣръ, столь мало позаботились объ обрусеніи своихъ Води и Ижоры, что послѣдніе и до сихъ поръ остаются Финнами; поэтому, кажется, вполнѣ позволительно думать, что Мурома, жившая при устьѣ Оки и сосѣдившая съ Мордвою, во всякомъ случаѣ не охваченная съ разныхъ сторонъ русскими поселеніями, если бы осталась въ мѣстахъ своего жительства, сохранила бы до позднѣйшаго времени свою народность. И такъ, повидимому, она ушла подъ напоромъ русскихъ сосѣдей и отъ притѣсненій русскихъ сборщиковъ дани.

Ни Начальная лѣтопись, ни другія не говорятъ объ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ Русскихъ къ Финнамъ. Послѣдніе «даютъ дань Руси», даютъ, какъ естественно предполагать и какъ видно изъ показаній лѣтописей, не добровольно, а по принужденію. Если Водь и Ижора, сосѣди Новгородцевъ, въ историческое время уже смирились съ своею участью данниковъ [1]), то другіе Финны, болѣе отдаленные отъ большихъ русскихъ городовъ, платятъ дань лишь тогда, когда передъ ними являются «данщики» съ многочисленными дружинами или цѣлыя войска и когда сопротивленіе невозможно. Лишь только они чувствуютъ себя въ состояніи дать отпоръ Русскимъ, они отстаиваютъ свою свободу. Новгородская лѣтопись полна описаніями походовъ Новгородцевъ на западную «Чудь», т. е. на Эстовъ; въ ней же нѣсколько извѣстій объ избіеніи «данщиковъ» съ дружинами «за Волокомъ», въ Печерѣ и въ Югрѣ (1079, 1187, 1193 гг.). Суздальская лѣтопись не разъ говоритъ о походахъ Суздальцевъ на Мордву. Вообще въ историческое время (XI—XIV вв.), по лѣтописямъ, вездѣ—и на западѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ—взаимныя отношенія Русскихъ и Финновъ таковы, что вдали отъ большихъ русскихъ городовъ первымъ невозможно показываться среди послѣднихъ въ видѣ мирныхъ колонистовъ, семьями или даже небольшими общинами.

Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія особенно интересны. Запись Паремейника 1271 года говоритъ, что онъ написанъ «Матигорцамъ за Волокъ», т. е. жителямъ поселенія Матигоры, на югѣ нынѣшней Архангельской губерніи, очевидно Русскимъ. Она показываетъ, что въ половинѣ XIII вѣка были уже болѣе или менѣе значительныя русскія поселенія по нижнему теченію Сѣверной Двины. Новгородская лѣтопись даетъ намъ право предполагать, что отношенія этой русской колоніи къ ея финскимъ сосѣдямъ съ юга не были дружественными. Въ ней подъ 1219 годомъ упоминается о походѣ Новгородцевъ «на Тоймокары», т. е. по всей вѣроятности на жителей городка Тоймы, упоминаемаго въ уставѣ кн. Святослава Ольговича XII вѣка, на берегу рѣки Тоймы (въ нынѣшней Вологодской губ., близь границъ Архангельской), на тѣхъ «поганыхъ Тоймичей», о которыхъ говоритъ «Слово о погибели русской земли»; а подъ 1323, 1324, 1329 годами разсказывается о возстаніи Устюжанъ (т. е. Финновъ, владѣвшихъ городомъ, который Русскіе называли Устюгомъ), о походѣ на нихъ, кончившемся миромъ «по старой пошлинѣ», объ избіеніи ими Новгородцевъ. Какъ будто всѣ эти походы предприняты Новгородцами для защиты своей колоніи, занявшей очень выгодное для морскихъ промысловъ мѣсто и захватившей эти промыслы въ свои руки,—отъ тѣснившихъ ее туземцевъ [2]).

Современныя преданія или совсѣмъ молчатъ о Финнахъ (между прочимъ во всемъ великорусскомъ центрѣ), или говорятъ о борьбѣ съ ними, кончившейся ихъ бѣгствомъ или истребленіемъ. Нашъ сѣверъ (губерніи Архангельская, Вологодская, Олонецкая, отчасти даже Пермская) вообще богатъ преданіями о «Чуди бѣлоглазой», а ближайшая къ Двинѣ часть Архангельской губ. (уѣзды Шенкурскій и Холмогорскій) въ особенности.— Въ Шенкурскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что прежніе его обитатели, Чудь, отчаянно за-

---

[1]) Лишь одинъ разъ, подъ 1069 г., Новгородская лѣтопись позволяетъ думать, что было возстаніе, или измѣна Води. Она говоритъ: «о велика бяше сѣча Вожаномъ! и паде ихъ безчисленое число».

[2]) Двинская колонія Новгородцевъ должна быть одной изъ старшихъ русскихъ колоній на сѣверѣ. Говоръ Двинянъ въ XIV вѣкѣ уже былъ отличенъ отъ новгородскаго того же времени. Говоры современныхъ потомковъ Двинянъ также имѣютъ свои рѣзкія особенности, какихъ нѣтъ въ другихъ говорахъ сѣвера, происшедшихъ отъ древняго новгородскаго.

щищались отъ Русскихъ и для этого строили крѣпости на каждомъ удобномъ мѣстѣ. Но защита имъ не удалась, и одни изъ нихъ бѣжали въ лѣса, другіе со всѣмъ имуществомъ закапывались въ глубокія ямы и тамъ убивали сами себя. Послѣднее дѣлалось такимъ образомъ. Выкопанныя ямы покрывались крышею на столбахъ, на крыши накладывались земля и камни; затѣмъ Чудь сходила въ ямы, подрубала столбы и гибла. Въ деревнѣ Чучепалѣ, на рѣкѣ Мезени (близь границы Вологодской губ.), разсказываютъ, что Русскіе, поселившіеся въ этихъ мѣстахъ, такъ расправились съ своими сосѣдями— «Чудью бѣлоглазою»: они зимою прорубили въ рѣкѣ ледъ и загнали Чудь въ полынью [1]).

Подобныя преданія прекрасно дополняются одной дѣтской игрой въ Пинежскомъ уѣздѣ. Она говоритъ только о Самоѣдахъ, но, конечно, характеризуетъ отношенія Русскихъ стараго времени вообще къ сосѣдямъ туземцамъ. Эта «игра въ Самоѣды», игра, сходная съ игрой въ прятки, состоитъ въ томъ, что половина играющихъ дѣтей прячется, а другая идетъ разыскивать ихъ съ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пойдемъ Самоядь искать,
Самоядочку трепать;
Ужъ мы Самоядь найдемъ,
Пополамъ разорвемъ.

Найденные ведутся на веревкѣ и кладутся на землю; а поймавшіе, наложивъ имъ на грудь колѣно, спрашиваютъ: смерти или живота? и давятъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не скажутъ: живота [2]).

Что наконецъ говоритъ намъ языкъ Великоруссовъ центра? Покойный Веске въ своихъ вообще очень почтенныхъ «Славяно-финнскихъ культурныхъ отношеніяхъ по даннымъ языка» (Казань, 1890) отмѣтилъ небольшое количество словъ, будто бы заимствованныхъ Великоруссами центра у Финновъ и находящихся въ говорахъ центральныхъ губерній, въ родѣ торкать, турить, лебезить, холить, лытать, коверкать, кувыркать, ковырять, каверзить, юркій, вехоть, калужа. Но ни одно изъ этихъ словъ не можетъ быть признано даже съ нѣкоторою вѣроятностію за финнское по происхожденію; напротивъ, большая часть или существуетъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (напримѣръ, въ словинскомъ vehet, въ чешскомъ trkati, kaluże), или

[1]) Преданія нашего сѣвера о Чуди собраны у Ефименка, Заволоцкая Чудь Архангельскъ, 1869.—Вотъ еще преданіе жителей г. Никольска (Вологодской губ.). Они разсказываютъ, что въ окрестностяхъ ихъ города нѣкогда жилъ поганый народъ, который прятался отъ Русскихъ въ ямы, прикрытыя сверху землею; что Русскіе обрушивали крыши на этихъ поганыхъ и тѣмъ душили ихъ. Вологодскій Сборникъ, V, 195.—Литература о Чуди отчасти указана А. Н. Веселовскимъ въ «Замѣткахъ о литературѣ и народной поэзіи», Спб. 1883, стр. 83—84. Слово Чудь въ Архангельской губерніи употребляется съ одной стороны какъ бранное, съ другой—матерьми для стращанья дѣтей.

[2]) Ефименко, Матеріалы по этнографіи р. населенія Арханг. губ. I, 155 (Изв. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этн., т. XXX).

Едва ли не о до-исторической борьбѣ Русскихъ съ Финнами говоритъ одна корельская легенда.

«Мудрецъ Похіольскій, старый вѣщунъ, собралъ всѣхъ Суомалайнъ, передалъ князю ихъ дары и приглашалъ послушать его слова. Онъ повѣдалъ только, что открылось ему въ полученномъ снѣ. Видѣлъ я, говорилъ мудрецъ, что въ далекой Vanoja (Руси) подымается грозная буря... Идите отсюда поэтому по большой рѣкѣ (Волхову?) къ великому озеру (Ладожскому). Я слушалъ траву въ зеленомъ полѣ, слушалъ стрекотанье кузнечика въ густой зелени, спрашивалъ вѣтеръ, летящій отъ юга, вопрошалъ рыбу въ великой рѣкѣ, спрашивалъ быструю птицу, быстро несущагося зайца, мудраго медвѣдя и узналъ, что грозитъ бѣда народу Суомалайнъ. Послушались разумные люди и со стадами своими ушли по рѣкѣ къ великому озеру, а неразумные остались. Имъ жалко было бросить рыбу въ рѣкѣ, траву на лугахъ, пищу въ полѣ и въ лѣсу, и они не побоялись словъ похіольскаго старца. Сонъ же мудреца исполнился. Грозная буря поднялась съ далекой Vanoja, великія волны разбили лодки непослушныхъ, добрый народъ погубили грозные люди, пришедшіе по великой рѣкѣ. Стонутъ сыны суомійскіе подъ тяжелою рукою страшныхъ враговъ; ихъ стрѣлы только скользятъ по искусно выкованнымъ грудямъ чужеземцевъ; добрый народъ изрубили южные люди, увели съ собою они прекрасныхъ какъ радуга дѣвъ сѣвера въ тяжкую неволю». Древн. и Нов. Россія 1880 г. № 10, стр. 273—274 (ст. Елисеева).

имѣетъ въ нихъ близкихъ и несомнѣнныхъ родичей (въ церковно-славянскомъ языкѣ лобъзати). Другіе ученые, разыскивавшіе финнизмы въ великорусскомъ нарѣчіи, были еще менѣе счастливы, чѣмъ Веске. Конечно, будущіе изслѣдователи, которые соединятъ съ знаніемъ русскихъ говоровъ и славянскихъ нарѣчій отличное знаніе финскихъ языковъ (особенно восточныхъ), можетъ быть, разыщутъ какіе-нибудь финнизмы, искони принадлежащіе говорамъ центра, а не заимствованные ими изъ говоровъ сѣвера, какъ кеньги, ягель, салакушка, можетъ быть сельдь, семга, сигъ, навага; но сомнительно, чтобы эти финнизмы оказались сколько-нибудь многочисленными. Мы думаемъ такъ на основаніи данныхъ говоровъ нашихъ сѣверянъ, искони жившихъ рядомъ съ Финнами, пришедшихъ на сѣверъ издалека и встрѣтившихъ въ сѣверной природѣ очень много для себя новаго. Эти говоры далеко не богаты финнизмами. Ни одинъ изъ нихъ не представляетъ сходства съ тѣми говорами Сибири, которые принадлежатъ Русскимъ смѣшавшимся съ инородцами и въ которыхъ остяцкія, тунгузскія, якутскія, бурятскія слова, съ самыми разнообразными значеніями, находятся почти въ томъ же количествѣ, какъ и русскія. Финнизмы нашихъ сѣверныхъ говоровъ—почти исключительно тѣ слова, которыя обозначаютъ растенія, растущія только на сѣверѣ, рыбъ, водящихся только въ сѣверныхъ рѣкахъ и моряхъ, снаряды и способы ихъ ловли, суда, приспособленные для плаванья по сѣвернымъ рѣкамъ и озерамъ, особенности сѣверной природы и т. п., словомъ тѣ слова, которыя до извѣстной степени необходимо заимствовать пришельцамъ отъ туземцевъ и которыя могутъ быть заимствованы при отсутствіи сколько-нибудь тѣснаго общенія между ними. Вотъ рядъ ихъ: мянда (болотная сосна), паккула (наростъ на березѣ), тинда, вальчакъ, лохъ, кирьякъ, лоншать, панъ (названія семги), тагасъ (неводъ для ловли снятковъ), гарва (сѣть для ловли семги), курма (сѣть въ рѣкѣ на кольяхъ), торбать (пугать весломъ рыбу), курья (рѣчка, рѣчная заводь), салма (проливъ между островами), селга, шалга (сырая поросшая лѣсомъ мѣстность), едма (болотистая мѣстность), кенда (возвышенный песчаный берегъ), мегъ (вдающаяся въ рѣку часть берега) шуга̀ (осенній мелкій ледъ). Финнизмы съ болѣе общимъ значеніемъ, въ родѣ кехтать (желать), кульпаться (барахтаться въ водѣ), малтать (понимать), и мало распространены, и малочисленны [2]).

Намъ могутъ указать на мѣстныя названія рѣкъ, озеръ, горъ, разсѣянныя по всѣмъ землямъ великорусскаго центра, финскія по происхожденію. Но мѣстныя названія—такія слова, которыя вездѣ отличаются замѣчательною живучестью и которыя до чрезвычайности легко, при самомъ слабомъ общеніи, переходятъ, отъ одного народа къ другому (черезъ путешественниковъ, лазутчиковъ, плѣнниковъ). Мы теперь еще пользуемся скиѳскими или сарматскими названіями Дона, Днѣпра, Днѣстра, Прута; весь цивилизованный міръ употребляетъ варварскія имена Миссисипи, Миссури, Мичиганъ, Онтаріо и т. п.

И такъ, нѣтъ данныхъ, которыя бы говорили о мирномъ занятіи Русскими пустыхъ земель рядомъ съ Финнами.

И это вполнѣ естественно. Можно ли говорить о пустыхъ, никому въ той или другой степени не принадлежавшихъ земляхъ на берегахъ Волги, Оки, Клязьмы въ тѣ времена, когда сѣверныя тундры уже имѣли свое населеніе? Можно ли говорить объ отсутствіи населенія или его чрезвычайной рѣдкости, когда даже ничтожныя по величинѣ рѣчки и ручьи великорусскаго центра имѣютъ не-славянскія названія и тѣмъ показываютъ, что передъ приходомъ Русскихъ при нихъ или близко отъ нихъ находилось не-славянское населеніе? Имѣемъ ли мы право полагать, что занимавшіе лучшія мѣста Финны добровольно подѣлились своими пастбищами, бортными ухожаями, рыбными

[1]) Подобныя слова заимствованы, напримѣръ, Европейцами у туземцевъ Австраліи: названія животныхъ кенгуру, динго, вомбатъ и др.

[2]) Финнизмы со спеціальнымъ значеніемъ встрѣчаются (и нерѣдко) въ сѣверно-русскихъ документахъ XIV—XVII вв. (селга въ документѣ 1391 г., курья въ документѣ XIV в., едма, вода куромная въ док. XIV—XV в., тинда, гарва въ док. 1591 г., тагасъ въ док. XVII в.), финнизмы же съ общимъ значеніемъ имъ неизвѣстны.

зойлами съ пришельцами Русскими, или что Русскіе, болѣе цивилизованные и лучше вооруженные, чѣмъ Финны, выйдя добровольно изъ своей прародины, не попробовали отнять лучшія мѣста у Финновъ и поселились въ какихъ-нибудь лишенныхъ для туземцевъ цѣнности болотахъ и трущобахъ? Мы можемъ отвѣтить на эти вопросы лишь отрицательно. Вотъ кое-какія данныя изъ современности и недавняго прошлаго, когда правительственная власть уже охраняла права туземцевъ Финновъ.

У Вогуловъ, разсказываетъ Альквистъ, «земля, или лучше сказать—лѣсъ есть общее достояніе, такъ что каждый имѣетъ право въ немъ охотиться и стрѣлять, сколько ему угодно. Живущимъ южнѣе по р. Пелыму Русскимъ Вогулы не иначе позволяютъ охотиться, какъ только вмѣстѣ съ ними... Вогулъ свое право охоты дѣлитъ съ Русскимъ, а сей послѣдній снабжаетъ его за то хлѣбомъ, вся же добыча дѣлится на равныя части. Но относительно рыболовства существуютъ другіе порядки, такъ какъ всякое устье или другое какое-нибудь рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣетъ своего владѣльца, отъ котораго только Русскіе и могутъ брать эти мѣста на аренду» [1]).

«Самыя лучшія и выгодныя мѣста (въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.), какъ напримѣръ около рѣкъ и по возвышенностямъ, заселены коренными мѣстными жителями Мордвою... Разсказываютъ, что лѣтъ за 70 у жителей деревни Нехорошева (Лукояновскаго уѣзда) каждую весну бывали сраженія съ сосѣднею Мордвою изъ-за земли. Сражались кольями, стрѣляли изъ лучка каменьемъ и побоище рѣдко обходилось безъ смертоубійствъ» [2]).

Мы думаемъ, что Великоруссы центра не могутъ быть потомками Финновъ въ такой же степени, въ какой и потомками Русскихъ. Это, конечно, не мѣшаетъ намъ видѣть въ нихъ нѣкоторую примѣсь финнской крови. По нашему мнѣнію, остатки Финновъ, загнанные въ болота и лѣсныя трущобы, были оставлены въ покоѣ Русскими, и окруженные ими, мало по малу обрусѣли. Обиліе финнскихъ названій селъ и деревень въ какой-либо мѣстности есть, кажется, хорошій признакъ того, что въ этой мѣстности болѣе или менѣе долго сохраняли свою народность Финны. Такое обиліе мы находимъ въ сѣверной, болотистой части Рязанской губерніи; здѣсь рядъ названій въ родѣ: Нармушадъ, Салауръ, Вещуръ, Чарусъ, Ибердусъ, Нарма (Касимовскій уѣздъ), Шатуръ, Телема, Чисьма, Кочема, Тюрвищъ (Егорьевскій уѣздъ), Экшуръ, Ушмаръ, Изохта, Кайманъ, Чарсуль (Рязанскій уѣздъ) [3]), и при нихъ названіе всей мѣстности Мещерскою стороною, а жителей ея кое-гдѣ Мещеряками [4]). Такое же обиліе финнскихъ названій мы видимъ по рѣкѣ Костромѣ, Костромской губ.: Нукша, Шунга, Пестеньга, Колгора, Сандогора. Сверхъ того, свою долю вліянія на Великоруссовъ должны были оказать рабы Финны, нѣкогда, судя по даннымъ лѣтописей, многочисленные [5]).

Теперь нѣсколько словъ объ одномъ изъ типовъ великорусскихъ.

Сравненіе Великоруссовъ съ ихъ русскими и славянскими родичами позволяетъ намъ думать, что опущенный г. Зографомъ изъ виду, но нерѣдкій еще и теперь въ Великой Руси типъ—темноволосый, отчасти темноглазый, отчасти свѣтлоглазый, не малорос-

---

[1]) Л. Н. Майковъ. О древней культурѣ западныхъ Финновъ, Спб. 1877, стр. 97.— Около 1638 г. Остяки подали челобитную на одного Русскаго, поселившагося при впаденіи рѣки Дыбчаса въ Енисей: «Написалъ (онъ) воровски, будто-де то мѣсто у Дыбчаса пусто и не владѣетъ тѣмъ мѣстомъ никто..., а то мѣсто не пустое и владѣли тѣмъ мѣстомъ искони вѣка дѣды наши и прадѣды;... и мы, сироты твои, и отцы наши тамъ соболей, всякаго съѣстнаго звѣря и рыбу промышляли». П. Н. Буцинскій, Мангазея и Мангазейскій уѣздъ, Харьковъ 1893, стр. 32.

[2]) Нижегородскій Сборникъ, II, стр. 20, 229 (1869 г.).

[3]) Мы, конечно, не принимаемъ во вниманіе названій поселеній тожественныхъ съ названіемъ рѣкъ (въ родѣ Москва).

[4]) Толковая Палея, въ своемъ перечнѣ финнскихъ племенъ (не менѣе древнемъ, чѣмъ перечень Начальной лѣтописи), упоминаетъ о Мещерѣ, не указывая мѣстъ ея поселеній.

[5]) Не они ли составляли ту челядь, которою во времена Святослава торговала Русь?

лый, съ бѣлымъ цвѣтомъ и съ правильными чертами лица, болѣе или менѣе красивый,— одинъ изъ чисто славянскихъ типовъ. Его мы находимъ въ Паозерьѣ, на берегахъ озера Ильменя, гдѣ живутъ прямые потомки древнихъ Новгородцевъ. «Въ этомъ краю, говоритъ наблюдатель, жители имѣютъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ прочихъ жителей губерніи. Народъ рослый, мускулистый, широкоплечій. Лицо широкое съ прямымъ, довольно мясистымъ носомъ, съ карими глазами, съ темнорусыми густыми волосами на головѣ и бородѣ. Характера твердаго до упрямства, смѣлаго и разудалаго» [1]. Этотъ типъ обыченъ въ средѣ великорусскаго духовенства (съ его свѣтскимъ потомствомъ), въ средѣ того сословія, которое издревле представляло нѣкоторую замкнутость и брачилось по преимуществу между собою [2]. Этотъ же типъ постоянно воспѣвается въ великорусскихъ пѣсняхъ разныхъ мѣстностей, когда они говорятъ о чернобровыхъ и черноглазыхъ:

Изъ лица она красавица:
Безъ бѣлилъ—лицо бѣлое,
Безъ румянъ—щечки розовы,
Безъ сурмилъ—брови черныя.

Прилегайте вы, кудри русыя,
Къ его лицу, лицу бѣлому,
Къ его щечкамъ, щечкамъ розовымъ,
Къ его бровямъ, бровямъ чернымъ.

—

Чернобровая моя, подыми шляпу (Казань).

—

Саша чернобровая,
Черноброва хороша.

—

Чернобровый мальчикъ, черноглазый (Вологодская губ.) [3].

А. Соболевскій.

Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (u latach 1861—1891), muzyce opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. 1892. 8°, str. 361.

Какъ видно изъ словъ составителя, настоящій сборникъ образовался въ теченіи тридцати лѣтъ, посвященныхъ собиранію памятниковъ народнаго творчества. Въ предисловіи мы узнаемъ, что г. Глогеръ началъ собирать народныя пѣсни еще будучи ученикомъ 4-го класса, къ чему пріохотили его лекціи извѣстнаго К. В. Войцицкаго, одного изъ первыхъ собирателей польскихъ народныхъ пѣсенъ. Перечитывая затѣмъ другіе сборники г. Глогеръ пришелъ къ заключенію, что даже извѣстные этнографы допускали въ текстахъ записываемыхъ пѣсенъ значительныя ошибки вслѣдствіе неправильнаго способа записыванія. Онъ поставилъ себѣ задачей выбрать изъ массы матеріала тексты наиболѣе простые, но характеристичные, которые могли бы послужить пособіемъ при изученіи народной словесности. Такимъ образомъ появился настоящій

---

[1]) Новгородскій Сборникъ, I, стр. 3.

[2]) Это замѣчено не нами. См. Московскія Вѣдомости 1892 года №№ 210 («Научныя замѣтки») и 212.

[3]) Овсянниковъ, Русскія народн. пѣсни, записанныя въ г. Казани (Каз. 1886). Вологодск. Сборн., IV. То же у нашихъ поэтовъ, какъ у подражавшихъ народнымъ пѣснямъ: Чернобровый, черноглазый молодецъ удалый (Мерзляковъ), Лицо бѣлое,.. косы черныя (Кольцовъ), такъ часто и у не подражавшихъ (у Пушкина, Лермонтова). Пѣсни, и великорусскія, и малорусскія (свадебныя), говорятъ о русой косѣ. Но понятіе о русомъ цвѣтѣ—понятіе очень широкое: современный языкъ называетъ русыми волосами—волосы отъ самыхъ свѣтлыхъ до почти-черныхъ.

сборникъ, образовавшійся частью изъ пѣсенъ, записанныхъ самимъ г. Глогеромъ, частью изъ доставленныхъ ему, частью же—изъ найденныхъ имъ въ старыхъ рукописяхъ изъ разныхъ закоулковъ Царства Польскаго. Всего въ сборникѣ мы находимъ 1881 пѣсню, причемъ все это громадное количество сгруппировано составителемъ въ пять главныхъ отдѣловъ. Разсмотримъ эти пѣсни и постараемся дать безпристрастную оцѣнку труду собирателя ихъ—г. Глогера.

Обратимся къ содержанію сборника. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 128 пѣсенъ, относящихся къ различнымъ праздникамъ; здѣсь мы находимъ колядки, пѣсни при дожинкахъ, пѣсни весеннія и др., причемъ нѣкоторыя носятъ слѣды большой древности, напр. стр. 16, № 26, стр. 31, № 53, стр. 55, № 107.

Второй отдѣлъ, въ которомъ искусно сгрупированы свадебныя пѣсни числомъ 570, даетъ полную и яркую картину свадебной драмы во всѣхъ ея перипетіяхъ.

Третій отдѣлъ, заключающій въ себѣ 164 думы и думки является для насъ наиболѣе интереснымъ. Большинство этихъ пѣсенъ представляютъ собой или странствующіе или общіе мотивы у всѣхъ славянскихъ и сосѣднихъ народовъ. Въ «Живой Старинѣ» уже были сдѣланы попытки дать библіографію подобныхъ мотивовъ, почему мы здѣсь и считаемъ нелишнимъ отмѣтить нѣкоторыя, наиболѣе распространенныя темы изъ сборника г. Глогера, тѣмъ болѣе, что къ нему не приложено ни оглавленія, ни указателя. Вотъ рядъ этихъ темъ:

Братъ, возвращающійся съ войны домой, находитъ у сестры-дѣвушки ребенка и въ наказаніе за грѣхъ убиваетъ ее, стр. 143, № 2.

Сестра отравляетъ брата, чтобы безпрепятственно жить съ любовникомъ стр. 147—9, № 7.

Дѣвушка убѣгаетъ съ любовникомъ, братья настигаютъ ихъ, убиваютъ любовника и возвращаютъ ее, стр. 149, № 9.

Молодецъ, взявъ у дѣвушки рутяной вѣнокъ, покидаетъ ее, ихъ разговоръ, стр. 149, № 10; стр. 150, № 11.

Дѣвушка плачетъ на кораблѣ, жалуясь на замужество противъ ея желанія, стр. 150, № 13.

Дѣвушку сманиваетъ, увозитъ молодецъ (1 вар.) или рыцари (2 вар.) стр. 152—3, № 14, № 15.

Дѣвушка проситъ взять ее съ собой на войну, стр. 159—62, № 26, 27.

Жена умираетъ въ отсутствіи мужа, стр. 163—5, № 28.

Молодецъ идетъ на войну, дѣвушку насильно выдаютъ замужъ; возвращеніе его домой, стр. 165, № 29.

Возвращеніе мужа, стр. 165, № 30.

Жена въ отсутствіи мужа измѣняетъ ему съ красавцемъ, стр. 161, № 31.

Жена убила мужа, стр. 168, № 33.

Молодецъ въ темницѣ сидитъ изъ-за дѣвицы, стр. 169, № 36.

Дѣвушка идетъ за водой; за разбитый жбанъ достался ей панъ, стр. 170, № 37.

Панъ Цыбульскій продаетъ жену, стр. 177—8, № 48.

Отецъ убилъ сына по наговору мачехи, сестра предупреждаетъ брата заранѣе, онъ не вѣритъ, стр. 178, № 49.

Дѣвушка убиваетъ себя, не желая пережить смерть возлюбленнаго, стр. 186, № 59.

Влюбленные умираютъ, стр. 195, № 73.

Мельникъ не отдаетъ дочь за старосту, хитрость послѣдняго, стр. 199—200, № 80.

Король требуетъ, чтобы краковянка пошла за него, она отказываетъ; ее казнятъ, стр. 200, № 81.

Мужъ тонетъ въ Дунаѣ, жена, не желая пережить его, зарѣзывается, стр. 201, № 83.

Милая выкупаетъ изъ неволи, стр. 204, № 88.

Мать запретила сыну жениться, его смерть, голосъ его изъ подъ земли, стр. 206, № 94.

Казаки сманили дѣвушку съ собой, она, видя ихъ бѣдность, плачетъ-горюетъ, стр. 206, № 95.

Сестра проситъ братьевъ сорвать яблочко и отнести матери, чтобы та вспомнила ее на далекой сторонѣ, стр. 211, № 99.

Дѣвушка убѣгаетъ съ любовникомъ, онъ ее топитъ, братъ спасаетъ, стр. 213, № 102; тоже, любовникъ убиваетъ ее, стр. 215, № 108.

Любовникъ указываетъ дѣвушкѣ на 8 убитыхъ женъ и хочетъ ее также убить, но она сама убиваетъ его хитростью, стр. 214, № 103.

Злая свекровь; сноха превращается въ тополь, стр. 214, № 104.

Отецъ (или мать) не хочетъ выдать дочери замужъ; она умираетъ, стр. 215, № 110 и стр. 231, № 132.

Мужъ разбойникъ, стр. 217 № 115.

Дѣвушка дѣтоубійца, стр 220, № 116.

Панъ Сава и гости съ Украйны—гайдамаки, стр. 230, № 131.

Всѣ пѣсни, темы которыхъ мы перечислили весьма распространены и имѣютъ массу варіантовъ.

Теперь перейдемъ къ четвертому отдѣлу. Въ него вошли kujawiaki, mazury, wiwaty, piésni pasterskie, żartobliwe, kołysanki и wyrwasy. Это — по большей части коротенькія пѣсенки самаго разнообразнаго содержанія, и какъ намъ кажется, не составляющія одного разряда, какъ по содержанію, такъ и съ чисто внѣшней стороны—по размѣрамъ. Большинство wyrwasów по своему общему типу весьма близко къ пѣснямъ V-го отдѣла—къ краковякамъ. Это пѣсни припѣваемыя при танцахъ, большею частью экспромты, порождающіеся въ громадномъ количествѣ, и скоро умирающіе. Одна мода смѣняетъ другую и одна припѣвка вытѣсняется массой другихъ, лишь станетъ извѣстной порядочному кругу молодежи. Въ нихъ отражается погоня за новостью, стремленіе къ оригинальности и современности. Если мы взглянемъ на русскую народную пѣсню, то увидимъ то же явленіе; припѣвка, маленькая четырехстрочная пѣсенка распространяется шире и шире, вытѣсняя старинную протяжную пѣсню. У нашихъ сосѣдей, латышей, подобная припѣвка совсѣмъ уже вытѣснила сложную пѣсню.

Въ сборникѣ г. Глогера мы находимъ 584 краковяка самаго различнаго содержанія. Общій типъ ихъ—также какъ и великорусскихъ припѣвокъ слѣдующій: первые два стиха—сравненіе, взятое изъ природы, слѣдующіе два — объясненіе его бытовыми чертами, напр. стр. 275, № 155 и др.

Многія пѣсни снабжены музыкой, обработанной г. Носковскимъ. Таковъ общій видъ сборника. Онъ представляетъ много интереснаго, но претензіи автора, что онъ можетъ служить какъ пособіе—совершенно напрасны. Трудно въ немъ розыскать даже извѣстную пѣсню: ни подробнаго оглавленія, ни указателя мы въ немъ не находимъ. Къ тому же г. Глогеръ, хотя и говоритъ, что прочелъ всѣ сборники, изданные другими, однако не потрудился сдѣлать при своихъ пѣсняхъ ссылки на варіанты—хотя бы на польскіе, а вѣдь это необходимое, какъ намъ кажется, условіе, чтобы сборникъ имѣлъ серьезное значеніе. Такія указанія мы находимъ даже въ старыхъ сборникахъ! Не думаемъ, чтобы подражаніе было здѣсь лишнимъ.

Указаніе на варіанты и версіи въ значительной мѣрѣ облегчило бы работу изслѣдователя, принужденнаго теперь заниматься долгой черновой подготовительной работой розысканія варіантовъ изучаемой имъ темы.

В. Н. Перетцъ.

Календарь Вятской губерніи на 1893 г. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка, 1892.

Мы говорили о содержаніи «Календаря» на 1892 годъ. «Календарь» на 1893 годъ лучше своего предшественника.

Онъ содержитъ статьи:

«Вотяки», П. А. Матвѣева, перепечатанную изъ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза-Ефрона;

«Алфавитъ языческихъ именъ Черемисъ Елабужскаго уѣзда». г. Магницкаго (небольшой списокъ черемисскихъ именъ, мужскихъ и женскихъ, въ которомъ не мало именъ русскихъ—христіанскихъ и еще болѣе татарскихъ—магометанскихъ);

«Матеріалы для объяснительнаго областнаго словаря вятскаго говора», г. Васнецова (продолженіе, буквы *г—ж*);

«Село Истобенское», г. Селивановскаго (описаніе хозяйственнаго быта одного изъ наиболѣе промысловыхъ селъ Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда);

«Каменныя орудія въ Слободскомъ уѣздѣ и связанныя съ ними суевѣрія», его же (они признаются народомъ за «громовыя стрѣлки», считаются приносящими счастье дому, гдѣ находятся, и охраняющими лицъ, которыя ими владѣютъ);

«Повѣрья, обряды и обычаи при рожденіи, бракѣ и смерти крестьянъ Слободскаго уѣзда», очеркъ, составленный мѣстною уроженкою, народною учительницею, и содержащій въ себѣ, между прочимъ, рядъ свадебныхъ пѣсенъ;

«На Великой рѣкѣ», г. Курбановскаго (впечатлѣнія богомольца, принявшаго участіе въ многолюдномъ крестномъ ходѣ изъ г. Вятки въ село Великорѣцкое для поклоненія древнему образу св. Николая Чудотворца);

«Зюздинскій край (Глазовскаго уѣзда)», г. Штейнфельда. Авторъ мастерски описалъ одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ Вятской губ. (по верховьямъ Камы и западнымъ отрогамъ Уральскихъ горъ), населенный отчасти полу-обрусѣвшими Пермяками, отчасти полу-опермячившимися русскими, лишенный всякихъ промысловъ и исключительно хлѣбопашескій, хотя лѣса полны дичью, а рѣки рыбою. Жители его представляютъ собою нѣчто особенное по тупости и неразвитости и ведутъ скучную, замкнутую жизнь.—Эта статья—лучшая въ «Календарѣ».

Кромѣ названныхъ статей, въ «Календарѣ» находится нѣсколько статей историческаго и археологическаго содержанія (отрывки изъ сочиненій путешественниковъ XVI—XVIII вв. о Вяткѣ и ея обитателяхъ; путешествіе Эрдмана по Вятской губ. въ 1816 г.; о костеносныхъ городищахъ на сѣверо-востокѣ Россіи, и др.), на нашъ взглядъ, не представляющихъ значенія.

А. С—скій.

Brandstetter R. Charakterisirung der Epik der Malaien. Luzern. 1891. Стр. 46 in 4°.

Работа г. Брандстеттера даетъ рядъ краткихъ и неособенно новыхъ свѣдѣній объ эпической литературѣ Малайцевъ; для тѣхъ, кому доступны соотвѣтствующія сочиненія голландскихъ ученыхъ, она представляетъ мало интереснаго. Не безполезнымъ слѣдуетъ однако признать пересказъ, съ переводомъ отдѣльныхъ мѣстъ, трехъ поэмъ: Видасари, Кенъ Тамбуханъ, Ятимъ Нустафа; надо только пожалѣть, что авторъ не счелъ нужнымъ остановиться на вопросѣ о несомнѣнно индѣйскомъ происхожденіи по крайней мѣрѣ первыхъ двухъ поэмъ.

С. О.

Zemmrich. Johannes. Toteniseln. und verwandte geographische Mythen. Mit einer Karte. Inaugural-dissertation zur Erlangung der philosophischen Doctorwürde an der Universität Leipzig. Leiden 1891. стр. 28. in 4°. (Отд. оттискъ изъ Intern. Arch. für Ethnographie).

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не съузилъ своей задачи, для удачнаго исполненія которой у него очевидно недостаетъ свѣдѣній и которая выходитъ по обширности своей далеко за предѣлы брошюры. Получился благодаря этому не особенно систематическій и совсѣмъ не полный каталогъ мѣстностей, считаемыхъ «землею умершихъ» (гл. I. Die

Lage des Totenlandes). Къ нему прибавлены весьма краткіе, съ свѣдѣніями случайнаго характера, очерки (гл. II—V): объ источникѣ жизни. Пути и путешествія въ страну умершихъ. Параллели въ описаніяхъ страны умершихъ. Атлантида. Въ виду, повторяемъ опять совершенно случайнаго подбора фактовъ нечего и указывать на пропуски, замѣтимъ только, что напр. всему азіатскому материку посвящено $1^1/_2$ стр. съ нѣсколькими, частью весьма сомнительными, чисто случайными, замѣчаніями. Особенно слѣдуетъ пожалѣть о такомъ характерѣ работы г. Цеммриха, въ виду того, что сама тема, имъ избранная весьма, важная и матеріаловъ у него для ея обработки вполнѣ достаточно.

С. О.

Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Garkoch. Herausgegeben, übersetzt und in seinem literarischen Zusammenhange beleuchtet. Berlin. 1891. стр. 54 in 4°. (Изъ Abh. d. Berl. Akad.).

Интересная работа проф. Нёльдеке касается сказки на тэму, извѣстную у насъ подъ именемъ «Морока» и особенно любопытна тѣмъ, что ему удается въ ней прослѣдить сказку до ея несомнѣннаго источника — легенды объ исторически извѣстномъ лицѣ. Въ виду того, что можетъ быть не всѣмъ извѣстна сказка, о которой идетъ рѣчь, я позволю себѣ, прежде всего, передать вкратцѣ ея содержаніе.

Однажды нѣкій врачъ во время своихъ странствованій пришелъ въ Багдадъ. Онъ увидѣлъ здѣсь молодого повара, владѣльца съѣстной лавки, прекраснаго собою, но весьма печальнаго; отвѣчая на распросы врача, онъ открылся ему и разсказалъ, что влюбленъ въ дочь халифа и, что тоска по ней и сознаніе невозможности обладать ею совсѣмъ уничтожаютъ его. Врачъ совершаетъ заклинанія и дочь халифа прилетаетъ ночью на своемъ ложѣ къ юношѣ. Такъ продолжается въ теченіи нѣкотораго времени; дочь халифа становится беременной; разгнѣванный халифъ требуетъ у нея объясненій, она разсказываетъ какъ было дѣло. Чтобы узнать, въ чей домъ царевна улетаетъ каждую ночь визирь совѣтуетъ положить къ ней открытый мѣшочекъ со пшеномъ: по слѣдамъ выпавшаго пшена и можно будетъ найти соблазнителя. Такъ и дѣлаютъ; врачъ при помощи своихъ чудесныхъ знаній предвидитъ что̀ случится, и уговариваетъ юношу не безпокоиться. Когда на утро халифъ является къ дому повара съ визиремъ и войскомъ, врачъ велитъ юношѣ вылить съ крыши кувшинъ воды; вокругъ дома является бушующая рѣка, которая поглощаетъ солдатъ, вошедшихъ въ нее по приказанію халифа. Халифъ испуганный возвращается во дворецъ, куда являются вскорѣ врачъ съ юношей. Царь хочетъ казнить юношу, но благодаря волшебной силѣ врача палачъ отрубаетъ голову не юношѣ, а сперва своему помощнику и затѣмъ себѣ самому. Испуганный халифъ преклоняется передъ врачемъ, который даетъ затѣмъ пробы своего волшебства: Львы, вытканные на занавѣсѣ рычатъ, послѣ чего врачъ обращаетъ ихъ въ кошекъ. Врачъ велитъ принести большой сосудъ съ водой и приглашаетъ визиря войти въ воду; министръ входитъ въ воду, и ему кажется, что онъ среди бушующихъ волнъ моря — волна выбрасываетъ его на берегъ, и онъ вдругъ видитъ, что превратился въ женщину; сынъ рыбака, который нашелъ его на берегу, беретъ его къ себѣ въ жены, и у него послѣдовательно рождается семь дѣтей. Съ горя, что ему столько приходится терпѣть, превращенный визирь хочетъ кинуться въ море и вдругъ оказывается, что онъ въ сосудѣ съ водою и что все это было волшебствомъ. Чтобы заставить халифа испытать тоже, что̀ и онъ самъ испыталъ, визирь увѣряетъ своего повелителя, что ему представились разныя райскія видѣнія. Царь идетъ въ воду и тоже оказывается въ морѣ, которое его и выбрасываетъ на берегъ. Послѣ разныхъ странствованій онъ поступаетъ въ услуженіе къ какому-то повару въ одномъ городѣ; это занятіе ему скоро надоѣдаетъ, онъ дѣлается посредникомъ между купцами на базарѣ. Однажды кто-то ему поручилъ продать драгоцѣнный камень; онъ предлагаетъ его различнымъ покупщикамъ и сговаривается съ однимъ изъ нихъ за 100,000, но тутъ вдругъ драгоцѣнный камень оказы-

вается кускомъ смолы, и халифа, какъ обманщика, ведутъ на казнь; его уже вѣшаютъ, какъ вдругъ онъ, открывъ широко глаза, видитъ, что находится въ своемъ дворцѣ, въ сосудѣ съ водой. Сказка кончается свадьбою повара и халифской дочери.

Проф. Нёлдеке, указывая на турецкія версіи сказки о врачѣ и поварѣ, опредѣляетъ время составленія арабской версіи между XIV—XV вв., полагая такимъ образомъ между временемъсочиненія сказки и смертью того лица, которое явилось въ ней героемъ, одно или два столѣтія. Лицо это, которое Нёлдеке удалось установить главнымъ образомъ благодаря сказкѣ въ «Сорока Визиряхъ», никто иное, какъ извѣстный мистикъ Шахаб-аддинъ Сухраварди, казненный за ересь, 17 января 1192 года, въ Алеппо. Легенда, окруживъ его ореоломъ мученичества, приписала ему близкое знакомство съ наукою—Симія, т. е. умѣньемъ внушать другимъ разныя фантастическія представленія; постепенно переходя въ сказку, легенда потеряла свой мистическо-волшебный характеръ и явилась веселымъ и забавнымъ разсказомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ правильности отожествленія проф. Нёлдеке мистика легенды съ врачемъ сказки, но для лучшаго выясненія вопроса о переходѣ вообще легенды въ сказку желательно было-бы найти еще нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ, особенно въ области легенды о Сухраварди.

С. О.

ОТДѢЛЪ IV.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ въ IV отд. «Жив. Стар.» II в. 1892 г.

Въ средѣ народа здѣшней мѣстности косметическія средства употребляются слѣдующія: обыкновенныя бѣлила и пудра и для румянъ карминъ, или просто фуксинъ; брови наводятъ саломъ. Всякое званое пиршество, вечорки, посѣщеніе церковныхъ службъ, прогулки во время праздниковъ вызываетъ желаніе каждой молодой женщины, а тѣмъ болѣе дѣвушки «притереться», по мѣстному выраженію, но общественное мнѣніе (какъ города, такъ и деревни) какъ-бы противъ того и про слишкомъ злоупотребившихъ косметикой говорятъ: «ну, ужъ и нащекатурена (штукатурена) была!»...

Иванъ Мамакинъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ.

Олонецкія былины въ сказѣ И. Т. Рябинина мнѣ случилось прослушать два раза 8 января въ засѣданіи И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи [1]) и 15 числа того-же мѣсяца въ Спб. 7-ой гимназіи.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, крестьянинъ деревни Горницы, Олонецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, сынъ извѣстнаго былиннаго пѣвца, отъ котораго въ 1871 году записалъ 23 былины покойный Гильфердингъ и издалъ въ своемъ сборникѣ «Онежскихъ былинъ». Низкаго роста, не плечистый, но крѣпкій и бодрый на видъ, безъ сѣдины, онъ выглядитъ моложе своихъ 49 лѣтъ; съ непривычнымъ положеніемъ среди «господъ» онъ освоился довольно скоро, такъ что во второй разъ я не замѣтилъ той застѣнчивости, какая была въ немъ въ собраніи Географическаго Общества. Рябининъ живетъ крестьянскимъ хозяйствомъ, продаетъ сѣно, отчасти хлѣбъ, а больше дрова въ Петрозаводскѣ; въ Петербургѣ онъ прежде никогда не бывалъ. Онъ совершенно неграмотный; былинамъ и духовнымъ стихамъ научился отъ своего отца съ голоса и, по словамъ г. Виноградова, преподавателя мѣстной гимназіи, привезшаго его въ Петербургъ, знаетъ болѣе 6,000 стиховъ. Голосъ у него сильнѣе, чище и пріятнѣе, чѣмъ у крестьянина Касьянова, сказывавшаго былины въ Обществѣ въ прошломъ году, и, какъ вообще у олончанъ, протяжный, вслѣдствіе чего является какая-то неясность, неотчетливость, открытость гласныхъ звуковъ въ слогахъ безъ ударенія, почти исключительно въ предшествующихъ ударяемому слогу и весьма рѣдко въ слѣдующихъ за нимъ. Мнѣ слышалось *а* вмѣсто *о*, *я* вмѣсто *е*, *и* вм. *е*, однако далеко не такъ ясно, какъ оно замѣчается въ южно-великорусскихъ говорахъ, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Открытое, близкое къ *а*, было *о* въ словахъ: халодной, дасадушку, паѣдешь, ка городу, супрятивникъ, падходелъ, малотцѣвъ, саловая, каренья, падорожные, пасылае, памахивати, малодой, краволитія, повада, пабьешь, ва свой, рабёночка, ка тому ка двору, драгацѣнную, сабѣ (=собѣ), изъ каей орде и рѣже за ударяемымъ слогомъ: на сырў ваду, въ борóздачки, ва синé маре, королéвскай сынъ, царь небéснай.

Звукъ *я* вмѣсто *е* передъ ударяемымъ слогомъ находился въ словахъ: улятали, нядавно, ня вѣдаите, кляновая, заяжжяли, своягo, изъ тямной орде, на няго, воявода, лявонидова, сягодня, ня знаю, бязъ года (послѣднія три слова я слышалъ въ разговорѣ съ Рябининымъ), ящо, и послѣ шипящихъ: чаловѣческымъ, ничаго, ай жа, шалковую; за ударяемымъ слогомъ: вечара, провожая (=провожаетъ), могочія люди, (вм. могочіе), широкіяхъ (=широкіехъ), кабацкія (голи), столовыяхъ, золочёныя, разудалыяхъ, перелетныяхъ.

[1]) Мы воспользовались и замѣтками г. Тупикова и другихъ, отмѣчавшихъ вмѣстѣ съ нами особенности произношенія Рябинина въ этомъ засѣданіи Отдѣленія.

На мѣстѣ *е* безъ ударенія употреблено было *и* въ словахъ: Б*и*резова, б*и*рётъ, м*и*ня (=меня), мат*и*рѣть и удал*и*нькой, отеч*и*ству.

Такъ какъ звукъ *а* вмѣсто неударяемаго *о* и звукъ *я* вмѣсто—*е* произносились не слишкомъ ясно и въ большомъ числѣ словъ вовсе отсутствовали, то считаю эту особенность узко-мѣстною, являющеюся подъ вліяніемъ сильнаго произношенія ударяемаго слога; по крайней мѣрѣ, ни въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, ни во многихъ другихъ изданныхъ сѣверно-великорусскихъ народныхъ памятникахъ, этой черты не замѣчается, исключая скудныхъ слѣдовъ: пялигримища (на Пудогѣ) Онежск. былины, Гильфердинга 1873 г., стр. 763; к*а*раблика, к*а*рабъ (Кенозеро и Моша), тамъ же, стр. 1132, 1133; хлѣбецъ *а*ржаной (Пинежск., Холмск., Шенкур. у., Архангельск. губ.), Матеріалы по этногр. рус. нас. Арханг. губ., собран. Ефименкомъ, въ трудахъ Этн. Отдѣленіи И. Общ. Люб. Еств., Антроп. и Этногр., кн. V, вп. II, 1878 г., стр. 247; отъ обѣдни воскресенск*ія*, тамъ же, 18; до тое березоньки кудрявы*я*, тамъ же, 27; весны красны*я* (род. ед.), здѣс*я* (Мезень), тамъ же, стр. 52, 80; безъ каз*а*ни вм. каз*е*ни=казни (Онега). Пѣсни, Кирѣевскаго, ч. III, стр. 62, изъ ты*я* норы (Олонецкъ) тамъ же, ч. II, стр. 27; карова́шка при коровашка (Холмогор.) Словарь Арханг. нарѣчія, Подвысоцкаго, стр. 63; кр*а*ваточку (Новгор.) Причитанія сѣв. края, Барсова, ч. I, стр. 143, до лавочки торговы*я* (Олонецк.), тамъ же стр. 5; до церкви соборны*я*, отъ умны*я*, кротк*ія*, Пермскій сборникъ, ч. I, отд. II, стр. 78, ч*а*сала, тамъ же, стр. 46; кр*а*ватушкѣ, тамъ же, 37 (сравн. отъ с*я*стрицы, тамъ же, ч. II, стр. 141, с*я*стрица, ч. I, 66, кол*я*чка, 21, т*я*стюшко, тамъ же, ч. II, 141, т*я*ст—ётъ, 151); у Колосова, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великор. нарѣчія (Прил. къ XXVIII т. Зап. Акад. Н.) записано въ Олон. губ., Каргоп. уѣздѣ: куч*я*ръ, ч*а*ямъ, вид*я*ли (стр. 41); въ Вятск. губ. п*а*лтора (Нолинскій уѣздъ), с*а*водни (Вятск. у.), сер*я*дь 46, (Нолинск. у.); менѣе рѣдко встрѣчается *и* вм. *е*: м*и*ня, Матеріалы, Ефименко, кн. V, вып. II, стр. 271; б*и*сѣдкѣ, тамъ же, 271; м*и*ня Пѣсни, Кирѣевскій, I, стр. 54,86; оч*и*нь, т*и*бѣ, с*и*бѣ Пермск. сборн. ч. II сказки, стр. 120, 121, 124. Сверхъ того, см. Очеркъ русской діалектологіи Проф. А. И. Соболевскаго «Живая Старина» 1892 г. Вып. II, стр. 14, 16 и слѣд.

Почти постоянно замѣнялъ Рябининъ посредствомъ *е* звукъ *я* и *а* (послѣ шипящихъ), какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: оставл*е*етъ, медв*е*ной, пр*е*моѣзжчоёй, пол*е*ницъ, Св*е*тославговицъ, Карач*е*рова, на п*е*ту, п*е*тьсотъ, п*е*тьдесятъ, моя государын*е*, повытр*е*хнуть, Сел*е*ниновичъ, им*е*то; въ глаголахъ обыкновенно *се* вмѣсто *ся*: померитнс*е*, насмѣхаесьс*е*, погибалис*е*, застоялис*е*, отламилис*е*.

Звукъ *и* на мѣстѣ *ѣ* попадается такъ рѣдко, что, напримѣръ, во второй разъ я не слыхалъ его ни въ одномъ словѣ; въ первый же, насколько отмѣтилъ, онъ находился въ словахъ: на св*и*т*и*, св*е*р*и*пая, Богъ тоб*и* помочь, и иногда въ окончаніи: въ бороздачк*и*, въ пол*и* (стар.-рус. пол*и*), ч*и*мь (стар.-рус. чимь), а во всѣхъ прочихъ словахъ съ *ѣ* слышалось ясное *е*: зв*ѣ*ри, выб*ѣ*гали, об*ѣ*душку, цв*ѣ*точки, в*ѣ*даешь, *ѣ*ствушки, см*ѣ*ты н*ѣ*тъ, насм*ѣ*хаесьсе, сов*ѣ*тъ, м*ѣ*стечко, *ѣ*дешь, *ѣ*хали, л*ѣ*са, р*ѣ*кой, р*ѣ*чи, ор*ѣ*ховецъ, стр*ѣ*ляешь, стр*ѣ*лочекъ, р*ѣ*звы, с*ѣ*на (въ разговорѣ), вс*ѣ*хъ, ч*ѣ*лованіе, ч*ѣ*лой.

Довольно распространенною чертою являлось *е* вм. *и* и подъ удареніемъ и безъ ударенія: м*е*лосл*и*вой, прич*е*таетъ, на почестенъ п*е*ръ, тет*е*вочке, *Е*лья Иванов*е*чъ, К*е*ёвъ, обирал*е* кресты, пом*е*ритесе, м*е*ру, чадо м*е*лое, пон*е*же всѣхъ, с*е*лушке, муж*е*чки, ход*е*лъ, веход*е*лъ (=выходилъ), сад*е*лись, разл*е*вати, мек*е*тынецъ, м*е*лость, скоч*е*лъ, р*е*бушке (=рибушке вм. рыбушки), ск*е*давалъ одежечю, беж*е*тъ, спуст*е*ть, баз*е*ка (=базика значитъ насмѣшникъ); вмѣсто Владимиръ постоянно употреблялось Владэм*е*ръ, съ твердымъ *дэ*, близкимъ къ *ды*, что̀ отмѣчено было и самимъ Гильфердингомъ въ говорѣ Рябинина-отца.

Расширеніе е въ ё замѣчено мною въ словахъ: чисто полё, чадо милоё, пированіё, змiёношокъ, моёй, коёй, соловоёй, попухиваё, поскриповаё, почиркиваё, третьёво дни (въ разговорѣ), булатнёго, всё, берёзы, въ трёхъ (въ разговорѣ), орётъ, берётъ, ёго, вѣдашь, Кеёвомъ, булатнёму, сошки кленовыё, именёмъ, перелётныяхъ утёношокъ, рабёночкомъ,

полёмъ, тёсть, по учёному, учёные, грошовъ, ай жо, перыщо, чёрнымъ, горынищё, тежолые, малотцовъ, близёхонько, дитё опальное, даже одёлъ (=одѣлъ) одежу; въ рѣдкихъ случаяхъ ё остается безъ измѣненія: пéстрой, отстéгивалъ, пристéгивалъ.

Замѣна ударяемаго *а* посредствомъ *о* представилась намъ въ словахъ: плочь вм. плачь, плочьте, оратóюшка, остова-ко (=оставь-ко), а также—безъ ударенія—остовлѣетъ, произлогали.

Какъ весьма любопытную особенность слѣдуетъ замѣтить *о* на мѣстѣ *у*: могочіе люди, междо, въ Почай рѣкѣ, Моромля, тамъ-же Муромля, року (руку), Исоса (=Іисуса), къ Исосо, по меро (=міру), модросей, на дрогой день, шобку (=шубку) по Кеёво, гору золотоё, хоть огнемъ пожго (пожгу), распостить, голово сроблю, дружинушку хороброю; вмѣсто ѣствушка разъ было произнесено ѣствешкой; вспомнилъ матушко.

Колосовъ въ «Обзорѣ звук. и форм. особенностей нар. р. яз.», стр. 100, 101 приводитъ нѣсколько случаевъ постановки *о* вм. *у* (чаще въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ); впрочемъ только немногіе кажутся заслуживающими вниманія: ожготить (при ожгутить) Вологодск.; окроти (Олон. губ., Гильф., 246); перехожою (вин. ед. ж., тамъ же, 234); достоплю (Влад.), конью (вм. кунью, Рязанск.).

Слово кустъ, показалось мнѣ, выговаривалось какъ кӯстъ, а Богъ — какъ Бӯгъ, въ духовномъ стихѣ на Вознесеніе—Бӯгъ мелосливой.

Вмѣсто дородній въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, И. Т. Рябининъ говорилъ дуродней, и на бѣлы нучи (вм. ночи).

Подобную черту въ Вятскомъ говорѣ подмѣтилъ Даль (О нарѣчіяхъ, стр. 27): онъ говоритъ, что вятское *о* произносится мѣстами какъ *уо* или *ы*: ничевуо, собуолья. Но Колосовъ считаетъ это обманомъ слуха и объясняетъ мѣстною склонностью къ растяженію, или, какъ онъ называетъ ее—долготою (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи сѣверно-великор. края, стр. 64—65).

Въ нѣкоторыхъ словахъ *е* было не умягчительнымъ звукомъ, какъ обыкновенно, а твердымъ: скорэшенько, дэнь, золотэя рѣчи.

Кромѣ выше указаннаго Владэмеръ, въ которомъ *э* звучитъ близко къ *ы*, подобный звукъ встрѣтился въ словѣ дэмъ вмѣсто дымъ: на дэмъ спущю; наконецъ слово громъ было сказано какъ грэмъ.

Въ употребленіи согласныхъ звуковъ наиболѣе замѣтною чертою является извѣстная постановка *ч* на мѣсто *ц* и наоборотъ, впрочемъ далеко не послѣдовательно слышавшаяся: *ч* вмѣсто *ц*: чѣлованіе, чѣловалъ, чѣлой, крестьяновечъ, паличе, косичею, черквахъ, молодечъ, птичю, одежичю, серчо; но правильно: лицю, царь, царевичи, поляница, пьяницы, крыльицо, перьицо, кабацкія, орѣховецъ, раздольице, портомойнице, Микиткинецъ, старце.

Ц вмѣсто *ч* рѣже: Святославговицъ, плеця, тетевоцка, мецъ; но правильно: чадо, плочь, обученъ, чёрнымъ чёрно, чаловѣческимъ, времечко, кричитъ, золоченые, могочіехъ, хочется, ученые, покончилась, получкою, вечяра, жyребчикомъ, выволочу, чисто, Пучай, далече, ничаго, греческой, манишечкой, рубашечки, черезъ, племничку Забаву дочь Путятичну, отечиству, Петровича, почестенъ, плечко.

Звуки *ч*, *ц* и *ж*, даже двойное *жж* выговаривались мягко: птичю, кричитъ, вечяра, отця-матери, лицю, по раздольицю, одежицю, питьицей, пьяницы, плеця куплютця, похаживалъ, поваживалъ, жяребчикомъ, пріѣжжялъ, заяжжялъ, подъяжжялъ, ѣжживалъ; впрочемъ слово лежитъ отмѣчено у меня съ твердымъ *ж*: лежытъ.

Звукъ *жд* находился въ словахъ: рождѣляти при роздѣляти, мэждо и прохлаждаесьсе. Твердо произносилось *щ*: що, ащо, но всетаки не какъ два твердыхъ *ш*, которые замѣтны были въ словѣ вышше (того); мягче было *щ*: пороспущени, спущю, деревеньщины.

Въ словѣ прямоѣзжая на мѣстѣ *зж* стояло *жч* (*ч* твердое)—премоѣжчоей.

Мягкое *к* случилось подмѣтить въ словѣ тетевоцкю.

Вмѣсто что и чтобы выговаривалось што и штобы.

Слова щирокъ (=широкъ) и щалыгой (=шалыгой) имѣли *щ* взамѣнъ *ш*.

Въ одномъ случаѣ наблюдалось *т* вм. *д*: тушино (—душину) спустелъ.

Опущено было *с* передъ *тр* послѣ *д*: подтрѣлить, а потомъ въ словахъ: кресьянинъ, кресьянствовати, мелосливъ, есь; што есь людей.

Мягко звучало *р* въ *ре*бушке (вм. рибушке), Добр*и*нюшко, далѣе пе*рь*вой, саха*рь*ный, богаты*рь*скаго.

Звукъ *г* произносился безъ придыханія одинаково—въ началѣ, срединѣ и исходѣ словъ: говорилъ, городъ, господъ, грошовъ, другой, ду-друга, могочіе, не могутъ, Вольга Святославговичъ, Богословіе, Богъ; въ окончаніи род. ед также всегда *г* безъ придыханія и не *в*: его, единаго, богатырьскаго, булатнёго, литовского.

Изъ особенностей въ формахъ словъ болѣе выдаются слѣдующія:

1. Въ мѣстоименіяхъ: имен. ед. 3 л. постоянно употребляется ёнъ, им. мн. опи и оны безъ различія рода; род. ед. ёго, нёго, его; понлъ ее (вин. ед. ж. р.); отъ ты—род. тобя, дат. тоби; отъ себя—дат. себѣ, тв. собою. Весь въ имен. мн. имѣетъ форму вси, всѣхъ родовъ; вмѣсто тотъ иногда ставилось тей, тв. ед. м.—ср. р. Тымъ: тымъ былиночка покончилась,—такими словами оканчивалъ Рябининъ каждую былину; род. множ. тыхъ: съ тыхъ да горъ. Далѣе отмѣчу—дат. ед. ж. р. этоёй, род. мн. ж. моехъ (головъ), вин. ед. въ сво*е* горенку, занесъ свое руку правуё,

2. Въ существительныхъ: зват. Іане Богослове служилъ также именительнымъ; имен. мн. бояре, богатыре, род. мн. бояровъ; род. ед. ж. р. вышше голов*е*, изъ коёй орд*е*, изъ тямной орд*е*, хороброй Литв*е*; вин. мн. ж. р. обирале кресты-маковк*е*, въ паличк*е* булатніе, мелки рѣченк*е*; им. множ. ребушк*е*, палич*е* погибалисе; вин. множ. отцей-матерей; тв. множ. медама всё стоялыма.

3. Въ прилагательныхъ: имен. ед. м. р. всегда на *ой* и *ей*: царь небесн*ай* (—небесной), кёевскай удаленьк*ой*, молоденьк*ой*, прикован*ой*, дуродн*ей*, но иногда вмѣсто *ой* встрѣчается *ые* и *ое*: ай жа ты стар*ые* казакъ, братецъ крестов*ые*, молодой—стар*ое* казакъ; въ имен. множ. муж. женск. и средн. р. окончаніе *е* или *я*, замѣняющее *е*: богатые, шелковые (гужики), могочія (—могочіе) люди, кабацкія (—кабацкіе) голи; въ причастной формѣ им. пад. мн. ч. ср. р. на *и*: поростущен*и* (крыльица). Род. ед. муж., сред. р. обыкновенно оканчивается на *ого*: молодого, богатырского, литовского, булатнёго, соловьего,—если-же иногда слышалось у Рябинина окончаніе *аго*: богатырьск*аго*, то это можно объяснить звуковою особенностью—произношеніемъ неударяемаго о какъ *а*, или же книжнымъ вліяніемъ черезъ духовные стихи; сравн. слова тысяща, которой.

Род. ед. женск. р. кленовыё (сошки); род.-вин.-мѣстн. множ. ч. всѣхъ родовъ оканчивается на *ыехъ*, *іехъ* или съ *я* вм. неудар. *е*—*ыяхъ*, *іяхъ*, или же *ыихъ*, *іихъ*: могучіехъ, столовыяхъ, разудалыяхъ, въ тридцатыехъ, перелетныяхъ утёнышекъ, симедвяныихъ.

Дат. ед. ж. р. по быстроёй; дат. ед. ср. р. булатнюму; дат. мн. дубовыемъ, по норамъ по змѣиныемъ, широкіямъ.

Вин. ед. ж. р. шалковую, крекновитую, хороброю (дружинушку); вин. ед. м. р. молоде Луку на крутна берегъ; вин. мн. ж. р. горы сорочинскіе, золотэя рѣчи, золоченыя.

Твор. ед. ж. р., прямоѣжчоей, востроей; тв. ед. м. р. родныемъ братцемъ.

Мѣстн. ед. ж. р. соловоей и на кобылки соловоё.

Отъ другой твор. ед. муж. р. другомъ (городомъ).

4. Въ именахъ числительныхъ: твор. тре*ма* город*амы*. Рябининъ на вопросъ, сколько лѣтъ, отвѣчалъ: петьдесятъ безъ единого.

5. Въ глаголахъ: въ 3 л. ед. ч. окончаніе *тъ* часто отпадаетъ: поскриповаё, отъ гл. хочу 2 л. ед. хотишь понукиваё почиркиваё, провожая (= провожаетъ).

Форма есть однажды была поставлена въ значеніи есмы: мы ест*е* Митреевичи.

Въ неопредѣл. накл. встрѣчаются окончанія *ти* и *ть*: остовлявати, роздѣляти, слушати, заступити, но—хотѣлъ спустеть, распостить, кресьянствовать.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить употребленіе члена: име-то, во чисто-то поле.

Въ синтаксическомъ отношеніи любопытно выраженіе: Мужикъ деревенщина везетъ батюшк*а*—прикованой.

Не лишне указать нѣкоторыя особенности въ удареніи: на́ помочь, божья́ помочь, му́жевья, зя́тевья, да́ры, у мо́его, покри́вились со́ловей, въ со́ловья — разбойника, мо́лодой, по́ сороку пудъ, въ бо́розду, петьсотъ бы дали́, къ ка́заку, бога́тыре, именё́мъ, мѣ́стечко, милость, по писа́ному, на божьи́хъ, го́ворилъ, далече́ далече́.

Былины, сказанныя И. Т. Рябининымъ, не заключаютъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, существенныхъ варіантовъ, которые бы дополняли былины, записанныя Гильфердингомъ отъ его отца; по большей части разница состоитъ въ перестановкѣ стиховъ, въ замѣнѣ однихъ словъ другими и отличіями въ звукахъ и формахъ.

Добавимъ недостающій стихъ въ былинѣ о Вольгѣ Святославговичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины, стр. 437); «а кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стоитъ». Слово базика въ значеніи насмѣшникъ въ былинѣ «Королевичъ изъ Крякова» сохранилось у Рябинина—сына, но безъ страннаго эпитета «новодревняя»; стихъ у Гильфердинга въ той-же былинѣ: вынималъ-то свой онъ ножъ булатнюю (стр. 538), — съ сомнительною формою булатнюю — вин. един. муж. род.—былъ сказанъ Рябининымъ такъ: вынималъ то онъ да свой булатней ножъ; стихъ (тамъ же) — онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной ручкѣ, звучащій какъ-то по книжному, — такъ именно и былъ повторенъ И. Т. Рябининымъ.

Въ музыкальномъ отношеніи былина складывалась изъ чередующихся двустишій, не всегда, впрочемъ, строго соблюдаемыхъ; первый стихъ представлялъ повышеніе, второй пониженіе; каждый изъ нихъ содержалъ въ себѣ иногда четыре (чаще въ первомъ), иногда три (чаще во второмъ стихѣ) тонической стопы:

1. Оретъ въ полѣ ратай й понукиваё,
2. Сошка у ратая поскрипываё.

Н. Волковъ.

Поклоненіе дереву.

Почтенный трудъ В. Маннгардта «Der Baumcultus der Germanen und ihre Nachbarstämme. Mythologishe Untersuchungen. Berlin 1875. Ss. XX+646— хотя и заключаетъ въ себѣ не мало указаній на поклоненіе дереву у Славянъ, Литовцевъ и другихъ народовъ нашего міра или нашей половины арійскаго и христіанскаго человѣчества, однако съ этой стороны могутъ быть сдѣланы значительныя дополненія какъ изъ произведеній устной словесности, живыхъ народныхъ преданій и обрядовъ, такъ и изъ разныхъ памятниковъ письменности. Сказанное относится не только до народовъ славянскихъ, но и всѣхъ почти настоящихъ или нѣкогда бывшихъ и уже исчезнувшихъ народовъ восточной Европы и Русской Азіи.

Въ недавно изданномъ югославянскою Академіею Наукъ въ Загребѣ XXIII-мъ томѣ драгоцѣннаго для науки изданія Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium (Zagrabiae 1892), посвященномъ Босніи, подъ названіемъ: «Acta Bosnae potissimum ecclesiastica cum insertis editorum documentorum regestis ab anno 925 usque ad annum 1752 (VI+613 стр.), помѣщено въ числѣ многихъ другихъ, доселѣ неизвѣстныхъ и болѣе или менѣе важныхъ документовъ, особенно XVI и XVII в., одно письмо 1629—30 г., писанное въ Римъ членамъ коллегіи пропаганды или другимъ вліятельнымъ людямъ въ Римской куріи однимъ неизвѣстнымъ духовнымъ лицемъ, посѣтившимъ находившіяся тогда подъ властью Турокъ Славонію и южныя части Венгріи. Жалуясь на печальное состояніе римско-католической церкви въ этихъ краяхъ, авторъ этого письма приводитъ въ доказательство разныя данныя. Такъ онъ указываетъ на отсутствіе монастырей и на недостатокъ священниковъ: въ иныхъ де приходахъ только монахи пришедшіе изъ Босны, «братья очень не любимы за свою распущенную жизнь, и потому (жители) предпочитаютъ священниковъ (тоже, прибавимъ холостыхъ, словно болѣе цѣломудренныхъ, чѣмъ монахи). Эти братья не хотѣли принять ревизоровъ (визитаторовъ) и обозвали ихъ папскими шпіонами, почему эти ревизоры были схвачены и задержаны Тур-

ками и только благодаря большому пособію христіанскихъ купцевъ, спасли себѣ жизнь. Двое изъ этихъ братьевъ-пароховъ (приходскихъ священниковъ), од⁻ъ въ Смедеревѣ (Samandria) въ провинціи Срѣмской (di Srieno) и другой въ провинціи Пожеганской (al Barcariccio nella Provincia di Poszega) стали Турками (т. е. перешли въ исламъ) для свободы жизни, ибо Турки ихъ сдѣлали дворянами (cavalieri). Эти братья-парохи объявляютъ населенію, что у нихъ власти больше, чѣмъ у священниковъ, въ великіе праздники они раздаютъ индульгенціи, т. е. отпущеніе грѣховъ на 500 и 600 лѣтъ тѣмъ, кто присутствуетъ на ихъ мессахъ... «Въ провинціи Темешварской, гдѣ большинство—католики, нѣтъ ни единаго священника, и потому люди живутъ и умираютъ безъ таинствъ, а дѣти безъ крещенія. Въ провинціи Пожеганской (Nella provincia di Possega nel Ducato Zerni) есть одно дерево, называемое Липа (chiamato Lippa) въ мѣстности пустой, гдѣ всякое первое воскресенье девятой луны (in un luogo deserto, dove ogni prima Domenica della luna nona (собирается множество (concorre gran numero) Турокъ и Христіанъ съ жертвами и со свѣчами и другими предметами (con voti et candele et altre cose). Ближній приходскій священникъ (il parrochiano ivi vicino) за милостыню, которую здѣсь собираетъ, служитъ мессу. Они (т. е Турки и Христіане) обожаютъ это дерево (adorano quell' arbore), прикладываясь къ нему, какъ бы къ святымъ мощамъ (basciandolo come fossi un corpo santo) и сказываютъ, что оно творитъ чудеса и исцѣляетъ тѣхъ, кто приноситъ ему обѣты (con dire, che fa miracoli, et sana quelli, che fanno voto a detto albore), что одни отъ него выздоравливаютъ, къ другимъ болѣзнь ворочается съ теченіемъ времени (et alcuni ne sanano, et ad alcuni ritorna il male con progresso di tempo); указанные безпорядки происходятъ частью отъ турецкой тиранніи, частью отъ невѣжества правящихъ (не правящихъ ли слово Божье?—per ignoranza di rettori) (ibid. pp. 390—1).

Авторъ этого письма заявляетъ далѣе, что для устраненія всѣхъ такихъ безобразій нуженъ епископъ и рекомендуетъ для сего аббата Игнатія Аллегретти.—Редакторъ и составитель этого важнаго сборника источниковъ печальной исторіи вѣчно-несчастной Босны, францисканецъ Евс. Ферменджинъ присоединилъ любопытное примѣчаніе къ этому мѣсту письма о поклоненіи липѣ. «Объ этой липѣ, говоритъ онъ, е я чудесахъ и множествѣ сходившагося къ ней народа, писалъ епископъ боснійскій Іоаннъ Томко Морнявчичь въ житіи блаженнаго Августина, епископа Загребскаго. Онъ утверждаетъ, что эта липа была посажена блаженнымъ Августиномъ. См. Sigismundi Ferrari, Appendic... ad commentarios de rebus Hungaricae provinciae ordin. praedicatorum. Viennae. 1637».

Какъ для насъ не имѣетъ, такъ и для туземныхъ турокъ и христіанъ XVII в. не имѣло конечно значенія, была или не была эта липа посажена епископомъ Августиномъ. Надо полагать, что Морнявчичь самъ или кто другой изъ благочестивой братіи уже въ послѣдствіи сочинилъ эту басню, понадобившуюся имъ для оправданія вѣры населенія въ эту липу и въ творимыя ею чудеса [1]).

Адамъ Бременскій († ок. 1076 г.) говоритъ о Пруссахъ, что они не припускаютъ христіанъ къ своимъ рощамъ и источникамъ, дабы не осквернили ихъ. Поморскіе Славяне въ Штетинѣ имѣли большое дерево (орѣховое) посвященное божеству (идолу). Они просили Оттона Бамбергскаго не рубить его, обѣщая ему подъ клятвою, что не будутъ приносить тамъ жертвъ демонамъ, по выраженію Эбона.

Славянское житіе св. Константина философа, говоря о пребываніи его въ Крыму, расказываетъ о томъ, что старые христіане, жители Фуллъ (Готы?) поклонялись одному

---

[1]) Это извѣстіе о поклоненіи липѣ у Сербовъ и Хорватовъ (въ нач. XVII, въ к. XVI в.) служитъ дополненіемъ и поправкою прекрасной статьѣ Шулька (Zašta Slaveni poštuju lipu. Rad. Iugosl. Ak. Kn. XLIII, str. 149—188.

дереву:—Это былъ «дубъ велеи, сърасль се съ чрѣшнею, и подъ нимъ же трѣбы дѣахоу, нарицающе именемъ Александръ, женскоу полу не дающе приступити къ нему, ни къ трѣбамъ его».—На замѣчанія Философа о великомъ грѣхѣ имъ, не эллинамъ, покланяться дереву, х о у д ѣ и в е щ и, они отвѣчали: «мы сего нѣсмы начали отъ нына творити, нъ отъ отецъ есмы пріяли, и отъ того обрѣтаемъ вся за прошенія наша, дъждь наипаче и инаа многа, и како сіе мы сътворимъ, его же нѣсть дерзнулъ никтоже отъ насъ сътворити? аще бо дерзнетъ кто се сътворити, тогда же съмрьтъ оузрить, и не имамы к тому дъжда видѣти до кончины».—Философъ всетаки уговорилъ ихъ срубить это дерево, что впрочемъ едва-ли отучило жителей отъ суевѣрій, а на уменьшеніе дождей въ ихъ мѣстности несомнѣнно имѣло вліянье. *В. Ламанскій.*

Двина рѣка.

У южныхъ Эстовъ она называется Weina-jogi (Wa'na-jogi), у сѣверныхъ—Tüina-jogi, у Ливовъ, вѣроятно, только верхнее теченіе называлось Vina (по Генриху Латышскому), а судя по тому, что прибрежные Ливы по нижнему теченію ея назывались Veinalenses, нужно думать, что нижнее теченіе ея называлось у Ливовъ Weina (ср. эст. wein, wein, кур. waina, лив. wein—проливъ, широкое устье (рѣки). Возможно впрочемъ, что названія Duna и Weina прилагались безразлично къ Двинѣ (ср. также у Скандинавовъ Сѣв. Двина — Vina). Возникаетъ вопросъ, тожественны ли этимологически эти три названія (Duna (Düina), Weina, Двина) и если тожественны, то какъ объяснить разность ихъ формы. Основываясь на соображеніяхъ, высказанныхъ выше (въ ст. о Корси) при разборѣ названія Двари, я признаю ихъ этимологическое тожество и нахожу первичную ихъ форму въ лит. twinti—вздуваться, подыматься (о водѣ); twinkti—вздуваться) о беременныхъ животныхъ, вымени, опухоли и др.); twindyti, twenkti—заставить вздуваться, подыматься (о водѣ); лит. twanas—наводненіе, разливъ, водополь; twaningas, twanus—разливающійся, наводняющійся. Относительно перехода гласныхъ ср. также эст. wing—лат. dwans, dwinga,—чадъ, угаръ; лит. twankas—духота. Вѣроятно того же корня русск. дунуть [1]), эст. tüne, кур.-лив. tün—беременный (о скотѣ) (? ф. tyyni—подушка); зыр. djyn, dyn, din—устье, истокъ; куро-лив. duunj, лит. duhnjas=тина (ср. р. Tene, Tinewa, оз. тиневатое въ Вологод. губ.). Сюда же вѣроятно нужно отнести польск. dunaj—рѣчка, потокъ; мазур. dunaj — глубокая вода (озеро, ручей) съ высокими берегами, пропасть; у русскихъ на югѣ и въ Олонец. губ. дунай—потокъ (см. ст. Соболевскаго въ Живой Старинѣ, II, 1890, стр. 101). Слѣдовательно названія рр. Двина и Дунай этимологически тожественны, а равно и тожественны русскій былинный герой Дунай и финскій гавнаго герой—божественный пѣвецъ Вейне (Wainö), Вейнемейненъ (Wainamöinen). Любопытно, что и прозвища этого героя «Калевалы» подтверждаютъ мое толкованіе, именно Suwantolainen, Uwantolainen, т. е. обитатель Сувантолы, Увантолы: ф. Suvanto=tyven, tyyni—тихая вода между двумя водопадами или бурными мѣстами; кур.-лив. üva, övä, лоп. uvve—тихое теченіе; эст. hoowama (? древ. Soowama)—тихо и величественно течь; tüwene, tüwi—тихій и ровный (о водѣ). Ср. по лат. Daugawa—Двина лат. duga — вязкая слизь плывущая по водѣ, муть; duhgains—мутный. *Ю. Трусманъ.*

Ворожея XVII в.

Въ 1630 г. въ Лебедяни появилась татарка ворожея. О ней былъ произведенъ розыскъ, и мы изъ сыскныхъ рѣчей узнаемъ, какимъ образомъ эта женщина ворожила. Полнѣе и интереснѣе всего показанія стрѣльца Назара Мотюнина: «Ворожила де меня и лечила глаза, наговаривала де воду и сыпала де просо въ воду, и меня де умывала тою водою; да мнѣ же де пускала въ глаза женское молоко, а имала де женское молоко у стрѣлецкой жены Сазона Волкова». Иное сообщили о лѣченіи Назара Мотюнина двое другихъ изъ опрошенныхъ: «(одинъ) лечила де ему глаза, вынувъ печень изъ овцы, а лечила де у Назара глаза... поръ, о десятой пятницѣ, послѣ того какъ была у меня». «(другой): Взяла де у него алтынъ денегъ и подержала де у него на рукѣ и, подержавъ де, да привязала

[1]) Въ *доу-нж-ти н* принадлежитъ не корню, какъ очевидно въ приводимыхъ словахъ финскихъ. *Ред.*

на лбу надъ глазы и велѣла отслужить ему молебенъ Николѣ». Большинство сообщило, что ворожея при ворожбѣ «смотритъ на руку и на нутрю щупаетъ». У двоихъ изъ спрошенныхъ находимъ еще ту подробность, что она ворожила лукомъ.

(Дѣло объ этой ворожеѣ находится въ Актахъ Московскаго государства, т. I, стр. 303—305). Сообщилъ *Н. Тупиковъ.*

Отзывъ медальной коммисіи о трудахъ Д. Чл. Проф. А. И. Соболевскаго по исторіи и географіи Русскаго языка. [1])

Въ 1881 г. появилась небольшая книжка «Изслѣдованія въ области русской грамматики» (91 стр.), магистерская диссертація А. Соболевскаго. Въ этомъ молодомъ трудѣ уже можно было замѣтить незаурядныя качества: хорошее филологическое образованіе, близкое знакомство съ обнародованными памятниками древняго русскаго языка, мѣткость и точность въ наблюденіяхъ. Все это обратило вниманіе ученыхъ на молодого автора и возбудило въ нихъ надежды на него. И эти надежды были оправданы, скорѣе и болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ 1883 г. нашъ авторъ издалъ «Статьи по Славяно-Русскому языку» (37 стр.), а въ 1884 г. «Очеркъ изъ исторіи Русскаго языка» (156 стр.) и въ дополненіе къ нимъ двѣ статьи (въ Р. Фил. Вѣстн.): «Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XV в. (С. 18) и «Псковскій Трефолой 1446 г.», т. е. описаніе рукописи XV в. съ чертами Псковскаго говора. Въ своихъ Очеркахъ авторъ выяснилъ главныя особенности и отличительныя черты Галицко-Волынскаго нарѣчія въ теч. XII—XV в. на основаніи внимательнаго изученія правописанія и языка пятнадцати рукописей, нѣсколькихъ грамотъ и Ипатскаго списка Лѣтописи, и особенности Псковскаго говора въ XIV в. на основаніи пяти древнихъ списковъ Апостола 1307, Апостола 1309—1312 г., Параклитика 1369 г., Пролога 1383 г., Параклитика 1386 г. и еще трехъ рукописей безъ годовъ, но несомнѣнно XIV в. и одной XV в. Этотъ трудъ Соболевскаго, вышедшій 9 лѣтъ тому назадъ, обогатилъ науку множествомъ новыхъ, положительныхъ, точныхъ данныхъ по исторической грамматикѣ и въ особенности по исторіи поднарѣчій и говоровъ Русскаго языка. Обширное знакомство съ рукописною литературою, точность и мѣткость наблюденій съ замѣчательнымъ чутьемъ языка доставили А. И. Соболевскому видное мѣсто въ наукѣ, уже имѣвшей труды Срезневскаго, Буслаева, Потебни, Колосова. Съ годами укрѣплялись силы молодого ученаго, а съ переходомъ Проф. Соболевскаго изъ Кіевскаго въ Петербургскій Университетъ, когда открылась ему возможность работать болѣе прежняго надъ рукописями, въ богатыхъ здѣшнихъ книгохранилищахъ, возростала и начитанность нашего энергическаго, трудолюбиваго ученаго въ древнихъ и старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописяхъ. Въ настоящее время, смѣло можно сказать, проф. Соболевскому принадлежитъ почетное мѣсто перваго въ Россіи и въ цѣломъ Славянскомъ мірѣ ученаго знатока Русскаго языка въ его историческомъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи.

Не распространяясь о трехъ послѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Звуки церковно-Славянскаго языка. 1888. Стр. 34. 2) Обще-славянскія измѣненія звуковъ. 1889. Стр. 49. 3) Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891. Стр. 153 — хорошихъ пособіяхъ для университетскихъ слушателей, не лишенныхъ новыхъ цѣнныхъ замѣтокъ и соображеній,—остановимся на двухъ послѣднихъ трудахъ проф. Соболевскаго: Лекціи по исторіи русскаго языка, изданіе второе (первое вышло въ Кіевѣ въ 1888 г.) СПБ. 1891. V+270 стр. и Очеркъ русской діалектологіи, помѣщенный въ четырехъ книжкахъ «Живой Старины» 1892 (139 стр.).

Эти два труда А. И. Соболевскаго находятся въ тѣсной связи съ его Очерками изъ исторіи русскаго языка. Въ Очеркахъ и особенно въ лекціяхъ втораго изданія Русская историческая грамматика по двумъ отдѣламъ фонетики и морфологіи,—отдѣлъ

---

[1]) Отзывъ написанъ Предс. въ Отдѣленіи.

синтактическій еще разрабатывается авторомъ,—достигла небывалой еще полноты и обилія точныхъ, положительныхъ данныхъ, извлеченныхъ авторомъ изъ первоисточниковъ, древнихъ и старинныхъ нашихъ рукописей. Очеркъ русской діалектологіи состоитъ изъ 5 отдѣловъ: Введеніе, гдѣ выясняется важность изученія народныхъ говоровъ русскаго языка, указываются главнѣйшіе труды по этой части. Первая глава посвящена характеристикѣ Южнаго Великорусскаго нарѣчія и говоровъ акающихъ, вторая—характеристикѣ Сѣвернаго Великорусскаго нарѣчія и говоровъ окающихъ, третья—характеристикѣ Бѣлорусскаго нарѣчія и его говоровъ, четвертая—характеристикѣ Малорусскаго нарѣчія и его говоровъ. Само собой этотъ очеркъ страдаетъ большою неполнотой, немаловажными пробѣлами и неточностями. Никто конечно лучше автора не сознаетъ этого. Но авторъ рѣшился, а редакторъ Живой Старины съ радостью и признательностью взялся его напечатать на страницахъ журнала, дабы вызвать мѣстныхъ знатоковъ и наблюдателей со всей Россіи къ сообщенію въ редакцію необходимыхъ исправленій и пополненій всѣхъ неизбѣжныхъ въ настоящее время неточностей и пробѣловъ. Хотя въ наукѣ нашей и имѣются нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя діалектологическія наблюденія такихъ знатоковъ, какъ Даля или изслѣдованія такихъ ученыхъ, какъ Срезневскаго, Потебни, Семеновича, однако до труда Соболевскаго у насъ еще не было ни одного общаго, цѣльнаго очерка русской діалектологіи съ такими частными подробностями, ни одного свода разсѣянныхъ по самымъ разнообразнымъ изданіямъ свѣдѣній и данныхъ о различныхъ говорахъ всѣхъ трехъ русскихъ нарѣчій. Изъ всѣхъ наличныхъ русскихъ ученыхъ никто лучше Соболевскаго не былъ приготовленъ къ составленію такого очерка русской діалектологіи. Этотъ трудъ нашего ученаго уже вызвалъ и долго еще будетъ вызывать разныхъ мѣстныхъ наблюдателей къ доставленію въ отдѣленіе этнографіи необходимыхъ поправокъ и дополненій. Этотъ очеркъ Соболевскаго имѣетъ немалое значеніе и для не сознающихъ еще важности своего живаго знанія мѣстныхъ знатоковъ родныхъ говоровъ; онъ научитъ ихъ, что̀ именно достойно наблюденій и отмѣтъ въ языкѣ мѣстнаго населенія, и пріохотитъ многихъ и многихъ провинціальныхъ, уѣздныхъ жителей къ плодотворнымъ живымъ наблюденіямъ. Благодаря этому труду Соболевскаго можно будетъ такимъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ приступить къ первому нанесенію на карту границъ разнообразныхъ говоровъ русскаго языка и къ составленію возможно-полной русской діалектологіи, что̀ конечно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ Отдѣленія Этнографіи.

Сверхъ упомянутыхъ трудовъ, А. И. Соболевскому принадлежитъ длинный рядъ значительныхъ статей и замѣтокъ по различнымъ вопросамъ славянской и русской филологіи, археологіи и этнографіи и разныхъ критическихъ разборовъ и отзывовъ о трудахъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ по этимъ предметамъ. Нерѣдко въ самыхъ небольшихъ статьяхъ и замѣткахъ нашего ученаго встрѣчаются цѣнныя новыя данныя, соображенія, объясненія.

Во вниманіе къ неутомимой энергіи даровитаго автора и отличнымъ его познаніямъ, въ уваженіе его заслугъ по исторіи и географіи Русскаго языка Отдѣленіе Этнографіи положило присудить Д. Чл. Общества Проф. А. И. Соболевскому большую золотую медаль Отдѣленія.

Примѣч. Подъ отвѣтомъ г. И. Мамакина (Вопр. и Отв.) слѣд. читать: «Зашт. гор. Починокъ Нижегор. губ.

Лица, внесшія при началѣ изданія Живой Старины 10 или 11 р. и не подписавшіяся еще на 1893 г., благоволятъ увѣдомить Редакцію, желаютъ ли они получать журналъ и въ текущемъ году.

